

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

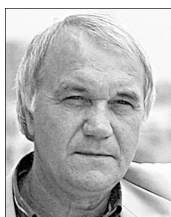
НИЖНИЙ НОВГОРОД

N I Z H N Y N O V G O R O D 6 (6 5) / 2 0 2 5

АЛЕКСАНДР
ЛОШКАРЕВ
ЛИПЕЦК

4

АЛЕКСАНДР
КОВАЛЕВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

7

ИРИНА
ДЕМУТЬЕВА
НИЖНИЙ НОВГОРОД

11

ДМИТРИЙ
ЛАГУТИН
БРЯНСК

19

ВЕРА
СЫТНИК
ЕССЕНТУКИ

38

МИХАИЛ
ПЕСИН
НИЖНИЙ НОВГОРОД

48

ВЯЧЕСЛАВ
КАРТАШОВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

72

ОЛЕГ
КУИМОВ
МИЛЬКОВО
МОСКОВСКОЙ ОБЛ.

91

ОЛЬГА
КОСОВА
КОСТОВО

135

ЕВГЕНИЯ
КОРЕШКОВА
ОВСЯНКА
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛ.

152

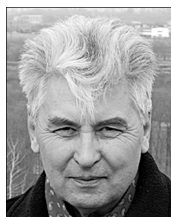
РОМАН
СЕНЧИН
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

166

ОСИП
ФУФАЧЕВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

187

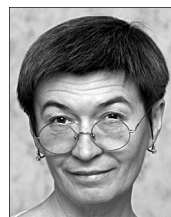
АНДРЕЙ
РУМЯНЦЕВ
МОСКВА

208

ВЯЧЕСЛАВ
ЛЮТЫЙ
ВОРОНЕЖ

230

ТАТЬЯНА
КРИНИЦКАЯ
САРОВ

235

16+

В НОМЕРЕ

Поэзия

Александр ЛОШКАРЕВ	
ЭТО ВРЕМЯ, КАК СОВЕСТЬ, ДОСТАНЕТ ТЕБЯ ВЕЗДЕ...	4
Александр КОВАЛЕВ	
ПЕРЕЖИТЬ БЫ КРИТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ...	7
Ирина ДЕМЕНТЬЕВА	
ТРЕВОГА	11
Наталья ЮРКЕВИЧ	
ТАМ, ГДЕ РАНЬШЕ ЖИЛИ МЫ...	14

Проза

Дмитрий ЛАГУТИН	
СЕРЕДИНА ЛЕТА	19
Вера СЫТНИК	
ВОЗВРАЩЕНИЕ	38
Михаил ПЕСИН	
РЕВНОСТЬ	48
Игорь ОЗЁРСКИЙ	
СЛЕДЫ ТЯЖЁЛЫХ ЛАП	52
Анастасия БУГРЕЕВА	
ГИРЛЯНДА	54
ТАКСИ	56
НА КРАЮ	57
Андрей ГАРАНИН	
ОДИНОЧКА	58

Поэзия

Андрей ИВОНИН	
НЕБЕСНЫЙ ПОРТНОЙ	69
Вячеслав КАРТАШОВ	
СЛОВНО ВЕЧНОСТЬ ГЛЯДИТ ИСПОДЛОБЬЯ...	72
Вита ПШЕНИЧНАЯ	
НА ЖИЗНИ ЕСТЬ СВОЯ, ОСОБАЯ ПЕЧАТЬ...	75
Николай ПИДЛАСКО	
ВСЯ РОССИЯ У НАС НА ВИДУ...	79
Татьяна ТУНГУСОВА	
ЗАНЕСЛА МЕНЯ НЕЛЕГКАЯ...	83
Яна АКУЛИНИНА	
Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! УБЕГАЙ	87

Проза

Олег КУИМОВ	
СВЯТОЧНЫЙ РАЗГОВОР	91
Галина ЩЕКИНА	
ДУНОВЕНИЕ РОЖДЕСТВА	105
Степан РАТНИКОВ	
НЕ ОТХОДЯ ОТ КАССЫ	110
Сергей КРИВОРОТОВ	
СТАНЦИЯ БЕЗЫМЯННАЯ	113

Мария ГОРОДЕНЦЕВА	
В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ Н.	116
Татьяна АКИЛОВА	
РОЯЛЬ	118
ПТИЦА НА ОБЛАКЕ	120
ДЛИННОХВОСТАЯ СИНИЦА	121
Александр БОНДАРЬ	
У АНГЕЛА-ХРАНИТЕЛЯ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВЫХОДНЫХ.	122
ВСТРЕЧА В ПОДВОРОТНЕ	123
МАТЧ СОСТОИТСЯ В ЛЮБУЮ ПОГОДУ	125
Вячеслав ЛЯМКИН	
БЛАГОДАРНОСТЬ.	126
Владимир ШАМОВ	
ХОЛОДНЫЕ СТЕНЫ ДАЛЕКОГО СЧАСТЬЯ.	130
КОГДА ТЕБЯ ЗАБЫВАЮТ.	133
Ольга КОСОВА	
ВРЕМЯ ЛЕЧИТ	135

Из будущих книг

Роман КУШНЕР	
«ОЙ ТЫ, РУСЬ, МОЯ РОДИНА КРОТКАЯ...» Отрывок из романа «Милосердие» . . .	140
Евгения КОРЕШКОВА	
ЕЗДОВОЙ. Отрывок из книги	152

Стихи по кругу

Роман БАШКАРДИН	158
Петр РОДИН	159
Наталья ФИЛИМОНОВА	160
Олег РЯБОВ	161
Ирина МОЛОЧКОВА	162
Фарид ХАЙРУЛЛИН	162
Валентина КОРОСТЕЛЁВА	163
Леонид СЛАВИН	164

Публицистика

Роман СЕНЧИН	
ПИСАТЕЛИ СОВЕТСКОГО ВЕКА. Биографические зарисовки	166
Осип ФУФАЧЕВ	
УБЕЙТЕ МЕНЯ В ГОРОДЕ	187

Вехи памяти

Андрей РУМЯНЦЕВ	
ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК. 145 лет со дня рождения Александра Блока	208
Светлана ЛЕОНТЬЕВА	
МЫСЛИТЬ ПО-РУССКИ, ЧИТАТЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ	223

Литпроцесс

Вячеслав ЛЮТЫЙ	
СОГЛЯДАТАЙ БЫТИЯ. Поэтический голос Александра Орлова	230
Татьяна КРИНИЦКАЯ	
ОКАЯННЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ	
Владимир О. Дэс «Русский клуб»	235

Александр ЛОШКАРЕВ

Родился 1993 году в Липецке. Окончил Липецкий государственный педагогический университет по специальности «преподаватель истории и мировой художественной культуры».

Автор сборников стихов, публикаций в журналах «Петровский мост», «Веретено», «Подъём», «Бельские просторы» и других. Участник Всероссийских совещаний молодых писателей в Ульяновске, Уфе, Воронеже, Химках. Лауреат литературной премии «В поисках правды и справедливости», Всероссийской премии им. Андрея Дементьева. Живёт в Липецке.

ЭТО ВРЕМЯ, КАК СОВЕСТЬ, ДОСТАНЕТ ТЕБЯ ВЕЗДЕ...

* * *

Ты не бил себя в грудь, не кричал: «Я за Русь!»,
не крестился публично на храмы,
только в сердце хранил нашей улицы грусть
да слова своей старенькой мамы:
«Будь достоин сынок, не клони головы,
лишь бы совести ты не стыдился,
чтобы я не боялась соседской молвы
и отец на том свете гордился».
Что такое слова? Неказисты, просты,
знай, летают, как по ветру листья,
но друзьям расставляя на память кресты,
мы выросли до азбучных истин.
Ты не спился, не скурвился, не заторчал,
не загнул от финки дебила,
только память нет-нет да кольнёт по ночам:
как же смерть нашу юность любила!
Потому ты оставил свой цех заводской
и пришёл на поклон к военному.
Мог же пересидеть, отмахнуться рукой,
но живёшь по иному закону.
Ты сильнее меня. Это точно теперь.
Дай Бог силы тебе возвратиться,
чтобы мама открыла квартирную дверь
и на грудь тебе пала, как птица.
Чтоб тебя окружив, во дворе пацаны
снизу вверх восхищённо глядели,
чтоб звучали кругом песни мирной весны,
а сирены вконец онемели.

* * *

Казалось, воздух звонок и упруг,
 терялись рельсы где-то в небе синем,
 ползли составы с техникой на юг,
 и детвора глазела, рты разинув.
 Откуда в сердце пробралась печаль,
 транзитный полустанок полусонный?
 Но дед Кузьмич смотрел угрюмо вдаль,
 где громыхали в детстве эшелоны.
 Беззлобно заругался на ребят,
 обжёг, споткнувшись, сигаретой пальцы
 и тяжело побрёл к себе назад,
 как будто время повернуть старался,
 и объяснить не мог себе сполна,
 что за напасть под старость приключилась.
 Он чувствовал, быть может, что война
 неузнанной в трёх буквах затаилась.

* * *

Жизнь смеётся в глаза, сколько с ней ни играй на желанья,
 всё равно карта бита и ты завсегда в дураках.
 Слишком веря словам, мы томили себя ожиданьем,
 слыша клич журавлиный в высоких седых облаках.
 Исчезали года, словно тихо взлетали синицы,
 как развеялся морок – пустой оказалась рука
 и война, что казалась игрой, подступила к границам,
 будто горло сдавила глухая ночная тоска.
 Что кивать и судить, чьё к тому привело поколение,
 если дом загорелся – сперва заливают пожар.
 Все мы платим сейчас эту горькую цену взросления,
 через боль выпрямляясь, держа, стиснув зубы, удар.
 По науке двора, так знакомой прошедшему детству,
 если дашь слабину непременно нарвёшься на нож,
 значит, нам никуда от себя не получится деться,
 значит, будет страна. Та, которой родней не найдёшь.

* * *

Родимая земля, ты вынесла так много,
 что стоит замереть – привидится вот-вот,
 как Богом данный царь махнул рукой на Бога,
 отрёкся от страны и предал свой народ.
 Предательству цена – жестокая немилость,
 и ветер – вой да плач, и роща – крест да гроб.
 Ты полностью тогда в крови детей омылась,
 для смерти все равны – и барин, и холоп.
 Катился век, огнём испепеляя страны,
 но ты всему назло жива в который раз.
 Под знаменем другим залечивала раны,
 чтоб снова воспитать тех, кто тебя предаст.

* * *

Вот в таком же, наверно, апреле,
словно этот, а впрочем – бог весть,
человек с пистолетом у двери,
человеку всегда тридцать шесть.
В этой жизни отнюдь не сиропной
смерть порой – избавленью сродни,
только чувствую злое сиротство
я в такие весенние дни.
Я не выдал бы, хоть бы и ведал,
что тогда ему душу скребло –
ожиданья, победы и беды –
улеглось. Устоялось. Ушло.
Вновь в России эпоха иная,
погребённый под толщею лет,
он, на счастье своё, не узнает,
что советской страны больше нет.

* * *

Это время придёт, хоть не верь в него, хоть зови.
Сколько мозг ей не пудри, судьба всё равно права.
На короткое время утонешь в чужой любви
и окажешься другом для всех, кого знал едва.
Это время придёт, равнодушно к твоей беде,
пусть ты путаешь след и меняются адреса,
это время, как совесть, достанет тебя везде
в тот момент, когда меньше всего ожидаешь сам.
Это время придёт. Потому не страшит оно.
Все окажемся вместе, явившись с другими врозь.
Если светит кому-то в потёмках твоё окно,
значит, всё не напрасно, что было и не сбылось.

Александр КОВАЛЕВ

Родился в 1949 году. Окончил Московский энергетический институт. Инженер-энергетик по образованию, доктор технических наук, профессор, академик ПАНИ. Одновременно более 40 лет профессионально работает в литературе. Поэт, публицист, автор двух десятков книг поэзии и прозы.

Лауреат премий Ленинского комсомола, имени Св. блг. князя Александра Невского, имени маршала Говорова Законодательного собрания и правительства Санкт-Петербурга и других.

Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

ПЕРЕЖИТЬ БЫ КРИТИЧЕСКИЙ ВОЗРАСТ...

Лыжный след

Чей лыжный след неверный,
осторожный,
растерянный,
на всей земле один
бледнеет после утренней пороши
меж этих редких елей и осин?

Зачем он здесь,
зачем петляет ложно,
где — ни жилья,
ни путного зверья?
Что ищет он,
что отыскать возможно
в такой глуши к исходу января?

А ветер кружит,
снеги наметает —
ему нет дела до чужих потерь.
Чей лыжный след?
Куда?
Зачем петляет?..
Ищи-свищи свой собственный теперь.

На двухминутной станции

На двухминутной станции Скуратово
кому с платформы женщина кричала:
«Еще не поздно повернуть обратно!
Еще не поздно все начать сначала!
Еще не поздно...»?

Взяв с пол-оборота,
состав пошел уверенно, с разгоном.
Она еще надеялась на что-то.
Она еще бежала за вагоном.

...А поезд шел.
Слегка вагон качало,
стоп-кран краснел под пломбой виновато...
Кому с платформы женщина кричала
на двухминутной станции Скуратово?

* * *

Когда сорвавшийся болид
сгорит дотла в пыли обочин,
и боль ночная отболит
на переломе дня и ночи.

Когда в гранитный парапет
волна устанет биться с лёта,
и бледный августовский свет
затеплится у переплета.

Когда на стыке двух времен
есть полчаса до первой птицы,
я умоляю об одном:
пусть сон сомкнет твои ресницы.

Пусть хоть на эти полчаса
твой сон не потревожат гулко
ни звук шагов, ни голоса,
ни шелест листьев в переулке.

Пусть хоть на стыке двух времен
тебе, как в юности, приснится
и светлый, и счастливый сон
за целый миг до первой птицы.

* * *

Пойдем мимо ветхой ограды
в осенний, заброшенный сад,
где так упоительно сладок
был первой листвы аромат.

Где в тихой, тенистой аллейке,
однажды открывшейся нам,
синицы играли на флейте,
приветствуя нас по утрам.

Пойдем вдоль акаций и кленов
туда, где у сонной воды

в опавшей листве золоченой
теряются наши следы.

Туда, где с душою флейтиста
садовник еще и теперь
слетевшее золото числит
горчайшей из наших потерь.

Старуха и кот

По ночам в постель приходит кот –
бестия, с которой днем нет сладу.
Он на грудь ей голову кладет
и заводит долгие рулады.

Он старухе что-то говорит,
деликатно обходя вопросы:
скоро ли рябина отгорит?
Скоро ли поставит точку осень?

Прикорнув на одеяла край,
он одну лишь ноту тянет строго,
словно просит:
– Ты не умирай,
поживи еще, ну хоть немного...

Гаснут в небе звезды не спеша.
Им диванчик ни убог, ни тесен.
И светлеет небо и душа
от кошачьих немудреных песен.

* * *

От платформы вечерней
отойдут поезда.
Сединою по черни
следом канет звезда.

И до утренней просини
в обжигающих сполохах
на холодном откосе
будут гаснуть осколки.

А с зарей, как положено,
в желтой робе рабочей
вдоль откосов ухоженных
прошагает обходчик.

И привычно и просто,
чуть замедлив свой шаг,
разметет по откосу
остывающий шлак.

Прозрачное

Вот и пришло опять
время пустых скворешен.
Листья сгребает мать,
пилит отец черешню.

Ходит в руке пила,
точит кору сухую –
жалко, а все ж пора –
время сажать другую.

Где-то под листопад
плачет прощально птица.
Ветер летит сквозь сад –
не за что зацепиться.

* * *

Пережить бы критический возраст,
оказаться на том рубеже,
где – больней,
отвратительней подлость,
но обиды терпимей уже.

Где не в спешке,
не вдруг,
не на ощупь
и не под шепоток со спины
с каждым днем и яснее, и проще
пониманье добра и вины.

Где по-прежнему нет и в помине
ни удач, ни в кармане гроша...
Но смиренней, чем прежде,
гордыня,
но просторней, чем прежде,
душа.

Ирина ДЕМЕНТЬЕВА

Родилась в 1957 году в Балахне, Нижегородская область. Окончила Горьковский госуниверситет (истфил). Работала корреспондентом Горьковского телевидения, экспертом Нижегородского фонда культуры, редактором радиогазеты, в настоящее время – редактор издательства «Кварц».

Автор поэтических и прозаических книг, художественно-биографического сборника «Лигия» (к 80-летию со дня рождения Лигии Лопуховой). Лауреат областных литературных премий им. Б. Корнилова, им. А. Люкина, им. М. Горького.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

ТРЕВОГА

Дети войны

До весны до нынешней, до весны
дотянулась ниточка из войны.
Крепко держит сцепочка – не разнять.
Там в поселке девочка – моя мать.
Худенький да слабенький – сам не рад –
Из Москвы приехал к ней младший брат.
Коленька, двоюродный, семи лет.
Не родной – а все-таки ближе нет.

Голодно и страшно Москва живет:
Старших братьев приняли на завод,
А меньшого, пряча от канонад,
Мать к сестре отправила – на догляд.
Только тыл не очень-то был глубок:
и стрельбы досталось им, и тревог...
Ну а пуще – голода, грозных дней,
И беды – со взрослыми наравне.

Был мальчонка слабый да не слабак!
Отбивался палкою от собак,
но донес обед, что в судках согрет,
из столовой школьной – больной сестре.
Эту верность братскую, на года,
Он потом сынам своим передал...
Появились братья и у меня,
Как броня надежная мне родня.

...Помолилась бабушка у икон,
Поясной отвесила им поклон,
Завернула лучшую – на базар,
хоть глядели сумрачно образа:

«Милосердный батюшка Николай,
нас в годину тяжкую выручай!
Ты в почете будешь – у всех. Всегда.
А детишкам нынче нужна еда...»

А детишкам – школа да огород,
Как умел, боролся за жизнь народ.
Шла в деревню девочка – моя мать –
На картошку платице обменять...
Ну а после – в госпиталь: чем помочь,
Там, где взрослым было уже невмочь...
Песней, словом ли поднимали дух –
И в бою, несломленный, воин стоил двух...

До весны до нынешней, до весны
дотянулась ниточка из войны...
Дотянулась – да и оборвалась,
По обеим семьям ударив враз.
Развязался жизненный узелок –
Вьется снова нитка в другой клубок,
Чтобы внуки-правнуки сберегли
Связь, что брат с сестрой тогда обрели...
Вот уже обоих на свете нет,
Друг за другом двинулись, след во след.
Друг за друга были всегда горой...
В горнем мире встретились брат с сестрой.

Тревога (август 2024)

Еще немного летнего тепла,
Еще глоток, прошу, мой добрый август!
Иначе с наступленьем ночи зла
И холодом грядущим я не справлюсь.
А тьма идет. И тянется за ней
Вся мразь морозная потусторонней силы...
Дай, август, нам немного светлых дней,
Чтоб исцелить надорванные жилы.

Дай нам ума не множить гневных строк
И не трепать возвышенного слога...
Ведь если недруг заступил порог,
Во всем моем дому звучит тревога –
Она не просто в ленте новостей,
Она по сердцу раною змеится
И бьется пульсом наших сыновей,
Заслоном вставших на родной границе.

Тревога – это боль в груди и лёд,
Что притаился и никак не тает.
А враг не дремлет – душу нам клюет,
Подмётных писем насылая стаи...

Не верь, не поддавайся! И в тебе
Найдутся силы, может, и немного...
Звучит тревога – как призыв к борьбе.
Вы слышите? Опять звучит тревога!

Церемония сожжения писем

Памяти мамы и ее подруги Веры

Друзей редееет щедрое наследство...

Лигия Лопухова

И чувства выдохлись, и память истончилась –
Скелетиком, как листья на просвет, –
Неясных слов чернильная унылость
В бумажном поле отошедших лет...

Ломаются, трепещут чуть живые
Листки, исписанные от руки:
Слова родные, имена родные,
События, что ныне далеки...

В них было все – любимые мужчины,
Проблемы быта, дети и мужья,
И музыка, и книги, и картины –
Прекрасные приметы бытия...

Полжизни в них.
В утратах и сомнениях,
Вопросах и ответах «злобы дня»...
Так близко всё!
...Я знала вас с рождения,
А вы друг друга знали до меня.

Тревожит завитушкой фамиллярной
Знакомый почерк – здравствуй, вот и я...
Там в долгий ваш «роман эпистолярный»
Вписалась между строчек жизнь моя.

Я не хотела этих откровений,
Они касались только вас двоих.
Твоя подруга волею последней
Меня просила уничтожить их...

Порвать и сжечь, нисколько не жалея,
Свидетельства былых тревог и бед...
Чужие письма я читать не смею.
Я исполняю принятый обет.

Хоть горько мне среди бумаг ненужных
Перебирать обрывки ваших дней,
Я выполняю завещанье дружбы –
Той, что наследством перешла ко мне...

Наталия ЮРКЕВИЧ

Окончила Латвийский государственный университет. Работала в различных учебных заведениях, занимаясь воспитательной работой. Публиковалась в поэтических альманахах и сборниках. На многие стихи написаны песни.

Живёт в Даугавпилсе, Латвия.

ТАМ, ГДЕ РАНЬШЕ ЖИЛИ МЫ...

Солнечный свет в фонтане

Я не громко. Шепну на ушко
Всем, кто близко и слышать может:
Полюбите меня лягушкой,
Всю такую, в зелёной коже,
Всю такую – с зеленым взглядом
Пучеглазых очей бездонных.
Мне от вас ничего не надо.
У меня бриллиантов – тонны.
Их дают иногда на сдачу,
Если мелкой монеты нету.
Не ношу. Раздаю и трачу,
И транжирю по белу свету.

А повсюду несутся визги,
Уличающие в обмане:
«Это блеск, мишура и брызги!
Это солнечный свет в фонтане!
Он дешевый, пустой, поддельный
И другим никогда не станет».
Всем незрячим скажу отдельно:
Это солнечный свет в фонтане!!!
И летят золотые мушки.
И плывет золотая пена.
Полюбите меня лягушкой.
Это сложно. Зато бесценно.

От и до

От забора до забора
– Мой участок.
И дорожка от крылечка
До калитки.

Эти вечные «нескоро»
И « нечасто»,
Ни привета, ни ответа,
Ни открытки.

От печали до печали –
Два притопа,
И распахнутое небо
В пятнах белых.
Ошибаемся в начале,
Копим опыт,
Только вот потом не знаем,
Что с ним делать.

От начала до финала –
Путь не длинный,
Если быстрыми шагами,
Без оглядки.
Кто-то грустный и усталый
Смотрит в спину,
Убеждается, что с нами
Всё в порядке.

Что нам стоит дом построить
На контрастах?
Дождь загадочный на окнах
Чертит знаки.
От забора до забора –
Мой участок.
И табличка: «Осторожно.
Нет собаки».

Варежки

Помню: летят снежинки.
Выше меня сугробы.
Варежки – на резинке,
Не потерялись чтобы.
Так неудобно бегать
В тяжести ста одёжек.
В валенках много снега,
Он мне мешает тоже.
Но я тащусь на горку
По ледяной тропинке.
Снежной покрылись коркой
Варежки на резинке.

Зимы теперь другие.
Падают с крыши льдинки.
Знаешь, кто мы такие?
Варежки – без резинки.

Но только не я...

Гуляют упрямые тучи по собственной воле.
Не падает снег никогда по команде «ложись».
Плывем по-собачьи на деле, а мысленно – кролем.
Читается слева направо короткая жизнь.

А если шептать... по слогам, не спеша, с расстановкой,
И каждую букву распробовать, еле дыша.
Клубочком свернется на старой потертой циновке,
Тебя поджидая в потемках, слепая душа.

А стрелки забудут, в какую им сторону мчаться.
И раньше положенных сроков нагрянет зима.
И кто-то однажды придумает формулу счастья.
Но только не я. Потому что не хватит ума.

Мона Лиза

В городе все уснули.
Час предрассветный близок.
В раме окна бабуля.
Явно не Мона Лиза.
Что-то увидеть хочет?
Или лежать устала?
Что она ищет ночью
В черной дыре квартала?
Даже не шелохнется,
Будто и впрямь картина.
Ждет не дождется солнца?
Или встречает сына?
Или в стекле оконном
Видит, глазам не веря,
Образ, такой знакомый,
Тот, что давно потерял?

Что ее душу гложет
Ночью слепой, незрячей?
Странно... а я ведь тоже
В раме окна маячу.

Продаётся дача

Продается дача.
Огород в придачу.
А еще рассветы –
Пламенем в окно.
Куст сирени справа,
Игры и забавы,
Маленькое лето,
Детское кино.

Стоптаные тапки,
Грабли, вилы, тяпки,
Аромат клубники,
Пчел веселый рой...
Старая скакалка,
Ранняя рыбалка
И шиповник дикий,
Но такой родной.

Что вы? Я не плачу.
Продается дача.
Все обыкновенно:
Розданы долги.
Вот и снова лето.
Старый домик, где ты? –
Крыша, двери, стены...
Мамины шаги...

Захолустье

Нас тут знает каждый кустик,
Каждый камень у реки.
Потому что в Захолустье
Все по-своему близки.
Строго рядом – домик к дому,
Этажей не больше двух.
Вон идёт соседка Тома.
Вон в углу сидит Лопух.
Дядя Фёдор хлещет пиво
И поэтому живой.
А вдоль улицы крапива –
Вечный уличный конвой.
Ну а как же без конвоя? –
С ним как будто веселей.
Ночь нагрянет, и завоюет
Пёс Аркашкин Бармалей.
Нет ума – считай калека.
Впрочем, если по уму:
Лишь бы он не кукарекал.
Без него тут есть кому.

Тот взлетит легко и гордо
На рассвете на забор
И такое выдаст forte,
Что созреет помидор,
Огурец раскинет плети
И картошка сбросит цвет.
Никому поспать не светит.
«Просыпайся, старый дед», –
Сам себе сказал и вздрогнул.
(Разговаривать-то с кем?)

И поплёлся дергать свёклу
У сарая в холодке.
Вроде силы на пределе.
Но пошёл – и понеслось.
Не валяться же в постели
И копить на сердце злость.
Жизнь вцепилась – не отпустит.
Ухватилась, как репей:
Воздух сладкий в Захолустье.
Хочешь – ешь, а хочешь – пей.

Там, где раньше жили мы

Там, где раньше жили мы
От зимы и до зимы
И спасались неподъемным одеялом,
Кто-то новый ждет весны,
Все прекрасно влюблены
В мир, которого для нас уже не стало.

Этот наш уютный мир...
Всё зачитано до дыр:
Две березы под окном и шум трамвая.
Дышат ровно и легко
Кухня, комната, балкон.
И опять... температура нулевая.

Где-то бродит кошкин дух.
Но не ловят взгляд и слух
Всё, что здесь еще по-прежнему витает.
Время. Скорость. Суета.
Арифметика проста:
Почему-то мы всё чаще вычитаем.

Вычитаем этажи,
Совершаем виражи
И рискуем, но со временем все реже.
Вот бы с чистого листа.
Но квартира занята.
Уходите. Здесь не жалуют приезжих.

Да мы просто посмотреть,
Посмотреть и умереть...
В смысле жить, но никого не беспокоить.
Просто, как тут ни крути,
Трудно начисто уйти...
Легче быть...на всякий случай...под рукою...

Проза

Дмитрий ЛАГУТИН

Родился в 1990 году в Брянске. Окончил юридический факультет Брянского государственного университета, работал юрисконсультom в сфере строительства. Редактор отдела прозы журнала «Наш современник».

В 2017 году занял первое место в Международном конкурсе «Всемирный Пушкин» в номинации «Проза». Лауреат Национальной премии «Русские рифмы», «Русское слово» в номинации «Лучший сборник рассказов». Рассказы публиковались в журналах «Нижний Новгород», «Новый берег», «Волга», «Нева», «Дальний Восток», в сетевых изданиях «Литература», «Южный остров».

Живет в Брянске.

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Проснулся Андрей к обеду – потому как допоздна сидел за компьютером и переписывался. Сперва собеседников было немало, и дело шло весело, но затем они стали прощаться и пропадать из сети – и в конце концов Андрей остался один на один с Витьком, который вообще спал абы как и ложился под утро.

– Бессонница, Андрюх, – объяснял Витек. – Сбил себе режим напрочь.

С Витьком переписывались сперва про учебу, потом про лето, от которого оставалась ровно половина, потом гадали, чем третий курс будет отличаться от второго, вспоминали, чем второй отличался от первого, строили планы на «экватор». Потом вспоминали попойки прошлого года, потом – позапрошлого. Витек рассказал, что его родители уехали на море, а его оставили – и он уже вторую неделю живет один, как «царь». Смотрит, если не спит или не переписывается, сериалы, щекочет нервы ужастиками.

С разговора об ужастиках перешли к страшным историям и городским легендам – и стали забрасывать друг друга ссылками, читать и комментировать.

В какой-то момент Андрей не без стыда признался сам себе: он рад, что его родители в отличие от родителей Витька не уехали на море, а мирно спят в соседней комнате. Он даже обернулся и посмотрел через плечо на стену с лесенкой и турником, с нее перевел взгляд на закрытую дверь. Отринул нелепую мысль о том, чтобы зажечь в комнате люстру, и остался сидеть при желтом свете настольной лампы и голубоватом – монитора.

«Я-то ладно, – думал Андрей, барабанив по клавиатуре. – А вот Витьку сейчас какво...»

Витек рассыпался испуганными смайликами, но в целом, кажется, держался молодцом.

«Написать ему, чтобы обернулся? – думал Андрей, открывая очередную ссылку с рассказом о заброшенной железнодорожной ветке. – Нет, слишком жестоко с моей стороны».

И ему уже жутко было самому оборачиваться – но он нарочно оборачивался и всматривался в тающие в полумраке углы, в черную щель под дверью. Затем и вовсе мужественно вылез из-за стола и протопал в коридор, а из коридора – мимо угадывающегося по сумрачным бликам зеркала – в кухню. В кухне он налил стакан воды, подумал, не сходить ли в подъезд покурить, но решил, что перебудит так весь дом – и поэтому, конечно, не стоит, а не из-за пустого, с эхом и стрекотом ламп, подъезда, одна из квартир которого, на первом этаже, пустует, и дверь в нее заколочена сколько он себя помнит... Решил – и вернулся в комнату, закрыл за собой, развернул переписку.

Витек паниковал из-за того, что Андрей пропал и не отвечает, – и был уже готов звонить, если не вызывать такси.

«Я тут, – написал Андрей. – Курить ходил».

В какой-то момент за окном забарабанил дождь, Андрей даже дотянулся до шторы, сдвинул ее в сторону – и увидел, как раскачивается, пропадая и появляясь в свете фонаря, густая блестящая листва. Точно сама ночь, похожая на плотный косяк жирных черно-желтых рыб клубилась перед домом и терлась о него чешуей.

И потом, когда уже попрощались и монитор со всеми железнодорожными ветками, и проклятыми фотографиями, и древними башнями, и смертельными файлами, погас – а вместе с ним погасла и настольная лампа, – Андрей долго не мог уснуть и вертелся, слушал, как дождь стучит и стучит, усиливаясь. Потом провалился-таки в беспокойный, полный образов и видений сон – сквозь который слышал, как рокошет над домом гром, как шумит уже не просто дождь, а полноценная гроза. И если бы Андрей проснулся как следует и, например, вышел все-таки на подъездный балкон с сигаретой, то увидел бы сквозь ливень и терзаемую ветром листву, как рассекают ночное небо, озаряют округу ослепительно-белым светом молнии. Но Андрей не просыпался как следует – а потом и вовсе из беспокойного сна переключался в спокойный и глубокий, и спал до самого обеда, который в его случае выполнял заодно и роль завтрака.

День – выполнявший заодно в случае Андрея и роль утра – был сер, тих и влажен, если не сказать мокр. Гроза отгремела и умчалась, а после нее остались лужи и скатывающиеся отовсюду неохотно капли, закрытое пеленой облаков небо. Трава и кроны казались зеленее обычного – зато все вокруг точно поблекло и растеряло краски. Андрей, зевая, почесывая колючий подбородок, прошагал из комнаты в ванную, умылся, цыкнул приветственно отражению в зеркале, размазал по подбородку пену для бритья, но потом передумал и смыл. Походил, насвистывая, по пустой и светлой квартире – как одно и то же место может быть таким разным в зависимости от времени суток? – включил и оставил беззвучно моргать картинками телевизор, изучил оставленную родителями записку-меню. На обед Андрею полагались салат и кастрюлька борща, мать просила ближе к четырем достать из холодильника и выставить на стол тесто – пусть размораживается.

– Борщ, – кивнул Андрей. – Борщ – это хорошо.

Он обулся и вышел в подъезд, на крошечный, поросший по трещинам травой балкончик. Покурил, оглядывая двор, пощипал предназначенные

для просушивания белья веревки – с них посыпались вниз серебряные бусины.

С высоты балкона двор – густо засаженный деревьями – казался небольшим лесом, в который по недоразумению воткнули подковой пятиэтажные коробки. Сквозь листву поблескивали тут и там крыши припаркованных машин, сквозь листву темнела же баскетбольная площадка и мерцали свинцово, отражая облака, лужи на дорожках. Выше, над кронами, горбилась крыша противоположного дома, а за ней вставали новые кроны, выше дворовых, – и прямо на них, казалось, уже лежали тяжелые, матрасом, облака.

Покурив и вернувшись в квартиру, Андрей разогрел и оставил остывать борщ, а сам разбудил компьютер и написал Витьку – жив он вообще? Витек был, несомненно, жив – но, по-видимому, еще спал, а потому на сообщения отвечать не торопился. Андрей выбрал фильм, принес в комнату и борщ, и салат, щедро залитый майонезом, отжался от пола тридцать раз, столько же раз присел – запустил фильм и с чистой совестью приступил к обеду.

Фильм оказался дурацкий и неинтересный – и Андрей еще с салатом не расправился, а уже свернул проигрыватель и запрыгал по сети от ролика к ролику: посмотрел и про телефонных мошенников, и про беличью олимпиаду, и про то, как выбивать страйки в боулинг-клубе, и про нереализованные архитектурные проекты, и про забытые маяки, и про редкие виды рыб...

– На данный момент науке известны около тридцати двух тысяч видов рыб, – говорил ведущий, раскачиваясь вместе с палубой яхты и щурясь от солнца. – Но каждый год наш реестр пополняется на триста-четыреста позиций...

«Триста-четыреста позиций... – подумал Андрей. – Это через десять лет известных видов будет уже... Тридцать шесть тысяч. А еще через десять... сорок две...»

Получалось, что к его пятидесятилетию реестры будут пухнуть от почти что пятидесяти тысяч – вот так совпадение! – наименований. Или к тому времени новые виды закончатся и ученым нечем будет заниматься?

Когда кастрюлька опустела, Андрей еще раз сходил на подъездный балкон, затем вымыл посуду, свернул и сунул в сигаретную пачку записку – с просьбой о тесте – чтобы не забыть. Оценил время и влез под скомканное одеяло, расправил его на себе – до выхода можно было подремать.

Тикали на тумбочке часы, гудел негромко вентилятор в системном блоке – а больше на всю квартиру не раздавалось ни звука. Андрей устроился поудобнее, уткнулся носом в сгиб локтя – чтобы не вставать и не зашторивать окно – и быстро, с готовностью даже, уснул, а во сне увидел себя пилотом тесного, почти игрушечного кукурузника. Кукурузник то летел среди облаков, то катился по широкой дороге, дребезжа и громыхая колесами, Андрей открывал кабину и привставал в кресле, высывался наружу, чтобы оценить обстановку, – а болтающаяся над приборной панелью на проводе рация горланила сквозь помехи и шипение:

– Мо-оре, мо-оре, мир бездо-онный!

Андрей проснулся ровно через час, по будильнику. Полежал, глядя в потолок, потер лицо ладонями. Встал и проверил переписку – Витек очухался и сообщал, что жив-здоров, а с чего бы ему таковым не быть, и спрашивал, собирается ли Андрей на сегодняшний сабантуй, к Кукушкиной.

– Опять пить, – обреченно пробормотал Андрей. – Займешься тут здоровьем...

Он уточнил время и сказал, что подумает, что к всеобщему сбору не успеет – работа есть работа, – а позже... ну, почему нет? может, и придет, если настроение будет.

Отвечая так, он кокетничал и набивал себе цену – потому что знал, что с настроением, конечно, все будет в порядке, а от работы до Кукушкиной два шага, можно даже и пешком прогуляться.

Андрей постоял на подъездном балкончике – серо и сыро, только облака будто стали еще угрюмее, опустились ниже, – пристроил в центре обеденного стола миску с тестом, почистил еще раз зубы. Покидал в спортивную сумку вещи, отзвонился родителям – все в порядке, сыт, одет, спешу на работу – и через несколько минут уже выходил из двора, шагал по серо-зеленой улице в сторону троллейбусной остановки. Ветви шатром нависали над тротуаром, дотягивались, отяжелевшие от воды, до стен и окон, и Андрею казалось, что он шагает не по улице, а по тоннелю вроде тех, которые изображают в фильмах.

Еще через несколько минут он уже трясся в полупустом троллейбусе – повезло, к остановке подобрались одновременно, точно спешили навстречу друг другу. Андрей сидел у окна, устроив сумку на соседнем кресле, – и смотрел, как проползают мимо сонные серые улицы, перекрестки со светофорами, лужи-лужи-лужи, редкие зонты. Кондуктор дремал, повесив голову на воротник зеленой жилетки, дремали несколько старушек, разбросанные по троллейбусу, дремал даже лохматый подросток в огромных наушниках – царапая правым стеклом. Узнай Андрей, что водитель вращает руль и притормаживает у остановок, не открывая глаз, – он бы не удивился. Вообще казалось, что все вокруг если не спит, то именно что дремлет – и плывущие мимо и навстречу автомобили, и понурые задумчивые пешеходы, и дома, и парки, и тротуары с клумбами, и витрины с безглазыми манекенами, и нехотя меняющиеся картинки на рекламных щитах... Облака точно одеялом накрывали город – и баюкали: а, а, а, спите-спите, спите-спите...

И везде капало, и темнел мокрый асфальт, и светились тускло овальные лужи-зеркала.

– Это куда ж мы приехали? – заохала вдруг одна из старушек, встрепенувшись.

– Старый аэропорт... – пробормотал, не поднимая головы, кондуктор.

– Батюшки! А что ж вы меня не разбудили!

– А я вам разве телепат?

Троллейбус остановился, и старушка, охая, проковыляла к дверям, охая, вылезла наружу – и дальше уже ехали без нее.

А потом Андрей шел сквозь тесно заставленный новостройками район – тоже серый, а зелени меньше, – огибал площадки и лабиринты из лесенок, проходил под низкими сводами арок, оглядывался и срезал по газонам, пока не оказался перед облупленным крыльцом тренажерного зала.

За широкими, ярко освещенными окнами уже видны были разминающиеся качки.

– Опа-аздыбаετε, Андрей Николаевич, – пожурела Андрея гардеробщица из-за своей стойки.

– Задерживаюсь, – парировал Андрей и, кивнув качкам, прошагал в тренерскую.

В тренажерном зале – который все, кроме Киры, называли исключительно качалкой – Андрей подрабатывал уже второе лето – заме-

няя двоюродного брата. Брат был могуч и рельефен, как горная гряда, и в течение года тренировал в вечернюю смену всех, кому требовалась его помощь – составлял программы и планы питания, следил за верным выполнением упражнений и советовал вот это прорабатывать активнее, а на это пока закрыть глаза – но каждое лето улетал в Турцию аниматором и на три месяца оставлял вечернюю смену без присмотра.

Днем и утром занимались дети – их гоняла бывшая учительница физкультуры. Посетители старше восемнадцати приходили после семнадцати – и могли заниматься до двадцати одного.

С семнадцати до двадцати одного шесть раз в неделю должен был сидеть в качалке и Андрей – вместо брата. То есть брат как раз не сидел – а кружился юлой между тренажерами, – а Андрею предлагалось и впрямь только сидеть и смотреть, чтобы качки чего не разломали или, например, не передрались.

Хотя реши они сделать то или другое, вряд ли Андрей смог бы им помешать.

За такой нехитрый труд Андрею платились какие-никакие деньги – чему он был вполне себе рад. Прошлым летом, впервые заступив на пост, он тушевался и робел, ему все чудилось, что на него смотрят насмешливо или даже презрительно – на фоне качков он казался прислоненной к стене палкой, – но со временем обвыкся, успокоился, перезнакомился со всеми, с кем-то даже завел дружбу и из прислоненной к стене палки как будто превратился в предмет интерьера – есть и есть, сидит себе и сидит.

В тренерской пахло колбасой – которой, по-видимому, перебивалась упорхнувшая еще до прихода Андрея сменщица. Во всех же остальных помещениях качалки – даже в подсобных – пахло исключительно потом, причем запах этот въедался в стены, в пол и потолок так крепко, что, казалось, не связан уже ни с тренажерами, ни с качками, а был здесь всегда, еще на этапе строительства дома. Еще кирпичи, выгружаемые рабочими из фургонов, наверное, пахли потом.

– Семеныч, а чем это кирпичи пахнут? Чуешь, нет?

– Слушай, не пойму... Потом, что ли...

– Знатная будет качалка!

Временами в распахнутые окна врывался душистый и прохладный ветерок – кружил вдоль стен, шевелил развешанные на кнопках схемы и графики, – и качки жадно раздували ноздри, тянулись ветерку навстречу.

Такой же эффект производили Кирины духи.

Андрей оставил в тренерской вещи, отметил в журнале, завернул в коридорчик к раздевалкам и ткнул кулаком тяжелую, подвешенную за крюк, грушу. Затем прошелся по залу и пожал руки качкам – и только после этого устроился на своем привычном месте: за столом у двери, спиной к громоздкому, похожему на броню боевого робота пулловеру.

Когда Андрею надоедало сидеть за столом или расхаживать по залу, он залезал в пулловер и висел в нем, запрокинув руки за голову.

– Как там погода, Андрюх?

Андрей пожал плечами.

– Серо и сыро.

– Сыро – от «сыр»?

И качки загоготали.

Андрей улыбнулся – смешно.

– А серо – от «серы», – кивнул он.

Качки загоготали громче, затем их гогот потонул в железном лязге.

– А чего вы в тишине-то? – спросил Андрей, вылез из-за стола и шагнул к магнитофону. Воткнул вилку в розетку – и теперь уже лязг железа потонул в грохоте тяжеляка.

– Поттише, Андрюх! – закричали качки от тренажеров. – Ухи нежные!

– Это кто-то выкрутил, блин... – проворчал Андрей и привстал на цыпочки, погладил колесико, делая тише.

– Отлично, Андрюх, спасибо!

– Спасибо, Андрюх!

Магнитофон в качалке играл кассетный – едва ли не старше самого Андрея – и требовал деликатного подхода: капризничал, не слушался и отвечал на грубость тишиной. Надавишь на колесико сильнее положенного – и никакого тебе тяжеляка.

– Да о чем речь, мужики, – Андрей оставил магнитофон в покое и вернулся за стол. Посидел, подперев подбородок, глядя на густо-серое окно, затем достал телефон и принялся проходить по сотому разу игру с разноцветными кирпичиками, ставить очередной рекорд.

Кирпичики сыпались друг на друга, складывались в комбинации и исчезали, уступая место новым, гремело железо – блины и грифы, гантели и тренажерные блоки на тросах, – гремел тяжеляк, качки кряхтели, порывивали, страховали друг друга, хохотали и отпускали сальные шуточки. Минутная стрелка над пулловером медленно чертила по циферблату круг – смотреть на нее было необязательно, Андрей чувствовал ее ход затылком и мог, не задумываясь, озвучить время, спроси его кто в надежде застать врасплох.

Спустя полчаса и девятнадцать тысяч очков – включая четыре легендарные комбинации, удваивающие результат, – спустя пять песен с кассеты «Музло для кача», заботливо записанной братом, пришел – как по часам – Гирич и пробасил над столом Андрея дежурное:

– Опять мир спасаешь?

Андрей кивнул и, не отрывая глаз от кубиков, пожал гигантскую руку.

Гирич был одним из тех, с кем Андрей почти подружился, – и иной раз, если народу было мало, с ним можно было здорово поболтать про учебу, и про музыку, и про все на свете. Гирич учился на экономическом, снимал неподалеку однушку и из железа больше всего – сообразно фамилии – уважал гири. В связи с чем был не накачанным, а просто огромным.

– Гирия, – признавался он. – Одной гири достаточно, чтобы себя в форме держать.

– А нахрена ж ты тогда сюда ходишь? – спрашивали резонно качки. – Купи себе гирию и тягай ее дома.

– Дома скучно, мужики. Человеку нужен человек.

Гирич скрылся в раздевалке, вернулся через минуту и пролез между качками в дальний угол – занятый любимыми снарядами. Когда Андрей проиграл – а выиграть в этой игре было невозможно, можно было только ставить рекорд за рекордом, а затем проигрывать, – когда Андрей проиграл, Гирич уже всю размахивал в дальнем углу тридцатишестикилограммовой бандурой, а качки – даже те, кто был и больше, и сильнее, – держались на почтительном расстоянии и обходили Гирича по дуге.

Выглянула в зал гардеробщица, сказала Андрею:

– Я в магазин.

И ушла, не дожидаясь его реакции, – да и что он, запретит ей, что ли?

Гардеробщица вышла, а хирург – тоже огромный, но, в отличие от Гирича, раскачанный – зашел. Переобулся, оглядел всех через прямоугольные

очки, почтительно поздоровался с Андреем, блеснул в свете ламп лысиной и отправился переодеваться.

Хирург был настоящим хирургом – и работал в местной поликлинике. Он был, что называется, возрастным – под пятьдесят – и считался главным интеллигентом качалки: молчаливый, вежливый, улыбается приветливо, может уступить тренажер, если попросят. Ни с кем не разговаривает, но слушает внимательно и кивает – да, все так. А если нет, не так, то склонит голову набок – и чуть прищурится из-за очков – и сразу понятно, что нет, не так.

Андрей вылез из-за стола, проплыл по залу с видом начальника, перекинулся с красным, точно свекла, Гиричем парой фраз, ушел в коридорчик к раздевалкам и постучал по груше. Повисел на турнике, чувствуя, как растягиваются стиснутые кирпичиками позвонки, вернулся на свое место, но телефон отодвинул, положил экраном вниз – и вместо этого стал качаться на стуле в поисках баланса: чтобы ногами не касаться пола, а руками – стола и при этом не лететь вверх тормашками к подножью пулловера, а висеть точно в невесомости, неподвижно и изящно.

Раз – прошлым летом еще – полетел: в последний момент дернулся всем телом, поддел ногами столешницу, чуть не перевернул стол, но все равно упал, ощутимо приложился лопатками о спинку стула.

Вернулась гардеробщица.

– Все качаетесь, Андрей Николаевич, – вздохнула она. – Лучше б книжку почитали. Дать вам Достоевского?

Андрей оставил попытки нащупать баланс и сел ровно.

– Нет, спасибо. Это же качалка, вот я и качаюсь.

Те качки, что были неподалеку, заготовили одобрительно, гардеробщица фыркнула и удалилась. Гогот качков зазвучал особенно громко, потому что как раз в этот миг замолчал тяжеляк – доиграла первая сторона кассеты. Андрей вскинул палец вверх – без паники! – и в один миг оказался у магнитофона. Достал кассету, перевернул, запустил, приподнявшись на цыпочки, – и качалку вновь затрясло.

– Спасибо, Андрюх!

Андрей махнул рукой – о чем речь? – заглянул в тренерскую за сигаретами и ушел курить.

Курил Андрей во дворе – по ту сторону от качалки – на скамейке у ближайшего подъезда. Он обошел дом, прошаркав подошвами в арке, добрался до разошедшей желто-зеленой скамейки, плюхнулся на нее, закинул ногу за ногу.

Со скамейки открывался отличный вид на двор – дорожки, спортивная площадка, детский городок из беседки, качелей типа «коромысло» и два никому не нужных барабана с гнутыми боками. Клумбы, несколько полупрозрачных березок – и тьма-тьмущая припаркованных машин. И дома – почти смыкающиеся друг с другом, подпирающие всеми своими двенадцатью этажами облака.

Облака и впрямь лежали совсем низко – накрывая двор на манер крышки. Теперь они были еще темнее, но оставались серыми – и за ними серым оставалось все вокруг, точно кто-то меленько заштриховал карандашом и асфальт, и дома, и клумбы с автомобилями.

И продолжал заштриховывать слой за слоем – по мере приближения вечера.

Андрей выпустил одно за другим несколько дымных колец – их тут же снесло ветром. Ветер гулял по двору и с тихим шорохом катал вдоль бордюров сухую листву. Вокруг беседки прогуливались не спеша мамочки

с колясками, у дальнего подъезда сидела неподвижно бабулька в берете, ленивого вида мужик ходил вокруг серебристой хонды с шашечками на крыше и фотографировал ее – Андрей не помнил, до или после смены это положено делать. Больше во дворе никого как будто и не было.

Пахло песком и – разумеется – табачным дымом.

– Что за день-то такой, – и Андрей зевнул. – Сонный...

Точно все вокруг вместе с ним не ложилось допоздна и читало истории, найденные Витьком.

Ветер засвистел, понесся через арку вон из двора и бросил в лицо Андрею горсть песка. Андрей зажмурился, зафыркал – и потом, докуривая, долго отплевывался и вытирал губы рукавом.

Перед тем как затушить сигарету и метким щелбаном отправить ее в урну – а до урны метра три, не меньше! – Андрей выгнул спину, запрокинул руки за голову и потянулся, приподняв поясницу над скамейкой так, как приподнимают ее во время жима лежа качки. И увидел над собой, на одной из лоджий, на тумбе или чем-то похожем на тумбу, огромный патефон – с поблескивающей, медной будто, трубой. А рядом с патефоном – закопченную керосиновую лампу. Увидел и присвистнул – потому что тут же представил себе: вечер, сиреневые лучи заката кое-как протискиваются во двор, по дорожкам гуляют жилыцы – и слушают, как играет с лоджий патефон. Вращается пластинка, над ней висит, точно и не касаясь, игла. А как станет потемнее – разгорается, светит мягко и оранжево керосинка.

«А на пластинке – тяжеляк, – усмехнулся Андрей. – Музло для кача».

Он метнул окурок в урну, кивнул своей удали и спрыгнул со скамейки, зашагал к арке. Обошел дом, думая про патефон и лампу – старье, скорее всего, выкинуть жалко, но и хранить, кроме лоджий, негде, – поднялся на крыльцо качалки, умилился тому, как живописно опрокидываются на газон прямоугольники света от окон. Опрокидываются и вытягиваются до самого тротуара, расширяются чуть по краям – превращаясь в трапеции.

– Курите, Андрей Николаевич, – покачала головой гардеробщица. – И не стыдно?

– Стыдно.

Не успел он спрятать сигареты в тренерской и усесться за стол, как по качалке пронесся гомон:

– Кирюха, мужики! Кирюха идет!

Андрей приосанился, сел свободнее, пригладил волосы, и в следующий миг на пороге зала уже стояла Кира – как всегда сияющая, улыбающаяся ослепительно, сверкающая глазами. Грудь вперед, осанка – хоть уровень прикладывай, собранная в хвост прическа пружинит от стремительной ходьбы.

По залу поплыл аромат Кириных духов, качки задвигали ноздрями.

Если бы кирпичи на этапе стройки пахли не потом, а Кириными духами, рабочие растащили бы их по своим домам.

– Привет, мальчишки! – поздоровалась Кира.

Качки вразнобой забурчали приветствия, Гирич спрятался за тренажером.

– Здравствуйте, – кивнул Андрей.

Кира, пролетая мимо, подмигнула ему, через секунду хлопнула, закрываясь, дверь женской раздевалки.

Кира была единственной леди в коллективе – и ходила в «тренажерный зал» уже давно, чуть ли не с открытия, задолго до прошлого лета. То есть по вторникам и четвергам заявлялась еще Людмила – грузная и сумрачная, обильно потеющая, – но на фоне Киры ее никто, конечно, не

замечал. От брата и из анкеты Андрей знал, что Кира живет в этом же доме – десятью этажами выше, – что ей уже порядком за тридцать, что она разведена и воспитывает сына – этого в анкете, конечно, не было – и когда-то профессионально занималась гимнастикой.

Брат, по его словам, одно время был страшно в Киру влюблен – и даже собирался делать ей предложение, – но, «прощупав почву», понял, что это не взаимно, а получить отказ и затем все равно видаться трижды в неделю...

– Эдак меня мужики уважать перестанут, – объяснял он. – Увольняться придется.

Андрей знал наверняка, что почти все качки либо в то или иное время, либо в той или иной степени были к Кире равнодушны – Гирич вон и вовсе рядом с ней заикается и краснеет как дитя, даром что гвозди пальцами гнет, – но взаимностью она, насколько было известно Андрею, не ответила еще никому.

Да что там качки! Сам Андрей сох по Кире все прошлое лето – и первые пару недель этого, по старой памяти. А потом – ничего, успокоился. И хотя и продолжал восхищаться ею – как и все, – а все же сердце его уже не металось по грудной клетке, как боксерская груша, если Кира ему подмигивала приветственно, или спрашивала про режим работы на праздниках, или просила сделать «эту ужасную какофонию» потише, а то «и сквозь наушники как на концерте».

«Да и возраст же, – думал Андрей. – Я еще погремушки грыз, а она уже...»

Он высчитывал и ужасался – когда он грыз погремушки, она уже в университете училась, вокруг нее уже тогда все заикались и краснели!

Мысли о возрасте более, чем что-либо другое, позволяли ему относиться к Кире спокойнее остальных – кроме того он заменял тренера, а значит, хотя бы в мизерной степени мог рассчитывать на статус главного и какой-никакой авторитет. Качки же боялись встретиться с Кирой глазами – или, наоборот, смотрели только на нее и тогда роняли блины и проливали воду мимо рта – ходили, точно дрын проглотив, и избегали слишком больших весов, чтобы не оконфузиться.

То, что без Киры вызывало беззлобный гогот, при ней было равносильно самоубийству.

Кира же, казалось, ни на кого не обращала внимания: поставит на подоконник спортивную бутылочку с водой, заткнет уши наушниками, спрячет телефон в кармашек и занимается себе спокойно – разомнется, побегаёт на эллипсоиде, а потом приступает к упражнениям. Время от времени кто-нибудь обязательно вызывался помочь – подстраховать, придержать гриф, – и тогда Кира доставала удивленно один наушник, улыбалась лучезарно:

– Нет-нет, спасибо, я сама.

Вот и сейчас она выпорхнула из раздевалки, определила на место бутылочку и наушники и побежала, раскачивая бедрами и плечами, в такт эллипсоиду – который только для нее в зале и стоял и только ради нее вообще как будто был придуман.

Забиралась на него иногда Людмила – но потом ругалась и пересаживалась на велосипед, не могла сладить.

Бежала Кира с закрытыми глазами.

Андрей немного посмотрел на то, как она бежит, потом нашел взглядом пунцового Гирича, привалившегося к стене, достал телефон и пробежался по перепискам. Поздоровался с явившимися спасателями –

огромные, прямоком со страниц бодибилдерских журналов, друзья-эмчеэсники, иногда и в форме приходят, сразу с дежурств, – уковывлял к раздевалкам и какое-то время лениво поколачивал грушу, радуясь тому, как обдирает костяшки пальцев грубая мешковина, в которую груша завернута.

– Все, победил, победил, – пошутил один из спасателей, возвращаясь в раздевалку за бинтами для колена. – Нокаут в третьем раунде.

Он подошел и попросил:

– Дай-ка я...

А затем размахнулся и ударом припечатал грушу к стене – крюк под потолком жалобно закрипел. Придержал удовлетворенно за мешковину и пошел разминаться. Андрей посмотрел на вмятину, оставшуюся на груше от огромного кулака, крикнул досадливо и послонялся по коридорчику туда-сюда, повисел на турнике. Затем сходил в тренерскую за кошельком, пересчитал деньги и отправился в магазин, поболтав по пути от стола до двери с заикающимся Гиричем про учебу.

– К-какая там учеба... – прокрихтел Гирич, оглядываясь на Киру. – Н-не хочу учиться, хочу жениться...

И выдавил улыбку.

– Я в тебя верю, – Андрей хлопнул Гирича по чугунному плечу.

– Я в себя не верю, – признался Гирич почти шепотом.

После светлого зала Андрею показалось, что по карандашной штриховке для верности прошлись темно-серой акварелью.

Накрапывал дождь – висел в воздухе моросью. Андрей прошел под ним, не ускоряя шага, не прячась, чувствуя, как приятно покалывает холодными каплями щеки и лоб, как легко и сладко – не воздух, а Кирины духи – дышится. Добрался до магазинчика и покурил под широким козырьком на крыльце, попускал в морось колец. Докурив, пропустил мужичка в джинсовке, даже дверь придержал по-джентльменски, и шагнул следом. И долго топтался у прилавка, ожидая, пока мужичок наберет два пакета продуктов.

– А вот эти яблоки – как? Вкусные? – спрашивал мужичок.

– Понятия не имею, – отвечала равнодушно продавщица. – Люди берут.

– Ну и давайте тогда, раз берут. А кефир с завода завозили?

– Нет.

Андрей топтался у прилавка, дышал хлебом и колбасой, ледяным как будто молоком и изучал ассортимент, который успел выучить наизусть.

– Как обычно? – спросила продавщица, когда мужичок, шурша пакетами, исчез за дверью.

– Угу.

Продавщица поставила перед Андреем бутылку питьевого йогурта, положила рядом сникерс. Андрей рассчитался, поблагодарил, потом извинился и попросил сигарет – на вечер, к Кукушкиной, – продавщица вздохнула и пробила пачку. Андрей попрощался и по той же мороси – не ускоряясь, подбрасывая и ловя йогурт, издалека глядя на светлые окна, за которыми мелькают силуэты, – вернулся в качалку.

Кира – раскрасневшаяся, со сбившейся на лоб челкой – качала пресс, Гирич носил от стены к стене двадцатипятикилограммовые блины – по блину в каждой руке – тренируя хват. Спасатели жали лежа и страховали один другого – спасали. Хирург стоял, навалившись локтями на подоконник, – отдыхал, смотрел в морось. Остальные делали кто что – и составляли обычную для качалки панораму.

– Как погода? – спросил, скрипя зубами, Гирич, точно окна могли соврать.

– Соу-соу, – покачал ладонью Андрей.

Он прошел в тренерскую, закрылся и перекусил – и пока перекусывал, наугад вытащил номер из стопки журналов – *Muscul and Fitness*, *Ironman* и все в таком роде – и без интереса листал глянцево-страницы, просто чтобы воткнуть взгляд во что-нибудь кроме стены. Со страниц на Андрея смотрели блестящие, в ветвистых сосудах качки – буро-коричневые, выгибающиеся и так, и эдак – и такие же... женщины-качки, мало чем отличающиеся от своих напарников.

Ни одна из обитательниц журнала – вообще всей стопки, ее Андрей за время работы изучил не хуже ассортимента в магазинчике – само собой, и близко не стояла рядом с Кирой.

– Согласно медицинским показателям, – прочитал Андрей нараспев, – пиво успешнее компенсирует дегидратацию, чем вода.

Он улыбнулся, отхлебнул йогурта, процедил через зубы кусочки ягод.

– Причина тому – соли и витамины, способствующие усвоению жидкости.

Он время от времени заговаривал с качками про образ их жизни – и знал, что Гирич, например, не дурак попить пива, а спасатели время от времени налегают на крепкое.

Хирург по законам жанра должен был пить медицинский спирт – но он как раз не употреблял вовсе.

Что предпочитала Кира, доподлинно известно не было, – но кто-то поговаривал, что однажды видел ее в ресторане с подругами, и пила она коктейль.

Перекусив, Андрей ушел во двор курить. Больше не моросило, над темным асфальтом точно пар плыл, пахло сладко и пряно. Скамейка была мокрая, и Андрей просто стоял перед ней, смотрел на двор, запрокидывал голову и разглядывал лампу с патефоном. Лампа, понятно, не горела. И патефон, конечно же, не играл. Двор тонул в сумерках, вокруг каждого освещенного окна колыхался теплый ореол. Тут и там капало негромко – постукивало и щелкало.

За час до конца смены, когда качков в зале стало меньше – обычно к этому времени большая часть завсегдатаев расходилась по домам, – Андрей переоделся в тренерской и сам приступил к тренировке. Побил как следует грушу – чтоб знала, – размялся: поприседал, покрутился из стороны в сторону, потянул, цепляясь за шведскую стенку, руки и ноги.

Кира вышла из раздевалки с вещами – свежая и бодрая, после, страшно сказать, душа, – увидела Андрея висющим на турнике и подняла большой палец: молодец, так держать. Андрей, не спрыгивая, кивнул – слушаюсь.

Хлопнула входная дверь – как хлопала, когда уходил Гирич, когда уходил хирург. Кроме Андрея от тренажера к тренажеру курсировал один из спасателей – второй куда-то торопился, закончил раньше обычного, – и пара студентов, имена которых Андрей все никак не мог запомнить.

– Андрюх, – позвали студенты. – А можно, мы свою музыку поставим? Мы и кассету прихватили, чудом нашли.

– Не у меня спрашивайте, – Андрей кивнул на рычащего от напряжения спасателя.

Спасатель качал бицепсы – и рычал так, словно ненавидел это занятие.

– Валяйте, – прохрипел он.

Студенты повисли на магнитофоне, защелкали кнопками, и вместо тяжеляка заиграла на всю качалку образцово-показательная рэпчина, из девяностых.

«Брат бы уши оборвал, – подумал Андрей. – Надо их предупредить ближе к сентябрю».

И он приуныл – сентябрь изо всех сил неся навстречу.

Покачал еще немного бицепсы и ушел переодеваться спасатель – точно не мог заниматься под рэп. Выпрыгнул, отфыркиваясь, с сумкой через плечо – и исчез, хлопнув дверь.

– Я в магазин, – сообщила гардеробщица и тоже хлопнула дверь.

Андрей пыхтел в пулловере – заставляя боевого робота складываться пополам, – водил туда-сюда гантелями, лежа на лавке, чувствуя, как натягиваются и ноют сладко грудные мышцы, между упражнениями спрашивал у груши за базар. Потел, пил воду маленькими глотками – много пить нельзя, приплюхает, – отмечал результаты упражнений в специальном блокноте, считал прогресс и его скорость.

«Если не брошу заниматься, – думал Андрей, – через год буду жать восемьдесят, не меньше».

И он обещал себе не бросать, а продолжать ходить и осенью, и зимой, и далее, далее – просто посетителем, не тренером. Можно и поближе к дому зал найти – появляются сейчас как грибы после дождя, что ни месяц, то торжественное открытие, с акциями.

В разгар тренировки позвонил Витек, сказал, что все уже собрались и «начинают».

– Ты скоро-то?

Андрей, стараясь дышать ровно – после гантелей, – сказал, что скоро, конечно, но он же вообще-то работает, а не дурака валяет, а потому – в отличие от некоторых – не может срываться чуть что и синячить.

– Ой, ну все, – рассмеялся Витек. – Важный человек.

– Важный не важный, а делом занят.

И потом, пока он занимался, ему было приятно думать, что вот, они – одnogруппники – сидят у Кукушкиной и пьянствуют, а он – качается, прорабатывает до боли, до зажмуривания, пресс и идет на личный рекорд по подтягиваниям.

Студенты уже отчалили и забрали с собой кассету с рэпом – и Андрей занимался в одиночестве и тишине. За окнами было совсем темно, ползали из стороны в сторону огни фар, звонко бились о карниз капли. Гремели блоки-утяжелители, поскрипывал на шведской стенке турник, шаркали по застеленному резиной полу подошвы кроссовок. Между упражнениями хорошо думалось, и Андрей думал про брата, про Киру, про одnogруппников и одnogруппниц, гудящих у Кукушкиной, о самой Кукушкиной – дочь большого начальника, а ведет себя нормально, свысока ни на кого не смотрит, – о том, что однажды целовался с ней, когда ходили группой на природу, об учебе, о том, не прогадал ли он с выбором факультета, об «экваторе» и выпускном, о выпускном из школы, на котором Андрею было скучно и даже тоскливо...

Закончив заниматься, он долго стоял под горячим душем, мылил что было сил подмышки и цеплял локтями старые, дребезжащие трубы. Затем вышел из душевой в раздевалку и, вытираясь, рассматривал себя в зеркало – вот и кубики вполне отчетливые, вот и нормальные такие бицепсы, а трицепсы и вовсе – сталь, а не трицепсы. И лицо как будто изменилось – мужественнее стало, острее, небритый подбородок

в тему, и осанка улучшилась... Главное – не бросать, продолжить занятия даже после того, как вернется брат. А масса... Масса – это дело наживное, набирать интереснее, чем скидывать. Что же до сигарет, то вон и Гирич, по рассказам, курил – и бросил же, ничего.

Наконец Андрей перебрался из раздевалки в тренерскую и затолкал спортивную форму в сумку. Расписался в журнале, сунул в карман оставленную на столе обертку от сникерса, вышел к тренажерам и привел в порядок стол. Прошелся по залу, поправляя лавки, укладывая аккуратно – по весу – гантели, снимая блины с грифов и нанизывая на специальные стойки в углу.

– Все вы, Андрей Николаевич? – спросила гардеробщица. – А я вот еще посижу, сторож задерживается.

Сторож задерживался два раза из трех.

– Опа-аздывает, – Андрей поправил гардеробщицу, попрощался с ней и вышел на крыльцо. Натянул на голову – волосы еще влажные, сколько их ни вытирай – капюшон, закурил. Отзвонился Витьку – «вышел, ждите, все не выпивайте», – родителям – «отработал, еду к ребятам, все хорошо» – и зашагал, пружиня и насвистывая, раскачивая на плече сумкой, через дворы.

Возле остановки не сдержался и догнал троллейбус, запрыгнул в сходящиеся уже двери, выдернул из их хвата – разве это хват? вот у Гирича хват – сумку, оплатил билет и проехал, держась за поручень, две остановки, вышел перед домом Кукушкиной – самым высоким в городе, часы на башенке, двор с шлагбаумом, консьерж в подъезде.

– Вы в сто восьмую? – спросил консьерж.

– В сто восьмую.

– Не шумите слишком сильно.

– Я – лично?

Консьерж рассмеялся в усы.

– Вы все, молодежь.

Андрей кивнул, постоял в лифте – стянул капюшон и пригладил волосы, перекинул сумку с одного плеча на другое, прихватил ее вальяжно – и вышел на нужную площадку, издали услышал знакомые голоса.

Дверь в квартиру Кукушкиной была приоткрыта – ради него, – на кафельный пол вываливалась широкая полоса света.

– Кто-кто в теремочке живет? – пробасил Андрей и шагнул за порог. Тут же на него обрушились шум и смех, музыка, моргание разноцветных ламп и яркий свет обычных. В квартире – квартира? дворец! – пахло едой, и Андрей понял, что страшно голоден, но вот усталости в нем нет ни грамма, и он готов, попроси его кто, даже повторить целиком тренировку – дважды! трижды!

– Прибыл наконец, – нетрезво похлопал его по плечу Витек, сжал протянутую руку.

Выбежала из кухни Кукушкина, повисла у Андрея на шее, чмокнула в щеку.

– Мы уж думали, ты все! – воскликнула она и надула щеки. – Потерялся!

– С вами потеряешься... – проворчал картинно Андрей и разулся, пристроил сумку в углу, под вешалкой. – Консьержа зачем пугаете?

– Дядь Колю? – удивленно заморгала Кукушкина. – Мы не пугали!

– Говорит, в сто восьмой беспорядки, дебош, соседи жалуются... – сочинял на ходу Андрей. – Еще немного – и наряд будет вызывать...

Кукушкина запаниковала, бросилась обуваться, Андрей поймал ее за локоть.

– Шучу я, шучу!

И закрылся в ванной, зашумел водой.

– Дурак ты, Андрей, я же поверила! – смеялась Кукушкина через дверь.

Андрей умылся, пригладил водой волосы – а когда вышел, в коридоре уже никого не было, и все шумели в кухне.

– О-о-о! – заголосили за столом, когда Андрей показался на пороге кухни. – Андрэ! Наливайте ему, наливайте! Ты что пьешь?

Почти всю кухню – огромную – занимал круглый стол, заставленный бутылками и едой.

– Что пью... – задумался Андрей.

– Да коньяк он пьет, вы еще спрашивать будете! – Ему протянули рюмку, он опрокинул ее в рот, не поморщившись, покачал над столом рукой и двумя пальцами подхватил с блюда оливку, бросил вслед за коньяком, задвигал челюстями.

– А что у вас духота такая? – спросил он деловито. – Дышать нечем.

– А правда! Чего у нас душно так! – загомонили все. – Откройте-ка окна!

Витек дернул на себя окно, и в кухню хлынул прохладный влажный воздух.

– Ай да Андрэ! Пришел и навел свои порядки! Наливайте-ка ему вторую!

Андрей выставил перед собой ладонь – видят на ней мозоли от турника? – покачал головой.

– Не хочу коньяк.

И показал на запотевшие бутылки с пивом.

– Пива хочу, с ним жидкость лучше усваивается.

– Ишь ты, кочевряжится еще! Жидкость ему усваивается!

Но ему выделили бокал с каким-то гербом на фоне итальянского флага и даже наполнили, а кто-то подвинулся, чтобы можно было поставить еще один стул.

– А стульев больше нет, – развела руками Кукушкина. – Придется нашему Андрюше сидеть на табуретке.

Андрей фыркнул, подхватил предложенную табуретку одной рукой, поставил между стульями и уселся – табуретка еще и лучше, на ней только с ровной спиной сидеть можно, ни развалиться, ни в вопросительный знак согнуться.

Он отхлебнул пива – ледяное, душистое! – и потянулся за пиццей, взял себе сразу два куска, умял махом, положив один на другой, выдернул из пирамидки что-то куриное, захрустел панировкой.

– Вот это Андрэ! – снова захохотали остальные. – Аппетиту нагулял!

– Сделайте погромче! – завизжали девчонки, имея в виду не хруст панировки, а телевизор. – Наконец-то что-то нормальное!

Нашли среди тарелок пульт, выкрутили громкость, и на всю квартиру запищал тонкий девичий голосок, положенный на клубный бит – тум-бум, тум-бум-бум. По экрану забегали красотишки с досками для серфинга.

Кто-то пустился в пляс.

И началась – точнее, продолжилась – обычная для таких вот вечеров попойка – с хохотом, песнями, выпиванием «на слабо», походами на лоджию и задухшевыми беседами, которые в один миг сменялись гвалтом и гоготом. Андрей пил пиво, но раз согласился и на коньяк, и даже на виски – «по маленькой, за компанию», – наедался от пуза, мор-

щился снисходительно на музыку и шутки товарищей. Он сидел прямо, напрягая спину, поигрывая желваками, – и чувствовал себя сильным и молодым, полным энергии, самым широкоплечим и высоким, самым мужественным и крепким из присутствующих – хотя это, конечно же, было совсем не так.

– Мы вон с Андрюхой до ночи байки травили, да, Андрюх? – звал его через стол Витек.

– Травили, – кивал солидно Андрей. – Было дело.

Витек начинал рассказывать про заброшенные бункеры и тоннели метро, но его не слушали – выбирали канал, под который сидеть лучше всего. Кто-то голосовал за музыку и клипы, кто-то требовал футбол или баскетбол, кому-то позарез нужен был выбранный наугад фильм, чтобы «фонил, но при этом не бездумно»...

С лоджии открывался вид на площадь и проспект, разделенный зеленой, газон и кустики, полосой. По пустынной, в оранжевом свете фонарей, площади метался ветер, по проспекту тащились нехотя редкие автомобили – в основном такси. Гудели, рассыпая из-под рогов искры, троллейбусы. Время от времени ветер с ревом врывается в лоджию и опрокидывал табачный дым на лица курящих, взметал над пепельницей серебристые облака. В такие моменты девчонки жмурились и принимались фыркать, просили прикрыть окно, и кто-нибудь прикрывал – оставляя тонкую щель. Тут же лоджию заполнял дым – набившиеся точно в тумане стояли, всем резало глаза, кто-нибудь обязательно под всеобщий хохот садился на корточки.

Андрей стоял посреди тумана как изваяние – ни один мускул не дрогнет, – если теряли равновесие, то хватались за него одного, опирались, хохоча.

Возвращались, распахивая окно на лоджии настежь – пусть проветрится, – и разбредались по огромной, пять комнат, квартире: жевали и звенели бокалами в кухне, играли в приставку в комнате Кукушкина-младшего – брата Кукушкиной, – откровенничали, сидя в креслах в гостиной, среди книжных шкафов и картин в витиеватых рамах.

Андрей блуждал из комнаты в комнату, разговаривал то с одними, то с другими, сел за мафию и тут же вылетел, поигрывал мышцами, полагая, что все видят, как он меняется, басил даже нарочно.

– Андрэ! – крикнули ему. – Ты чего басишь? Горло болит?

Андрей кашлянул смущенно, потом нашелся и хохотнул, запрокинув голову:

– Пубертат!

– Не поздновато для пубертата? – засмеялись остальные и тут же забыли про Андрея, увлеченные мафией.

Раз Андрей остался на лоджии один на один с Кукушкиной. Похвалил ее организаторские способности, спросил, куда подевались родители и брат – «за городом, в коттедже», – отпустил шутку-другую про консервжа, засмотрелся на проспект.

– Народу навалило, ужас, – пожаловалась Кукушкина, тоже глядя на проспект. – Мне два дня еще убираться придется.

Она курила тонкие и ванильные – и стряхивала пепел, постукивая по сигарете указательным пальцем, точно мышкой щелкала.

– Лишь бы не разбили ничего, – склонил голову набок Андрей.

– Тех, кто может что-то разбить, я домой не пускаю, – мотнула головой Кукушкина, и ее светлые волосы, завитые крупными прядями, закачались вокруг лица.

Андрей вспомнил, что в прошлом году, в один из таких вот вечеров, здесь же, у Кукушкиной, разбил не бокал даже, а целый графин, – и посмотрел на нее с прищуром: подтрунивает? или забыла?

– А ты, Андрей, прямо... – она сжала ладонями невидимый прямоугольник, – возмужал... Только бородака эта...

И она со смешком потянулась к его подбородку. Андрей мягко перехватил тонкое запястье.

– Но-но, дамочка.

Кукушкина рассмеялась, выдернула руку, отступила на шаг и прислонилась к дверному косяку, затянулась сигаретой. Андрей посмотрел на нее внимательно – красивая, конечно, с этим не поспоришь, и стройная... А вот с Кирой все равно – не сравнить. И никого из присутствующих – не сравнить. Кукушкина вот малюется как индеец – глаза, губы, все подведено, выделено, а зачем? И волосы – крашенные. И ногти, как у росوماхи, – как с такими ногтями гантели держать? как наушники в уши вставлять?

– Кукушкина?

– А?

– А как ты с такими ногтями живешь вообще? Это же неудобно.

Кукушкина перебрала воздух пальцами, посмотрела на них так, словно видела впервые. Ногти засверкали, запереливались разными цветами.

– Зато красиво. Красота требует жертв.

Андрей хмыкнул, посмотрел на проспект.

И духи у Кукушкиной – вроде и вкусно пахнут, отсюда чувствуется, а как-то вязко, приторно.

Когда вернулись с лоджии, Кукушкина ахнула: в коридоре под улюлюканье и свист боролись в шутку двое отличников – лучшие друзья, не разлей вода с первого курса, – катались по полу, фыркая и сопя.

– Не разбейте ничего! – испугалась Кукушкина.

– Не разобьем... – пропыхтел один, заворачивая под себя ногу второго. – Сдавайся, говорю...

– Хрен тебе...

Андрей смотрел на то, как отличники вытирают животами прихожую, и вспоминал, как в прошлом августе в качалке вот так же боролись спасатели – в коридорчике, задевая могучими локтями грушу. Вот это была борьба! Стены дрожали, гардеробщица за сердце хваталась, Гирич кивал уважительно, а это... Смотреть стыдно.

«Показать им, что ли, класс?» – подумал Андрей и усмехнулся сам себе. Что он, в самом деле? Как ребенок.

Отличники, наконец, выдохлись, их подняли, дали выпить, они пожали друг другу руки и пошли распевать песни. Все вернулись в кухню, расселись за столом и принялись доедать недоеденное, а потом пили и пели, и назначали ответственных за «экватор», и разглядывали грамоты Кукушкиной – олимпиады, кружки – и ее фотографии из зимней поездки в Европу, на фестиваль, и снова ходили на лоджию, и Кукушкина порывалась царапнуть Андрея ногтем по подбородку, и кто-то сложил из бумаги самолетик и выбросил в окно, и все смотрели долго, замороженные, как самолетик то взлетает к самым облакам, то пикирует и кружит, выводит вензеля над площадью, не желая опускаться... А затем отличники снова боролись, уже всерьез, их разнимали и мирили, и гостиную с креслами и шкафами отвели под танцпол, перетаскивали даже туда светомузыку...

А потом Кукушкиной позвонил консьерж и сказал, что вот и вправду жалуются соседи – и сверху, и снизу, и даже по диагонали. Кукушкина стала извиняться, пообещала не шуметь, выключила музыку и запретила отличникам бороться – они обрадовались, – а затем стала понемногу всех спроваживать.

Девчонкам было позволено заночевать – с тем чтобы утром помочь с уборкой.

И еще один – лучший игрок в мафию, победитель во всех ролях – на радостях от своего чемпионства совсем уж перебрал, намешал всего, что только нашел, и теперь спал беспробудно прямо в кухне, на тахте, свернувшись калачиком. Его тоже решено было оставить – пусть себе спит.

Консьерж, когда выходили, демонстративно отворачивался от окошка, смотрел, шевеля усами, в телевизор.

Прощались на площадке перед подъездом – обнимались, трясли, пожимая, руки. Кукушкина – в облаке духов, в разметаемых ветром локонах – попросила Андрея не обижаться на шутки про бородку, потребовала не бриться до следующей встречи.

– Ох, дожدهшься ты, Кукушкина, – с напускной строгостью качал головой Андрей. – Приду бородатый и ка-ак поразнесу у тебя там графинов!

– Ой! – вспомнила Кукушкина. – Это же ты графин разбил! – и склонила голову лукаво, погрозила разноцветным ногтем. – А чего я тогда тебя пустила?... Непорядок...

Андрей махнул на нее рукой и отвернулся, закурил.

Потом ахнул и попросил у Кукушкиной ключи, побежал наверх – за сумкой.

Разъезжались на такси – скидывались по несколько человек, набивались в салон. Андрей ехал с Витьком и отличниками – жили в одной стороне. Пока ехали-неслись по ночному городу, неподвижному и оранжевому, смеялись, делились впечатлениями от вечера, прикидывали, когда будет следующий, отличники клялись друг другу в вечной дружбе.

– Эт все синька проклятая! – злился один отличник, зажевывая не трезво слова. – Ей что друг, что... брат-сват...

– Я вообще пить не хотел... – отвечал второй. – А ты все... пей-пей...

– Андрюха вон не хотел пить и не пил, – вклинивался Витек. – Цедил себе пиво.

– Да все равно несколько рюмок... – отмахивался Андрей, чувствуя, что его укачивает несмотря на то, что он сидит спереди. – Пришлось...

Он высаживался первый – и попросил водителя остановиться за несколько дворов от дома, возле круглосуточного ларька.

– За пивком? – рассмеялся Витек. – Да, Андрюх?

Андрей изобразил тошноту. Такси притормозило у обочины, Андрей пожал через плечо руки, вышел, хлопнув дверью, съезжился и жестами попросил у водителя прощения. Потом перехватил сумку поудобнее и шагнул к ларьку, заглянул в пахнущее конфетами окошко.

– Жвачку, пожалуйста. Мятную.

Забрал жвачку, тут же разорвал фольгу, бросил в рот две подушечки. Закурил, постоял, покачиваясь, посреди улицы – темной и тихой, только ветер гудит в подворотнях – и зашагал в сторону дома.

Над тротуаром нависали густо ветви – налетит ветер, и зашумят, – сквозь них видно было желто-серую пелену облаков. Там, где облачные лоскуты стягивались друг с другом, пробивался лунный свет, рисовал мутные и извилистые узоры.

Андрей шагал, и курил, и покачивал сумкой – и чувствовал, что прохладный ночной воздух и тишина действуют на него отрезвляюще. Он даже свернул к троллейбусной остановке – поравнявшись с ней, той самой, от которой днем уезжал в качалку, – и посидел немного на лавке под навесом, поболтал по-детски ногами.

Мышцы понемногу начинали ныть – сказывалась усталость.

– Ит вос э ло-онг дэй, – пробормотал нараспев Андрей, глядя на то, как под фонарем скользят по асфальту тени ветвей.

Подул ветер – и зашумело по всей улице листвою, точно морским прибоем. А затем раздался электрический гул, шипение, и от перекрестка завернул на улицу, пополз к остановке троллейбус. Андрей, болтая ногами, присвистнул – ходят еще?

«Нет, наверное, – усомнился он тут же. – Ремонтировали или что-нибудь вроде того, а теперь перегоняют в депо...»

Троллейбус полз, полз, таращась в темноту круглыми фонарями, гроыхал и скрипел – а прямо напротив Андрея затормозил, остановился с судорогой, раскрыл, лязгнув, двери.

Кондуктора в ярко освещенном салоне не было, пассажиров тоже. На Андрея дохнуло горячим моторным воздухом, наэлектризованным.

«Решил, наверное, подхватить по доброте душевной, – подумал Андрей. – Может, и за проезд не взял бы».

– Спасибо, я не еду! – крикнул он водителю, которого не видел за изгибом кабины.

Троллейбус стоял, потрясываясь.

– Не еду я! – крикнул Андрей громче и махнул рукой с сигаретой. – Просто так сажу!

Троллейбус еще подрожал немного, а затем сомкнул натужно двери и снялся с места, пополз прочь. И долго Андрей смотрел ему вслед – курил и болтал ногами. И по мере того, как троллейбус удалялся, и на смену гулу и гроыханию возвращалась прежняя тишина, Андрей болтал ногами все неохотнее – на курении ничего не сказывалось, – а когда зад троллейбуса превратился в светящийся квадратик в конце улицы и скрылся, Андрей ногами болтать и вовсе прекратил.

Ему вдруг стало жутко – и по широкой, обвитой мышцами спине, побежали волна за волной мурашки.

– Во блин, – выдавил из себя усмешку Андрей и спрыгнул с лавки. – Надо будет Витьку рассказать...

И ему мигом вспомнились все истории, которые он читал накануне, и мурашки перестали выдерживать порядок волн, а посыпались сплошным потоком.

У него даже дыхание перехватило.

– Воу-воу, Андрей Николаевич, – сказал он сам себе и зашагал в сторону дома. – Ты чего размяк?

Звук собственного голоса на фоне притихшей – даже ветер унялся – улицы только добавил жути. Чтобы избавиться от постыдных мурашек, Андрей принял раскачивать сумкой, насвистывать одну веселую мелодию за другой – но как только он переводил дух и набирал в легкие воздух за следующей партией, мурашки возвращались.

«А вот Гирич, – думал Андрей. – Он бы как себя чувствовал на моем месте?»

И ему казалось, что все – и Гирич, и спасатели, и хирург, не говоря уже о тщедушных одnogруппниках, – все на его месте покрывались бы мурашками и искали бы способ себя подбодрить.

«Это еще не все свистеть умеют, – выдыхал Андрей. – Им петь, что ли?.. Да закончится эта улица когда-нибудь?»

И ускорял шаг.

Самым жутким было пройти мимо двери на первом этаже – в подъезде. Сперва Андрей хотел просто пронестись мимо нее, как пронесился, не глядя, детстве, если гулял допоздна и возвращался домой затемно, – но потом разозлился на себя и поднялся на площадку медленно, держась за перила, а на площадке и вовсе остановился и, стиснув кулаки, оглядел дверь – разошедшуюся, с замазанным краской глазком и черной щелью замочной скважины. И только потом, чувствуя себя героем-богатырем, но и не оборачиваясь, двинулся вверх. Добрался до своего этажа и вышел на балкончик, выкурил вполоборота к лестнице сигарету.

От опьянения не осталось и следа.

По квартире Андрей передвигался на цыпочках, не зажигая свет, – чтобы не разбудить родителей. Умылся наощупь, стараясь не думать про зеркало – не то чтобы смотреть в него, – переоделся, задернул шторы и сел за компьютер.

Витек уже был дома – и в сети – и на появление Андрея отозвался градом смайликов.

«Во Витек, – подумал Андрей. – Приехал – и за комп».

Андрей в подробностях, разбивая рассказ на сообщения – чтобы выдерживать паузы, – описал происшествие с троллейбусом. Описал и пожалел: «Поржет, блин, сейчас... Взрослый мужик, а тралика испугался».

Но Витек ржать не стал, а воспринял историю с энтузиазмом – и тут же высыпал на Андрея с десятков городских легенд про троллейбусы-автобусы-трамваи и даже такси, которые разъезжают по ночным улицам в поисках запоздалых пассажиров, а потом везут их то в прошлое, то в параллельный мир, то вообще на тот свет.

Андрей снова покрылся мурашками – и уже не казался себе героем-богатырем. «Пугать меня вздумал? – разозлился он на Витьку. – А на-ка тебе». И полез искать что-нибудь особенно жуткое – чтобы переслать Витьку.

И пошло-поехало. Читают и пугаются, пугаются и читают. На часы посмотреть страшно, не то что обернуться. Хочется курить – но не хочется в подъезд. Вообще никуда из комнаты выходить не хочется – но ладно, вон хоть родители спят, слышен отцовский храп. А каково Витьку?

Андрей уже хотел спросить у Витьки, каково тому сидеть в пустой квартире? Свет, наверное, везде горит, музыка какая-нибудь играет, чтоб не тишина... Хотел – но не спросил. Решил, что да, это будет с его стороны слишком жестоко.

Наконец усталость победила страх – и Андрей, вымотанный, с пересохшим ртом и ноющими мышцами, попрощался с Витьком, погасил монитор и повалялся спать. Последние силы ушли на то, чтобы расстелиться, – едва голова Андрея коснулась подушки, он погрузился в глубокий и спокойный сон, точно под воду ушел.

И проснулся только к обеду.

Вера СЫТНИК

Родилась в Комсомольске-на-Амуре. Филолог по образованию, окончила Омский государственный университет. Работала музыкальным руководителем в детском саду, корреспондентом районной газеты, преподавателем мировой художественной культуры, русского языка и литературы. С 2006 по 2019 год проживала в Китае, где преподавала русский язык.

Автор двадцати книг для детей и взрослых, участница коллективных сборников, альманахов. Публиковалась в журналах «Нижний Новгород», «Берега», «Южная звезда», «Сура», «Новая скала», «ЛитОгранка», «Православная радуга» и других. Лауреат ряда литературных конкурсов, обладатель специального приза от издательского дома РПЦ на Международном славянском форуме «Золотой Витязь» (2018) в номинации «Дорога к храму». Живет в Ессентуках, Ставропольский край.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В палату вошёл главный врач госпиталя. За ним семенили две монашки: одна старая, согбенная, еле ноги передвигала. Другая молодая. Обе во всём черном, видны только лицо и кисти рук. Огромный крест на груди у старшей. Молодой на вид лет около тридцати, как и Роману, который лежал напротив входа, поэтому первым увидел вошедших. Увидел и недовольно поморщился. Эти двое приходили уже третий раз – всегда с угощением. Раздавали лежащим в палате парням яблоки, печенье, конфеты и книжечки на религиозную тему. Парни угощение брали, затем подолгу беседовали с необычными посетительницами. Кто о чём. Все они соскучились по своим домашним и воспринимали монашек как бабушку и сестру.

Женщины были внимательными, тихими. Голос у старшей шуршал, как высохшие осенние листья под ногами, а у младшей струился ручейком и звучал тоненько-тоненько, как верхние звуки металлофона. В младшей группе детского сада, куда ходил Роман, была такая игрушка. Девчонки любили бить молоточками. Роман хорошо запомнил те звуки. Они вызывали в нём желание заплакать, зареветь в голос. Так и сейчас, стоило младшей вслед за старшей сказать «Добрый день!», как почувствовал, что на глазах закипают слёзы. Впрочем, они готовы были брызнуть в любую минуту, не только во время прихода монашек. Но Роман сдерживался.

– Принимайте гостей, орлы! – начальник госпиталя быстрым взглядом оглядел пациентов, проверяя, всё ли нормально, и подошёл к Роману, заметив, что у того покраснели глаза. – Как дела? Перевязку делали сегодня?

Он поднял правую руку Романа. Рука была без кисти. Обрублена почти до локтя. Плотный бинт обнимал культю.

– Чисто, – отметил начальник госпиталя. – Завтра посмотрю, если всё хорошо, будем готовить на выписку домой! Рад?

- Не знаю... – пробурчал Роман.
- Ну, ну, ты мне это брось – «не знаю». – Радоваться надо! Домой поедешь! В Эссенуки, как я помню? Сколько там не был? Год?
- Полгода...
- Знают твои о тебе? Об этом?
- Врач осторожно опустил руку.
- Не знают...
- Надо сказать. Подумай об этом, наберись духу и скажи. В их любви не сомневайся.
- Я в себе сомневаюсь, доктор...
- Брось это упадничество, Роман! Поговори-ка с матушкой. Или с сестрой. Поговори!

Раненые, их было шестеро в палате, прислушивались к разговору. Когда начальник ушёл, все повернулись к товарищу, который был один такой – с ампутацией. Остальные отделались ранениями средней тяжести и понимали, как непросто Роману привыкать к новому положению. За месяц пребывания в госпитале он ни с кем не подружился. В основном молчал, с каждым днём углубляясь в себя. Когда появились монахини, все потянулись к ним – за добрым словом и состраданием. Роман сохранял равнодушие, демонстрировал отстранённость и, казалось, не нуждался в сочувствии. Его нахохлившийся вид выражал безразличие к жизни. Гостинцы брал с неохотой, на вопросы отвечал односложно, а когда старшая монахиня в первый визит посоветовала: «Бог милостив! Нужно молиться и просить утешения», крикнул, едва сдерживая накопившуюся в нём ярость:

– Не говорите мне о Боге! Где Он? – поднял культу, потряс ею перед лицом опешившей монашки.

– Это ваш Бог? Не хочу такого Бога! Не говорите мне о Нём!

Отвернулся к стенке и так лежал, пока монахини не ушли. По правде сказать, они не сильно лезли в душу. Подойдут, положат угощение на тумбочку, поинтересуются, как дела, откуда, сколько лет. Простые вопросы. Однако как-то так получалось, что уже через пять минут общения каждому хотелось подольше поговорить с ними. Особенно с той, у которой висел крест. В её шуршащем голосе было столько теплоты и сострадания, столько лучистой любви изливали светленькие глазки, что никто не желал отпускать её от себя.

На самом деле Роман был не прочь поговорить со старшей. Да и с младшей тоже. Может быть, лучше с младшей, потому что она напоминала ему его жену. Такая же темноволосая, кареглазая. Но он боялся, что стоит услышать ласковое слово в свой адрес, почувствовать тёплый женский взгляд на себе, как он разрыдается. Опасался, если старшая подойдёт и погладит по голове, как она это делала с другими, он не выдержит, обхватит её колени, уткнётся в тёмное одеяние, зароется в складки, спрячет от мира лицо и разрыдается. Если подойдёт младшая и заговорит с ним звонким голосом, напоминающим сладкое детство, то он и вовсе заревёт в голос, напугает окружающих. Да и стыдно. Стыдно и больно.

Роман крепился, встречал монахинь недовольным взглядом. Те перестали к нему подходить. Это тоже раздражало. Может быть, даже сильнее, чем их попытки разговаривать. Ему хотелось внимания. Он жаждал любви и... не жалости, нет, не понимания. Хотелось, чтобы кто-то разделил с ним тяжесть его ноши, неподъёмной для одного. Ему были невыносимы думы о физической ущербности, с которой невозможно примириться и не думать о ней каждую минуту. Но он отталкивал от себя всякого, кто подбирался к нему с задушевными разговорами, пытаясь вытащить на свет

боль, чтобы она потеряла остроту. Он устал от неё и в то же время лелеял, не отпуская и никому не давая возможности дотронуться до неё словом.

Роман не понимал себя. Его бросало из крайности в крайность: то хотелось рыдать, то кидаться на всех, рвать зубами, кусаться, лишь бы отвлечься от страданий иного плана, нежели физических. Рука перестала болеть, как болела после того ужасного взрыва. Вражеский беспилотник появился, когда Роман и два его товарища готовили танк к бою. Роман зачем-то отошёл в сторону, в это время рвануло. Обернувшись на взрыв и потерял сознание. Очнувшись весь в крови. Сослуживцы потом пытались найти руку, но, кроме ужасного месива на траве, ничего не увидели. После операции рука, вернее то, что от неё осталось, болела так, будто жгли калёным железом. Роман чувствовал пять несуществующих пальцев и пытался сжать их в кулак. Ночами кричал оттого, что кулак не сжимался, а хотелось сжать, чтобы, наконец, проснуться от кошмара. Однако кошмар не кончался.

Теперь боль поутихла, но к ней присоединилась другая, которая припекала Романа изнутри. Монахини появились вовремя, когда от доселе незнакомой внутренней боли хотелось сделать что-то страшное, непоправимое, худшее, чем тот взрыв. Да, Роман, остался жив. Двое товарищей погибли. Но мысль, что лучше бы погиб вместе с друзьями, не покидала его. Знал, что монахини пришли от Бога. Но ведь где этот Бог, совершенно непонятный Роману? Слышал о Нём, но никогда не задумывался о том, что конкретно Бог значит для человека, что Он может? Вообще, зачем Он? Однако подозревал, что там, где Бог, там и спасение. На передовой многие бойцы вдруг вспоминали о Боге. И было в этих разговорах нечто таинственное, нечто укрепляющее дух.

От монахинь исходила спокойная сила, в которой нуждался Роман. Но он не мог себя преодолеть, чтобы обратиться к таинственным женщинам в чёрных одеждах. Сегодня они зашли в палату, раздали подарки и повели разговор о Великом посте, о том, что скоро Пасха, церковный праздник, знаменующий собой воскресение «Господа нашего Иисуса Христа». Сказали, что во время поста надо молиться с особым усердием и «Господь обязательно услышит вас». «А как молиться? А если не крещён?» — хотел спросить Роман, но слова застряли в горле.

Молодая монахиня подошла к нему, почувствовав в его взгляде скрытый призыв к разговору. Роман испугался, что сейчас она начнёт расспрашивать, а он в ответ растеряется, разозлится, и хотел отвернуться к стенке. Но монахиня остановила его движением руки: поправила одеяло, погладила и перекрестила крестом.

— Бог ждёт тебя, Он терпеливый, — шепнула одними губами.

Роман услышал. От её лёгкого, как пёрышко, прикосновения стало легче.

— Постойте...

Левой рукой поймал край подрысника.

— Пожалуйста, позвоните моей жене, она не знает. Я не могу сказать. Вот телефон...

Торопливо стал перебирать контакты на смартфоне, помогая себе культией.

— Вот, позвоните по этому номеру... Ларисой звать...

Монахиня сделала пометку в телефоне.

— С Божьей помощью. Всё будет хорошо, позвоню обязательно.

И неслышно отошла. Роман облегчённо вздохнул.

Через два дня его выписали из госпиталя. Вручили документы, проездной билет, сказали: «Бывай!», и Роман оказался предоставленным са-

мому себе. Незнакомое ощущение. Последние два года выработали стойкое ощущение, что он принадлежит – душой и телом – части, в которой служил. И всё было гладко: он знал, что делать, куда идти, когда отдыхать, а когда спать. Это сильно отличалось от того, что было до СВО. Не имея профессионального образования, Роман перебегал с одной работы на другую: то грузчиком поработает, то на стройке, а то водителем грузовика или разносчиком пиццы. Последнее ему особенно нравилось, потому что давали неплохие чаевые. Но всё это было нестабильно.

Когда началась специальная военная операция, сразу пошёл добровольцем. Захотелось настоящего мужского дела, а, кроме того, на Донбассе жила бабушка, у которой в своё время он проводил летние каникулы. Нужно было защищать её от нацистов. Потом бабушку перевезли в Ессентуки. Теперь она живёт вместе с Ларисой и родителями Романа в частном доме на окраине города. Наверняка ждут весточки от него. Он же сообщил, что попал в госпиталь, но скрыл – с какой проблемой.

И вот – всё закончилось. Назад на СВО дороги нет. Добровольческая армия выплюнула его. Товарищи продолжают дело, выше которого нет ничего на свете, – Родину защищают. А ему предстоит решать – как жить дальше, а главное, для чего? Какой смысл имеет жизнь, если нельзя ею пользоваться полноценно? Если нельзя походить на двух руки вверх ногами, как это иногда шутки ради любил делать Роман, вызывая восхищение девчонок и зависть парней? Мысли о будущем ужасали его. Мир перевернулся. И надо было удержаться на перевёрнутой плоскости, чтобы не рухнуть вниз, не разбиться в новой реальности, которая казалась враждебной, несмотря на жалостливые взгляды, которые он ловил на себе.

Роман сидел в поезде. Близилась ночь. Сумерки заглядывали в окна. Зажёгся свет, и в вагоне сразу стало по-домашнему уютно. Плацкартный вагон был полон людьми – здоровыми, с руками, с ногами. Молодые погрязли в телефонах, а те, кто постарше, раскладывали еду на столиках, листали журналы. Их руки так и летали, так и порхали, так и лезли в глаза Роману, словно нарочно подчёркивали его теперешнее уродство. Кто-то попытался заговорить об СВО, о том, «как там оно на самом деле?», но, наткнувшись на тяжёлый взгляд, умолкал. А после того, как Роман демонстративно закинул ногу на ногу и положил на колёно култью, никто не отважился лезть к нему с расспросами.

Напротив расположилась рыжеволосая девушка – остроносая, с конопутками на скулах, с короткой стрижкой, улыбчивая, словоохотливая. Она познакомилась со всеми в купе и так и сыпала вопросами. Если не дожидалась ответа, снова спрашивала. Так повторялось и повторялось, и было в этом что-то милое и смешное, что-то очень детское, что заставило Романа внутренне улыбнуться. Ему она не задавала никаких вопросов и даже не глядела в его сторону, хотя не глядеть было трудно. Роман поразил её броской красотой, которая останавливает на себе взгляды незнакомых людей, особенно девушек. Чуть выше среднего роста, крепкое телосложение, короткая тёмная борода и тёмные брови над глазами, в которых затаилось выражение взгляда раненого зверя, и опять же – култья... Он производил впечатление сгустка энергии, силы. Был как снаряд, готовый выстрелить. Госпиталь несколько стёр это впечатление, но мышцы остались, и остался природный шарм, усиленный настроением трагизма.

Чтобы не быть объектом всеобщей жалости, Роман решил лечь спать. Забраться на верхнюю полку и никого не видеть. Он встал и начал доставать постельное бельё из пакета. Бельё не давалось, заставляя

нервничать. Тотчас подскочила рыжеволосая соседка и твёрдо, не допуская возражений, вырвала пакет из рук. Молча расстелила простыню на верхней полке, натянула наволочку на подушку, раскинула одеяло, затем вернулась на своё место.

Роман ничего не сказал в ответ. Взобрался наверх по лестнице, помогая себе здоровой рукой, лёг и отвернулся к стенке. Девушка внизу смолкла. Перестала задавать пассажирам вопросы, может быть, потому что уже обо всём расспросила их. А может, потому что Роман покинул компанию. Несмотря на её уловки не замечать Романа, её интерес к нему был очевиден. Роман это понял, когда на долю секунды взгляды их встретились и оба словно обожглись.

Включился ночной свет. Пассажиры легли спать. Поезд бежал в ночи по России. Пересекал реки, равнины и пробирался сквозь леса. Над ним, как и над частью страны, было чёрное небо с редкими звёздочками. Его маршрут пролегал из столицы на юг, на Кавказ, в Ессентуки, где Романа ждали родители, бабушка и жена. Теперь, наверное, уже знают про увечье. Монахиня, должно быть, позвонила, нашла нужные слова. Как восприняли родные новость? Он скоро узнает. Ну и что с того? Какое это имеет значение? Всё теперь не так, как прежде, и он, Роман, уже другой.

Поезд бежал по России. Что ждало впереди тех, кто спал сейчас на полках? Что осталось у них позади? Стремилась ли они навстречу кому-то или от кого-то убегали? Железное нутро поезда, битком набитое разными судьбами, сотрясало на стрелочных переводах и раскачивалось на поворотах. В нём перемешались и близко соседствовали радость и горе, счастье и беда, молодость и старость, нищета и богатство. Соединились несовместимые характеры, противоречивые взгляды, ненависть и любовь – всё то, что составляло суть общественной человеческой жизни.

Поезд тоже был маленькой Россией и тащил в себе проблемы огромной страны. Тащил предыдущую историю и надежду на счастливое будущее. В поезде сошлись, как всё сходится в России, разные религии, война и мир, стабильность и разруха сошлись. Между ними была разница лишь в том, что поезд мчался по чётко направленной колее, а Россия брела по бездорожью. Впрочем, и поезда сбиваются с пути и терпят крушения, и страны, блуждающие в кромешных сумерках, выходят на просторную дорогу.

Роман не смог уснуть. Долго смотрел в окно, где чернота скрывала землю, и думал о жизни. Домой возвращаться не хотелось. Сама мысль о том, как его будут разглядывать и жалеть, вызывала содрогание. Что делать? Жить на пенсию, как старик? Какой из него теперь разносчик пиццы? Пешком не сильно-то заработаешь, а сесть за руль хотя бы велосипеда – как? Куда он годен со своей культей? И вообще, всё это походило на затяжной кошмарный сон: взрыв, провал в темноту, адская боль, транспортировка на самолёте в Москву, снова темнота, тяжёлое пробуждение, снова боль и ощущение, будто находишься на дне пропасти, из которой надо выбраться, но мешает замотанная в бинты рука. В первое время Романа преследовали сны, как будто он делает подход к турнику, хочет уцепиться за перекладину, тянется, хватается руками и падает, падает в пропасть, из которой надо выбраться.

В середине ночи, когда часы показывали половину третьего, Роман спустился с полки. Остальные пассажиры спали, кроме рыжеволосой девушки. Она сидела у окна и смотрела в черноту. Увидев Романа, сделала жест рукой, приглашая сесть рядом. Роман зачем-то послушался

и сел. Девушка не выглядела разговорчивой, задумчивость читалась на её лице, освещённом тусклым светом ночника. Она отвернулась от окна и в упор смотрела на Романа, ожидая вопроса или хотя бы намёка на разговор. Но Роман молчал. Он испытывал растерянность, потому что впервые за последних полтора месяца ему было хорошо. От соседки, как и от монахинь, исходило ровное, устойчивое спокойствие. Девушка почувствовала настроение Романа, улыбнулась в темноте.

– Мне через тридцать минут выходить, – объявила тихо. – Пойдём со мной, солдатик?

Она придвинулась. Как человек, имеющий право, погладила Романа по рукаву рубашки. В этом прикосновении была молчаливая поддержка и понимание.

– Пойдём, – не задумываясь, согласился Роман.

Дальше всё происходило в молчании. Некоторое время сидели, касаясь друг друга плечами. Потом девушка поглядела на часы, вытянула из-под полки небольшой чемоданчик, встала и кивком головы предложила Роману следовать за ней. Роман достал вещмешок, кое-как натянул куртку и двинулся вслед за незнакомкой в тамбур, где проводник готовился открыть дверь. Поезд остановился, выпуская из себя судьбы этих двоих на простор, чтобы дать им свободу от чужих любопытных глаз. Сами они не чувствовали себя чужими. Напротив, всё больше проникались ощущением взаимной необходимости. Раздался гудок, и маленькая Россия, полная тревожных снов, помчалась дальше.

Они оказались одни на ночном перроне. Моросило. Небольшое здание вокзала светилось огнями. Слева виднелся храм. Очертания купола были размыты. Вокруг стояла вязкая тишина, нарушаемая удаляющимся звуком поезда. Вышли на привокзальную площадь, оказавшуюся под стать вокзалу маленькой, с узким тротуаром по периметру. Девушка вызвала такси. Через двадцать минут Роман уже рассматривал уютную кухню однокомнатной квартиры, сплошь увешанной фотографиями.

– Кто ты? – спросил Роман.

– Свободный художник, фотограф! – засмеялась рыжеволосая и поставила чайник на огонь.

Роман провёл у Кире четыре дня. Он отправил эсмэску домашним, предупредил, что задержится у товарища, и – забыл о родителях, жене и бабушке. Забыл, что у него культи, что был на СВО, что лежал в госпитале. Кира ни о чём не спрашивала. Даже в ту первую ночь, когда сидели на кухне, пили чай, и Роман вдруг расплакался. Взялся за кружку, хотел сделать глоток, да не смог. Захлебнулся хлынувшими наружу слезами, которые копились не один день. Ему не было стыдно. Сладость освобождения от томившего его долгие дни страха была невыразимо приятна, желанна. Кира обняла Романа и ладошкой вытерла слёзы.

Они мало расспрашивали друг о друге. Это было не нужно. Объятия и поцелуи говорили больше слов. Больше слов говорили глаза и смех, который неожиданно проснулся в Романи, и он стал, как и прежде, весёлым парнем, готовым рассмешить Кире в любую минуту. Она смеялась, запрокинув голову, обнажая ровные зубы... В такие минуты Роман любовался ею. В обед она кормила его котлетками, а по утрам оладьями со сметаной. Варила кофе, ставила чашечки на поднос и несла в комнату. Роман барином сидел на диване, с восхищением наблюдая за Кирой. Иногда она уходила за продуктами. Роман скучал и встречал так, будто не видел целую вечность: хватал в охапку вместе с сумками и нёс на кухню. Кира смеялась.

Никто из них ни разу не обмолвился насчёт завтрашнего дня. Было довольно того, что сейчас они были вместе, будущее не имело значения. Кира не рассказывала, а Роман не спрашивал ни о её возрасте, ни о семье. Только один раз она выпала из общего настроения. Кто-то позвонил, Кира убежала на кухню и несколько минут разговаривала по телефону, убеждая не водить Маню в садик, а дать отдохнуть дома. Когда вернулась назад, тень беспокойства лежала на её лице. В ответ на молчаливый вопрос Романа ответила:

– Всё в порядке.

Через четыре дня позвонила мать и со слезами в голосе спросила о дне его приезда. Сказала, что бабушка не спит ночами, думает о нём, а жена не находит себе места. Роман очнулся. Разговор слышала Кира.

– Пора, – сказала она, – тебе нужно домой.

Тут же включили компьютер, купили билет на завтра.

На вокзал приехали ночью. Гудели колокола, из церкви валил народ. Люди, празднично одетые, выходили на улицу, их радостные лица сияли.

– Что это сегодня? – спросил Роман.

– Пасха! Мы с тобой всё проспали! Христос воскрес, Ромка!

– Ты веришь в Бога?

– Я знаю, что Он есть. И это так же точно, как и то, что есть солнце, луна, земля, ты и я. Христос воскрес! Пойдём, мы ещё успеем до поезда!

Она увлекла его за собой. Вошли в церковь. Пахло духотой, свечами и чем-то незнакомым. Кира осенила себя крестом.

– Ты крещёный?

– Нет...

– Вот как! Тебе надо обязательно покреститься. Тебя Бог спас.

– Почему ты так говоришь? Откуда знаешь?

– Знаю. Моего мужа убило два года назад на СВО, в самом начале. Дочка, три года, осталась. Его Бог почему-то не спас. А тебя спас. Надо благодарить за это.

Роман растерянно смотрел на Киру. И только сейчас увидел, сколько страданий спрятано в её серых глазах, которые он привык видеть лучистыми от счастья. А тут – сплошная горечь. Его пронзила мысль: Кира потеряла мужа, а теперь теряет его, Романа.

– Почему же Бог допускает зло?

– Ты не веришь в Бога и хочешь, чтобы Он был добрым? Всегда ли добр твой отец?

– Бывало, получал ремня от него в детстве.

– И Бог, как отец, учит нас.

– Чему же научил тебя?

– Любви и прощению.

– Прощать? Зачем? Я не прощаю, помню обиду.

– Затем. Если бы я простила, возможно, муж был бы жив. Не пошёл бы на СВО, не лез бы специально под пули. А в случае гибели, как это и произошло, у меня бы не было смертельного чувства вины, от которого меня спас Бог.

Кира купила и поставила свечку. Роман озираясь по сторонам, стараясь разглядеть лики святых, показавшихся ему суровыми. «Прощать», – сказала Кира. Но как простить за оторванную руку, за будущее, которое готово проглотить Романа, утопив в людской жалости?

Они вышли из церкви, потому что объявили прибытие поезда. Перед расставанием Кира легонько поцеловала его, перекрестила. Сердце

Романа защемило. Запрыгнул в вагон. И поезд, уже другой, с другими пассажирами, но, по сути, всё та же маленькая Россия, тронулся. Время до утра Роман провёл в тамбуре. Курил без остановки, поглядывал на культю и думал, думал.

Его встретили на вокзале. День только начинался. В воздухе стояла свежесть. Роман вздохнул полной грудью – привычный воздух родного города! – и отдал себя в руки родных. Мать плакала, отец кряхтел от избытка чувств, бабушка кончиками платка промокала глаза, жена стояла чуть в отдалении и со страхом глядела на Романа. Роман через силу привлёк её к себе и поцеловал в голову. Лариса, милая, чёрненькая, кудрявая, была совсем не виновата в том, что Роману оторвало руку. Но он сердился, как будто это сделала она. Неприятно царапнуло воспоминание: когда уходил на СВО, движимый желанием защитить бабушку от наступления нацистов, жена подсчитывала, сколько денег прибавится на их общем счету. Тогда не обратил внимания, а сейчас вдруг вспомнилось.

Дома накрыли стол и до обеда сидели за трапезой. Отец после второй рюмки пустил слезу и начал говорить о счастье, которое, на его взгляд, заключалось в возможности ходить и дышать, а рука, что ж, рука – это второстепенное.

– Батя, замолчи, – попросил Роман.

Отец зашмыгал носом. Мать подкладывала Роману еды и старалась кормить.

– Левой-то непривычно, сынок? Давай помогу...

– Мама, я сам, – увёртывался Роман, с трудом удерживая себя, чтобы не убежать.

Бабушка не переставая расспрашивала о танке, который взорвался. Роман устал объяснять, что ничего не понял, поэтому не может сказать про то, как произошло на самом деле. Взрыв, и всё. Бабушку это обескураживало. Её отец был танкистом и погиб под Сталинградом. Она видела связь между ним и внуком, поэтому требовала подробностей, которые Роману были неприятны.

– Бабуль, я тебе потом расскажу, как вспомню.

Бабушка обидчиво покачала головой, подозревая внука в эгоизме.

Лариса сидела рядом, со стороны культы, и пыталась незаметно прикоснуться к обрубку мужниной руки. Её передёргивало, когда это удавалось.

– Да ё-моё! – воскликнул Роман. – На, потрогай нормально.

И положил культю жене на колени. Та с криком вскочила, заплакала и убежала. Вернулась через десять минут с красными глазами. Встреча оказалась ещё хуже, чем Роман предполагал. В обед ушёл под предлогом усталости. Под этим же предлогом попросил жену спать у бабушки в комнате на диване. Лариса надула губы, непонимающе ухмыльнулась и удалилась. На следующий день Роман чувствовал себя спокойнее. Злость на супругу прошла. Он решил доставить ей приятное.

– Ну как, готова идти в магазин? Я же теперь миллионер! Купим всё, что захочешь!

Вышли за калитку дома, доехали на маршрутке до центра. И чем больше гуляли, заходя в бутики на Театральной площади, тем больше Роман мрачнел. Утреннее настроение улетучилось без следа. Все, буквально все прохожие глазели на него. Кто украдкой, а кто так прямо в упор, не стесняясь. Жена, не замечая настроения Романа, неустанно щебетала. Примеривала шарфики, из которых купила несколько, и вдобавок к ним летний кардиган. Как сорока на ветке, вертелась

перед зеркалом, спрашивая мнения мужа, но Роман молчал. Покусывал от злости губы и молчал. Вернулось ощущение, что это жена виновата в его увечье. Не война, не нацисты, а именно жена.

На пути попался магазинчик под вывеской «Чай, кофе».

– Зайдём, – кивнул Роман. – Купим кофе.

Кроме заявленного там оказалось множество прехорошеньких заварочных чайников, чашечек, блюдец, розеточек, менажниц и крохотных скульптур кисловодского фарфорового завода, на котором когда-то трудилась мать Романа. Посуда выглядела весёлой, привлекательной, так и хотелось взять в руки! У Ларисы глаза разбежались. Она возбуждённо перебирала чашечки разного размера, примериваясь к их объёму.

– А давай вот этот набор купим? Для чая! Нет, вот этот, с цветами! Какая прелесть! – ворковала она, не замечая тяжёлого взгляда мужа, но заметила, с каким любопытством смотрит на неё продавщица, милостливая белокурая женщина средних лет. Воодушевлённая посторонним вниманием, Лариса ещё больше разошлась и старалась показать, что может – при таком-то муже! – купить всё что душе угодно. Выглядела она жалко.

Роман стоял посреди фарфорового великолепия и чувствовал, как всё в нём закипает. Жена вела себя вульгарно. Продавщица переводила взгляд с него на Ларису, с Ларисы снова на него. На лице женщины застыло удивление.

– Ромчик! Можно я куплю набор, салфетницу и электрическую кофеварку? Как считаешь, какую лучше, коричневую или красную?

Лариса прыгала, перебегая от одной витрины к другой.

– Покупай что хочешь, – буркнул Роман.

Забыв о кофе, он встал у входа, дожидаясь, когда супруга удовлетворит своё тщеславие. Продавщица смотрела на неё с откровенным сожалением.

Домой вернулись часам к двенадцати. Лариса выгрузила покупки на стол и с таким же радостно-изумлённым видом, с каким делала покупки, стала вынимать посуду из коробок. Расставила в ряд. Примерила кардиган, набросила на голову новый шарфик. Восторженная, побежала к зеркалу. Насмотревшись на себя, вернулась к столу и вспомнила про Романа.

– Нравится тебе? А посуда, посуда! Чудо ведь, правда?

Роман свирепо взглянул на Ларису и одним движением здоровой руки смахнул посуду на пол. На звон выбежали отец с матерью и приковыляла бабушка. Родные смотрели на Романа с ужасом, не зная, что сказать.

– Ну что устались, как на прокажённого? – крикнул и выскочил из дома.

Он бежал к церкви, которая была от дома в двух кварталах. Бежал, отталкивая прохожих, попадавших на пути, с одной только мыслью в голове: «Как жить? Прощать! Кира сказала – прощать! Как же прощать?» Чувствуя, что в церкви, в этом новом для него месте, возможно, есть ответ, Роман бежал. Туда! Не зря же монахиня сказала, что Бог ждёт его. Ждёт! Дома его тоже ждали, но только для того, чтобы пролить над ним слёзы и пожалеть.

В церкви сразу же наткнулся на священника, батюшку с окладистой седой бородой. Тот выходил из алтаря. К нему поспешили несколько женщин в платочках. Но священник увидел запыхавшегося Романа, безумный взгляд которого блуждал по храму, и отстранил прихожанок.

- Вы кого-то ищете? – спросил, приблизившись к Роману.
- Ищу. Бога, Он ждёт меня, – выдохнул Роман и вцепился в рясу.
- Отойдём, – священник увёл его в сторону. – У вас скорби? Вы...

оттуда?

Кивнул на культю и, кажется, всё понял: и про СВО, и про ранение, и про то, как мучается Роман. Взгляд под седыми бровями наполнился состраданием.

– Батюшка, хочу покреститься. Прямо сейчас, – успокаиваясь, глухо сказал Роман. – Пока есть решимость. Можно? Очень надо...

– Господь разрешает в экстренных ситуациях. У вас, я вижу, острая потребность. Идём.

Торопливо вышли на улицу. Священник заскочил на минуту в церковную лавку, затем они пересекли двор, зашли в часовню. Роман оказался перед небольшим бассейном, углублением в полу. Вода в нём была синяя от цвета кафеля. Из-под купола глядел Иисус Христос. Глядел торжественно и твёрдо, словно подбадривал. Забежала женщина, подала простыню и крестик на верёвочке. Зажгла несколько свечей и вышла. Священник начал что-то читать – непонятное, странное. Всё происходило как бы в тумане, в котором туго слышались слова Священного Писания. В висках стучало. Батюшка помазал Романа чем-то душистым, пахучим и сказал:

- Раздевайся до трусов и спускайся в бассейн.

Роман мигом разделся и шагнул к ступенькам, ведущим вниз. Батюшка нагнулся и три раза, нажимая на голову, окунул его в воду со словами: «Крещается раб Божий Роман во имя Отца, аминь; и Сына, аминь; и Святаго Духа, аминь». Вода была прохладная, бодрящая. Роман держал культю над головой, чтобы не замочить бинты, и отфыркивался. Выскочил, накинул простыню и, ошеломлённый необычностью и важностью происходящего, замер перед священником. Тот снова помазал и повёл вокруг купели. Затем снова читал и, наконец, надел на Романа крестик.

- Поздравляю с вхождением в церковь Христову.

Романа била лёгкая дрожь, но не от холода, а от восторга. Он оделся, пригладил волосы и неловко перекрестился культией.

- Иди с Богом, воин. Ангела-хранителя тебе, – сказал батюшка.

Роман направился к выходу, но, вспомнив, остановился.

– Хочу простить... всех, – сказал и поднял вверх культю, – но не могу.

– Тебе сегодня простились твои прежние прегрешения, ты тоже всех прости, отпусти обиды. Иди с Богом. Приходи, Он всегда тебя ждёт, не только сегодня.

Роман вышел и присел на лавочку. У него было чувство, как будто вернулся к самому себе – давешнему, жившему до СВО, у которого не было тяжкой ноши. Вот, оказывается, зачем его ждал Бог! Чтобы взять её, освободив тем самым Романа для чего-то хорошего, для продолжения жизни, для любви. Любовь! При этом слове в памяти возник образ Киры. Да, всё верно. Теперь он знает, что надо делать, потому что простил и спецоперацию, и командиров, и родителей, и Ларису, повинную лишь в том, что была жадной. Простил всех. И чистый, с чувством лёгкости в душе, отправится в тот городок, где памятной ночью он – с Кирой – впервые зашёл в церковь. Христос воскрес!

Михаил ПЕСИН

Родился в 1949 году в Горьком. Окончил Горьковский институт инженеров водного транспорта. Работал в Ленском речном пароходстве инженером. С 1971 года – профессиональный журналист, работал в разных должностях, от корреспондента до главного редактора. Автор поэтических сборников, ряда публикаций (стихи и проза) в литературных журналах и альманахах.

Лауреат многих фестивалей и конкурсов авторской песни. Живет в Нижнем Новгороде.

РЕВНОСТЬ

Он и права-то не имел на это!

Ревность вообще вещь гнусная. Но когда она связана с женой или невестой, ещё куда ни шло, как-то можно понять, объяснить. Ущемлённым самолюбием, например. А он ревновал... Ритку Васильеву! Да, да! Ту самую со строчевышивальной фабрики. Ну был грех, схлестнула их жизнь. Изменил Санька жене. Так ведь это когда было?! Да и что ж ей теперь, вечно ходить под Санькиными окнами – вот, дескать, ни с кем не знаюсь, одному тебе верность храню?! Ерунда! Она баба молодая незамужняя. Её дело – как и с кем жить.

Санька всё это понимал. Понимал он также и то, что и до встречи с ним, и после были у Ритки ухажёры. И не в шашки же она с ними играла по ночам! Понимал и всегда относился к этому спокойно, вернее – вообще никак. А тут – на тебе! Ревнует. Лежит в кровати, заложив руку за голову, слушает, как сладко посапывает ему в плечо жена, и... ревнует Ритку Васильеву! И – к кому? К закадычному другу Кольке Гусеву, с которым выросли вместе, по одним заборам лазили, одну восьмилетку кончали. Даже потом, когда судьба их развела – Колька подался в мореходку, – это были друзья не разлей вода.

И вот ведь, надо же такому...

Санька осторожно вытянул из-под жены руку. Нащупал в темноте пачку «Примы», пепельницу. Закурил. Сон не шёл к Саньке. А, совсем наоборот, шли к нему обидные мысли и видения, ярко демонстрирующие «как они там сейчас...»

Нет, ну надо же такому?! Вот лежит рядом жена. Законная. Ревнуй на здоровье, ежели приспичило. Так ведь что есть она, что нет, жена -то. А вот Ритуха там с Колькой!..

Санька даже закашлялся – так стало горько от этой мысли.

А началось с чего?

Колька пришёл с моря. Колька всякий год, возвращаясь с моря или, как он говорил, «с рыбы», приезжал в родной городок – «мать пови-дать, корешей угостить». Саньку, само собой, в первую голову. На сей

раз они не виделись аж два года. В прошлый Колькин приезд Саньку от завода послали в колхоз на уборочную, так что свиданьица не вышло.

Но зато теперь!.. Конечно, было о чём поговорить, что рассказать. И, конечно, Санькиной жене эти разговоры слушать было ни к чему. Да и не получилось бы разговора-то при ней. Мужичкий разговор – вещь хрупкая. Тут особая атмосфера нужна. И чтоб бутылочка, понятно. Не за напиться, а для течения разговору. И чтоб не смотрел тебе в рот женин глаз, не считал рюмки.

В общем, решили покалякать без «госконтроля». А где это сделать, когда на дворе конец ноября? В подворотне либо на лавочке в скверике в такую промозглость много не поговоришь. А просто так, как бывало – по стакану и на электричку, – не тот момент. Тут поговорить хотелось, излиться.

– Шиканём седьня, Сань, на всю железку! Увидишь, как рыбаки гуляют. – Кольку явно распирало желание посорить деньгами.

И они отправились в ресторан. «Мужичкий разговор» обещал получиться искусно обставленным: закусочка, запотевшие графинчики с беленькой, анекдотики, музыка... Представив всё это, Санька заулыбался. И то сказать, по-настоящему-то в ресторане он ещё и не бывал. Всё как-то без него обходился. Получку завсегда у пивного чапка отмечали, а по праздникам лучше дома места не сыщешь: и еды вдоволь, и пой-шуми – никто не запретит, и до коечки в случае чего рядышком.

Но сейчас как будто он и есть тот самый случай в ресторан выбратся. И не просто так – на часок-другой – на всю катушку, до закрытия! Если Колька начал корчить из себя заправского моремана – не останавливать! Однако мечта о запотевших графинчиках и заводной музычке так и осталась мечтой. Во всех трёх ресторанах и парочке кафе их небольшого волжского городка между ней и друзьями китайской стеной вырастала белая табличка с неприступной чёрной фразой: «мест нет!».

Настроение испортилось. В забегаловку идти не хотелось. Не напиться же собрались – поговорить! И вот тут... Чёрт дёрнул Саньку за язык! Вроде бы и приняли всего по паре кружек пивка для разгона. В общем, рассказал Санька другу о Ритке. Мол, живёт одна в коммуналке, а соседи – два божьих одуванчика – вроде как уехали погостить к дочке в Воронеж.

– Шо ж ты молчал?! – обрадовался Колька – Что может быть лучше конспиративной квартиры?

Так они попали к Ритке Васильевой. Ввалились со смехом, свёртками, бутылками... Кто? что? чего? – не важно! Прямо с порога – Ритуха! Принимай гостей! Заследили по чистому полу, закрутили проигрыватель... «Скатерть белая-а-а залита-а вином!..» – орал Колька, будто у себя в кубрике, чертовски ловко при этом выбивая пробки из бутылок одним ударом кулака по донышку.

Санька, хоть и изображал из себя хозяина, пытаясь как можно непринуждённее накрывать на стол, а нет-нет да и поглядывал на Ритку – ошеломлённую этим шумом, обрадованную Санькиным приходом и всё же явно не довольную такой беспардонностью.

Но так или иначе – пьянка началась. Именно пьянка, потому что ни о каком разговоре по душам уже и не думалось. Едва опустела первая бутылка водки, Колька стал рассказывать анекдоты, так громко при этом смеясь, что даже Санька становилось неловко. Ну а к концу второго пузыря и Санька орал уже что-то песнеподобное. Разгорячённая вином, постепенно перестала смущаться от присутствия в доме совершенно незнакомого мужчины и Ритка. Даже наоборот, ей стало казаться, что и быть-то иначе не могло. Ведь Санечка, как никак, не чужой ей человек. Ведь... Ах, да что говорить! Она

и сейчас готова растаять от этих голубых под пудовыми ресницами глаз. Лучше б, конечно, он один к ней пришёл. Так ведь мало ли чего лучше?!

И она пела вместе со «своим Санечкой», смеялась над анекдотами его друга, не замечая, что они уже давно перешли грань приличия. Ей было хорошо и весело.

Часам к двенадцати, когда все бутылки были уже почти пусты, а колбаса с сыром съедены, Санька вспомнил, что где-то там далеко-о... на другом конце города ждёт его жена и трёхлетний Вовка, которому он (в который уже раз!) обещал купить пистолет с пистонками.

Воспоминания эти пришли к нему как-то сразу и в неподходящий момент: они танцевали с Риткой одни в комнате при слабом освещении настольной лампы, а Колька вышел по своим надобностям. А Ритка тянула к его губам свои губы и, запустив пальцы в его волосы, гладила Саньку с такой нежностью, с какой могут это делать только очень любящие женщины...

«Э-эх! – вздохнул Санька, глядя на безмятежно спящую жену. Что они с нами делают, эти бабы!» Вроде бы уже и личная жизнь у него давно налажена. И жену свою, Веру, он уважает. Зарплату регулярно приносит почти полностью. Не бьёт её. Ну разве что шумнёт иной раз выпивши, так ведь не он первый, не он последний. Вера понимает это и не шибко какает на похмельную голову. Да и баба она грех жаловаться: всё при теле. И заботливая. И готовит разные вкусности. Чего ещё человеку надо? Так ведь нет – тянет Саньку на всякие приключения. И сам потом не поймёт, как чего получилось. Вот что ему эта Ритуха? Случай! А вот оно как разобрало...

Вспомнив про жену, Санька засовестился. Отстранился от Риты и стал собираться домой. На том бы и делу конец. Да ведь Колька-то отказался с ним уходить. У Ритухи остался! В тот момент, покуда в голове водка туманилась, Санька и не противился. Хочет – пускай его остаётся. Не женатый чай. Но вот сейчас среди ночи мучился Санька от горькой обиды. Как это так? Его Ритуха и – с Колькой! И как мог он, Колька – с его Ритухой?!

Эти два внезапно столкнувшиеся имени, бомбой взорвали Санькино сознание.

– Ну уж, нет! Долго вы у меня не поворкуете! – сказал он так громко, что проснулась Вера. Посмотрела на него сонными встревоженными глазами:

– Ты чего, Сашок? Нехорошо, что ли? Попробуй – два пальца...

– Спи, – ответил он тихо и зло. Только её расспросов сейчас не хватало.

«Ну уж, нет!» – повторил он уже про себя и принялся одеваться.

– Ты... куда? – Вера приподнялась на локтях. – Куда ты?!

– Спи, – снова оборвал её Санька и неожиданно для себя соврал. – На завод смотаюсь. Мысль одна в голову залезла. Рацуху хочу подать. Проверить надо.

– Так ведь ночь на дворе!!.

Но Санька уже, выскочив за дверь, бежал по тёмным холодным улицам. Он больше не мучился вопросами, не вспоминал прошедший вечер. Огромная горькая обида переполняла теперь его душу, мозг, тело... Он даже ощущал вкус этой горечи во рту.

Не разбирая дороги, не замечая, как бешено бьётся его сердце, бежал Санька сквозь ночь. И не попадись ему случайное такси, бежал бы, кажется, вот так – разбрасывая длинные ноги, шумно вбирая ртом воздух и бормоча себе под нос «Ну, Ритуха!.. Ну, Колян!..» – до самого Ритино дома.

Было ли это, как казалось Саньке, действительно приступом ревности? Вряд ли. Ведь для Ревности необходима Любовь. А её-то как раз у него Ритке никогда не было. Они сошёлся с ней случайно и, разойдясь, – до сегодняшнего случая вспоминать забыл. Так чего ж он тогда взвился? Чего мучился всю ночь обидой? Чего гнал сейчас такси к её дому?

Задет был в Саньке собственник. И собственник этот никак не мог смириться с тем, что кто-то (пусть даже этот кто-то – друг!) отнял его, Санькину, добычу. Добычу? Не иначе. Ведь наивная, мечтающая о прекрасном принце Ритка, в буквальном смысле попала в паутину Санькиных ресниц, как проснувшаяся среди зимы сонная муха в лапы равнодушного паука. А попробуйте отобрать добычу у хищника. Да вот хотя бы пойманную мышь у кошки. Даже если она ваш питомец. И – сыта. Она на всю жизнь затаит обиду и непременно улучит мгновение для того, чтобы отомстить своими острыми коготками.

Оставив такси, Санька, скача через три ступеньки взлетел на пятый этаж. Со всей силой налёг на кнопку звонка.

Встревоженная, сонная, в лёгком, накинута на полуобнажённое тело халатике, открыла ему дверь Рита.

– Са...? – Удивлённая и перепуганная, так и застыла она в дверном проёме. А он, не говоря ни слова, не раздеваясь, пронёсся в комнату... на кухню... рванул дверь туалета...

– Где он?! – заорал, краснея от злости. – Где? Морду расквашу! Шурь-муры, да? Хрен вот вам!!

Он орал ещё долго, бессмысленно и грязно ругаясь. Наконец, обессилев, прислонился к стене коридора и замолчал, тяжело дыша. Только красные от бессонной ночи и злости глаза страшно сверкали на Риту.

– Чего ты, Саш? – наконец сказала и она. – Кого ищешь-то?

– Крутишь, стерва? Аль не знаешь? Колюху ищу! Где его заховала? Иль, может, спровадила уже? Натешились?!..

– Да что ты... какого Колюху?

– Не крути, говорю! Не знаешь, будто? Нынче со мной приходил.

– Так ведь... вы ж вместе ушли... Вы ж вместе... А ты... Ты как подумал?.. – И она вдруг заскулила. Тихонько, протяжно и с такой безысходной тоской – скалы заплачут.

И только теперь в затуманенном Санькином мозгу стало проясняться: да, действительно Колька хоть и собирался остаться у Ритухи, но оказался почему-то рядом с ним на улице, твердя про какой-то облом. И Санька даже сочувствовал ему и, успокаивая, дал закурить. А потом... Потом он помнит только, как проснулся в своей постели с гудящей головой и жгучей обидой от того, что там у Ритухи...

Нет, ну бывает же такое?! Прямо какое-то прободение памяти!

Санька вдруг захохотал. Сначала тихо, потом всё громче и громче. У него текли слёзы, кололо в боку. Он захлёбывался и утирался рукавом, всхлипывал и хватался за живот.

А рядом скулила от обиды и стыда Ритка.

А на другом краю города, не находя себе места, бродила по комнате встревоженная Вера.

Но он смеялся. Смеялся, потому что приревновал вот эту неказистую, конопатую, низкорослую Ритуху Васильеву. И – к кому? К Гусеву Коляне! Закадычному другу детства!

Да он и права-то не имел на это!

Игорь ОЗЁРСКИЙ

Родился в 1989 году в Москве. Окончил Московскую государственную юридическую академию им. О.Е. Кутафина. По профессии – адвокат. Советник министра культуры Московской области.

Автор романа «Безымянные» (лауреат Всероссийской литературной премии «Гипертекст», 2023), книг «Философия смерти» (2010) и «Трилогия садизма. Одиночество. Деструктивность. Любовь» (2014). Рассказы публиковались в журналах «Нижний Новгород», «Аврора», «Бельские просторы», «Кольцо А», «Турист».

Живет в Москве.

СЛЕДЫ ТЯЖЁЛЫХ ЛАП

Мои лапы тяжёлые и большие, они постоянно утопают в снегу. Не знаю, что с этим делать. Я пытался ходить по льду, но проваливался в ледяную воду. Шерсть мокнет и становится холодной. Но мне всегда холодно, а после воды – особенно. Я не люблю воду, но только в воде можно найти еду, больше здесь её нет.

Я хотел бы есть корешки, но они вмерзли глубоко в окаменевшую от мороза землю. И что остаётся? Охотиться, убивать. Хорошо, что у меня есть зубы и крепкие когти. И большие мохнатые лапы. Я могу хватать и душить моржей и даже гигантских белых существ, что живут в воде. Их убивать мне жалко, ведь они чем-то напоминают меня, только без лап и без шерсти. У них нет ни когтей, ни зубов, в отличие от моржей. И они очень вкусные. Моржи – нет. Совсем нет. И у них ещё эти бивни. Один такой чуть не вспорол мне брюхо. Хорошо, что я успел отпрыгнуть.

Лапы опять утопают в снегу. И как же с этим бороться? Я пытался идти на юг, но там прекратилась земля. Я пытался идти и в другие стороны, но всё натёкался на воду. Долго плавать я не могу, хоть там и полно еды. Иногда приплывают тюлени – они как маленькие моржи, но поймать их гораздо труднее. Я могу бежать, но после долгого бега лапы начинают болеть и всё тело тоже. Чем больнее, тем глубже проникает мороз.

И спать здесь особо негде: на льду опасно, на вершинах – ветер. Я вешу так много, что если ложусь в снег, то погружаюсь в него целиком и боюсь задохнуться. Я часто думаю о том, что сделал не так. А ведь сделал точно. Иначе бы не оказался здесь.

Иногда я чувствую, будто под снегом лежит что-то зелёное. Что-то, чего я никогда не видел. Хотя, может, и видел, забыл.

Как-то пролетали птицы, и я слышал их разговор. И после этого знаю, что во всех остальных местах всё иначе. Там согревает льющийся с неба свет и коренья тянутся из земли. На них растёт всевозможная еда, разных цветов и вкусов. Она там повсюду. Там не нужно ни с кем

драться и никого убивать. Там всего в достатке. Можно спать где угодно и не бояться, что ты не проснёшься. Там можно вести неспешные беседы и обдумывать смысл жизни. Ведь здесь, в ледяной пустыне, такой возможности нет – сложно думать, когда вечно ноет живот и приходится опускаться в ледяную воду, чтобы хоть на какое-то время его унять.

Я звал тех птиц спуститься и поговорить со мной, но они не пожелали. Я могу их понять. Будь я птицей, я бы тоже не стал приземляться здесь. Мне не нужны толстые лапы и густая шерсть, я бы с радостью променял их на крылья. Мне не нужны острые зубы и крепкие когти – одного клюва вполне достаточно.

Я предложил им рыбу, что была у меня в запасе, но даже после этого они пролетели мимо. Я ревел, умолял их не улетать. Мне ведь так одиноко. И холодно. И даже страшно. Да, мне страшно. Ведь я не знаю, когда умру. А как я заметил, умирают все – и рыба, которую я ловлю, и моржи, что встречаются на моём пути. Но те птицы были такими живыми, и умирать они явно не собирались.

Я долго бежал за ними и слушал их разговор.

Теперь я возвращаюсь, и лапы проваливаются в снег. На пути обратно я вижу свои же следы, и от этого становится грустно. Живот снова просит еды. Я так устал убивать.

Птицы летели на юг. Я слышал: они что-то говорили о людях. Не знаю, кто это, но, конечно же, им повезло. Птицы говорили, что у них тоже есть лапы, но, как я понял, шерсти на них немного, а может, и нет совсем. Должно быть, им тоже холодно, даже когда тепло. Да, этому я не завидую. И у них нет когтей. И клыков тоже нет. Не понимаю, как же они живут. Если бы люди оказались здесь, их бы уже не стало. Но отчего все они – там?

Я бежал за птицами так быстро, как мог. Но их догнать невозможно, они ведь птицы. Конечно, я знал об этом, но всё равно пытался. Зато мне не в чем себя винить.

Птицы давно улетели, а я всё думаю о людях, которых они обсуждали. Птицы говорили, что люди умеют искусно орудовать лапами. Мне это кажется странным. Мои лапы большие и покрыты мехом, но от них не так много толку. Зато у меня есть пасть. И я перегрызу им горло. Даже если не буду голоден. Просто из злости. Потому что они там, а я здесь. Потому что им тепло, а мне холодно. Потому что у них из земли вырастает еда, а мне приходится сражаться с моржами. А один из них чуть не вспорол мне брюхо.

Я никогда не полюблю людей. А вот птицы мне нравятся. Я смотрю, как они летят, и тоже представляю себя летящим. Я расправляю крылья и устремляюсь вверх. Представляю, как удивились бы люди, увидев меня над ними. И тогда искусные орудия вряд ли бы им помогли. У меня есть зубы. У меня есть когти. А моя толстая шкура покрыта мехом. Я вешу так много, что мог бы просто их раздавить. И раздавил бы всех, если бы мог летать.

Может, поэтому я и здесь? Но как можно такое понять. Живот урчит слишком сильно – теперь я думаю лишь о еде. Нужно идти ко льду. Нырять в ледяную воду. Может, повезёт – и найду тюленя. Но вряд ли. Последнее время их тут совсем немного.

Придётся есть рыбу...

Рыба...

Как же я её ненавижу.

Анастасия БУГРЕЕВА

Родилась в 1986 году в г. Кстове Нижегородской области. Училась в Нижегородском театральном училище, на художественно-декорационном отделении. Реставратор.

Живет в Нижнем Новгороде.

ГИРЛЯНДА

По тёмным улицам Средневековья расползаются чумные огни...

Есть поговорка, что канун праздника лучше самого праздника. Город постепенно становится похожим на новогоднюю ёлку. Человейник жужжит предпраздничной суетой. Двое молодых людей, оба слепые, не отстают. Если бы вы видели, как слепой, ночью, в одинокой квартире, поставив чайник на плиту, рисует, то поняли бы, что у зрячего сутки делятся на день и ночь, а у слепого же это бесконечные ночь и день одновременно. И справляется с некоторыми задачами дня он ночью с уверенностью летучей мыши.

Но вот всё готово, только гирлянду не успела купить им подруга – забегалась, не придала значения. А слепым гирлянда нужна больше, чем зрячим, как бы странно это ни звучало. Но огни города не погасли из-за одного бельма – окна квартиры слепых – и побежали дальше, оживляя дома и дороги. Теперь весь город похож на гирлянду. Её свет, то загорающийся, то гаснущий и проступающий из темноты вновь, похож на жизнь-смерть или пробивающийся из-под земли росток.

...На пятом этаже дверь в квартиру даже не закрывается. Гости заходят в неё, как дым, и выходят покурить на лестничную площадку. Звон-перекличка фужеров с морозным воздухом за окном.

...Зажглось, потухло окно ниже. Малыш распаковывает подарки, сидя на полу рядом с ёлкой. Огоньки пульсируют в его голове, и у малыша начинается эпилептический припадок.

...Огни сбегает по трассе. Поднимаются по улице до площади. Не задерживаясь, бегут дальше.

Ночью, когда город, как тонущий корабль, погружается в темноту, одно окно не гаснет никогда. То, что и не зажигается. Окно, где слепой рисует день. Свет с улицы выхватывает из темноты блик чайника, прямоугольник коридора. Слепой мужчина, поддерживая свою подругу за руку, открывает балконную дверь. Чиркает спичка. Загораются две красные звезды.

— Однажды возвращалась накануне Нового года с моря. Город светится сейчас, как и тогда, наверно.

– Гирлянду мы не купили, поэтому представлю город, обвитый старой советской гирляндой. Ещё был гномик, усыпанный серебром на маленькой, но живой ёлке. Ни года не проходило без живой елки. Отец крал её иногда у леса, когда не находил такой красавицы на городском рынке. Красный фонарик – светофор. Синий и зелёный – река и лес у дома. Жёлтый – степь. Есть время на прошлое. Много было оттенков. Сейчас все они в ярких цветах старой гирлянды.

– Да. Но мы не знаем, какая «гирлянда» сейчас накинута на город. Можно представить. Но это как представлять историю, прошлое или будущее – то, чего мы не увидим. Например, жёлтый, красный – чумные факелы средневекового города. Синий, зелёный – стрекозиные глаза – неоновые стёкла высоток будущего.

– Мы уже одной ногой, глазами вернее, – часть прошлого.

– Да. Но пока мы живы. Возможно, кроме красно-жёлто-зелёного появились новые оттенки. Их мы уже не увидим. Но гирлянду, если бы успели её купить вчера, мы бы «видели» – она горела бы над кухонным столом, и наши лица и плечи загорались бы то красным, то синим, погружались бы в темноту.

– Слепой видел смерть. Пока нас будут выключать, «фонарик за фонариком», мы будем видеть, слышать, чувствовать ими смерть, точнее – жизнь без нас... А когда погаснем целиком, перегорит всего один фонарик на гирлянде. Зажжётся другой.

Красные звёзды на пятом погасли в пепельнице. Скрипнула балконная дверь.

С места тронулись чумные факелы, вниз по средневековой улице.

ТАКСИ

Город гудит. Напряжение бежит по проводам, нервам, тросам канатной дороги, дрожит в колёсах большегрузов, мышцах баскетболистов, играющих во дворе за высоткой, в вентиляционной трубе, скрипе лестницы, коридорном сквозняке, руке, сжимающей входную ручку двери, электрическими разрядами проносится в волне волос, перебираемых пальцами, жужжит тишиной.

Ох уж эти минуты и секунды! Существуют ли они вообще? Конвульсия секундной стрелки, нагоняемой минутной, царапает пустой циферблат...

Опаздываю. Запрыгиваю в такси и, не успевая рассмотреть водителя, осознаю, что за рулём мертвец. В машине рядом со мной на сиденье пыльная куртка, будто заиндевшая от времени. В салоне удушливый запах разложения.

Усмехаясь сама себе, выкидываю этот бред из головы. «Просто пожилой человек, запах болезни, старости и грязной ветоши. Может, он в полушаге от смерти, но довести до работы он меня всё же успеет. Ещё один анекдот в сборник чёрного юмора», — думаю я.

Но руль кажется живее руки водителя, а отражения в его глазах — взгляда. Так игра теней и света на стене кажется иногда живее создающих эти тени людей, снующих мимо неё.

Утренний туман и изморось, уже наполовину со снегом. Проезжаем через мост, под которым река, кажется, застыла гудроном до самого дна моих нервных окончаний. Воплощение картины Мунка «Крик»... Бред какой-то. Я же просто еду на работу. Откуда это странное чувство и пот на спине?

Дорога мирным руслом течёт дальше по городу. Но водитель разворачивает машину, и мы едем вдоль обрыва по заросшей, еле заметной колее. Местами берег обрушился, и эта тропа, как нитевидный пульс, вскоре прерывается. Старик, маневрируя по краю обрыва, клокочет, давится внутренним смехом. Снова выезжаем на дорогу. Перекрёсток. Сплетение дорог и траекторий живых линий и пунктиров — толпы. У магазина курит вторую утреннюю сигарету молодая продавщица. Через дорогу пробежал кто-то в самую последнюю зелёную секунду. Пёс, свернувшийся под лавкой на остановке. Ещё одной секунды хватило водителю «тойоты», чтобы выплюнуть матюг из полуприкрытого стеклянным веком окна. В голове уже толпятся мысли о предстоящей работе. Возле торгового центра снуют шопоголики с полными или пока пустыми пакетами. Течение мирного утра пестрит своей рябью, как Ганг.

Дальше дорога ныряет под мост и серпантином уходит под землю. Вспоминается метро, с толщей неоткрытых земель прошлого со всех сторон. Где-то в этой толще мертвецы и окаменевшие следы их жизней — как потерянный в спешке-погоне за жизнью или от неё, увязший навсегда в глине башмак. От моего попутчика тоже веет холодом тоннельных стен. Но мы снова вырываемся на свет, и дорога бежит вниз по старой улице. Тоннель — просто короткий перебой в пульсе города. Вдох...

Таксист, ухмыляясь, одеревенело глядя сквозь меня, выворачивает руль на торговый центр и... Мы... влетаем в стену.

НА КРАЮ

Они лежали вдвоём в ванной. Никто даже не догадывается, какой это было роскошью после месяца засухи в этой каменной пустыне. Дворы вывернулись наизнанку безлюдными пустырями. Воды в городе, куда время от времени доносились отголоски шедшей под сердцем, совсем рядом, войны, не было уже много дней.

Дом был похож на каменный остов, на энном этаже которого в одной из четырёх жилых квартир ютилась, как бездомный кот в подвале, жизнь. Обычная хрущевка. С обоями в полоску, кухонным столом, полутораместной кроватью и заклеенными, как в блокадном Ленинграде, окнами.

– Дай зажигалку.

– Четыре сигареты осталось всего. Утром надо купить, пачки две, в дорогу...

Вода в ванной ласкалась к телу. Пар и дым рисовали под потолком лес, реку и дороги далёкого дома. На стенах оседал конденсат, а на разгорячённых вином и вечером щеках выступали капельки пота.

За стенами дома – неизвестность и открытый космос. Тёмные загривки деревьев треплет осенний ветер. Косой плетью хлещет дождь. Арматура раненых домов в лунном свете похожа на заброшенные шаттлы космической станции... Но не время спать! Даже глаза закрывать – их просто можно не открыть. В любой момент часть дома, в которой ютились эти двое, может быть вырезана, словно засвеченный кадр на негативе фотопленки. Потому что после дождя урожай здесь иногда собирает смерть.

Как сознание способно выстраивать гармонию из хаоса? Не рехнуться, не потерять равновесие. А как его не потерять, если увидишь, что «другой конец каната ни к чему не привязан»?

Просто перекрываешь поток мыслей, как воду в кране...

Они лежали в ванне. Конденсат, сбегая по стене, чертил пьяные, понятные только им слова.

«Невыносимая лёгкость бытия», – пришло в голову, – о том, что происходило здесь и сейчас. О войне, жизни и смерти, которая была не где-то там, за стеной, а сидела на краю ванны.

Андрей ГАРАНИН

Родился в 1990 году в Нижнем Новгороде. Окончил медицинское училище, специальность «зубной техник», прошёл переподготовку, получив специальность медбрата, работал массажистом. Сотрудник МЧС.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Три желания», сборнике «Поэтический Нижний», альманахе «Я и мой мир». В 2025 году опубликован роман «Экстрасенсы».

Живет в Нижнем Новгороде.

ОДИНОЧКА

Лёгкое движение кисточки – и половина ногтя покрылась ровным слоем прозрачного лака. Ещё одно – и ноготь покрашен полностью. Рита как всегда щебетала что-то неважное, чтобы клиентка не скучала, и то и дело поглядывала на часы: времени в обрез. Пять маленьких белых точек вокруг жёлтой завершили рисунок ромашки на ногтевой пластинке. Наманикюренная женщина растопырила пальцы и разглядела их издалека:

– Какая красота!

Довольная, она направилась к стойке администратора, расплатилась и принялась одеваться. Едва женщина пересекла порог, Рита схватила сумочку и набросила куртку.

– Стёп, я убежала.

– Пока-пока, – попрощался управляющий.

Дел невпроворот. Сначала получить товар. Дотащить его до детского сада и забрать дочку. А потом всем вместе идти к Вике, а ещё найти время составить заказ следующей партии, выложить пост о новой закупке и написать тем, кому обещала. А те, кто не обещал, как обычно будут разрывать телефон звонками и сообщениями, отвлекать и ставить палки в колёса. Ещё и приготовить что-то надо, а сначала, конечно, в магазин забежать.

Когда она добралась до детского сада, почти всех детей уже забрали. Под опекой замученной, но улыбчивой воспитательницы остались только несколько отпрысков таких же занятых, как Рита, родителей.

– Лиля, прекрати совать пальцы в рот, у тебя глисты будут. Сколько раз тебе говорить, ребёнок? Давай надевай шапку.

Рита застегнула дочкин пуховик и расправила капюшон. Серые облака скрывали предзакатное солнце, которое всё равно находило маленькие просветы и выглядывало, пыталось освещать слякотные дорожки в помощь включающимся фонарям. Холодный ветер обдувал остатки снега и беспокоил воду в лужицах. Рита поёжилась и застегнула собственную куртку до самого верха.

– А я сегодня букву эр-р-р-р научилась выговар-р-ривать, – похвасталась Лиля.

– Какая ты у меня умница.

Девушка подняла с пола большой пакет, другой рукой взяла ребёнка за руку и попрощалась с воспитательницей.

– Мы домой пойдём?

– Нет, нам надо к тёте Вике зайти ненадолго.

– Я не хочу к тёте Вике, она всё время кричит, и от неё плохо пахнет.

– Надо, котёнок, потерпи чуть-чуть.

Девочка нахмурилась и снова засунула пальцы в рот.

Дорога от детского сада до дома Вики занимала полчаса. На автобусе пятнадцать минут, но до остановки пришлось бы идти десять в другую сторону. Да и пакеты с заказами проще нести по улице, чем запихивать в заполненный транспорт, поэтому Рита с Лилей всегда ходили пешком, а в пути разговаривали.

– Мам?

– Да, котёнок.

– А что такое глисты?

– Это такие червяки, которые едят тебя изнутри.

– А у тебя есть глисты?

– Надеюсь, нет.

– Это потому что ты пальцы в рот не суёшь?

– Да, и руки мою с мылом.

Девочка задумалась и серьёзно спросила:

– А если я хочу?

– Что хочешь? Чтобы тебя съели?

– Да.

– Не говори глупостей.

У ворот их окликнул мужской голос:

– Девушка, у вас сумка расстёгнута.

Рита повернула голову и заметила распахнутый карман висящей на плече сумочки. Наверное, забыла застегнуть, когда убирала телефон.

– Да, спасибо, – поблагодарила не глядя. Ей пришлось остановиться и поставить пакет на грязную землю, снять сумочку и отпустить Лилину руку. Как назло, молнию заклинило – собачка дёргалась туда-сюда, но не сдвигалась с места. Краем глаза Рита заметила, что мужчина всё ещё стоит рядом и не думает уходить.

– Вам помочь?

– Не надо, – сказала резко и продолжила дёргать молнию.

– А меня Лилия зовут, – подала голос девочка и протянула незнакомцу слюнявую ладошку.

Тот мягко, по-джентльменски, на секунду обхватил ручку и ответил:

– Очень приятно, Лилия. Меня зовут Серёжа.

– Очень пр-р-приятно, – повторила Лилия.

«Р-р-р-р», – замок расклинило, и сумка застегнулась с характерным рычанием.

– А вас как зовут? – обратился мужчина к девушке.

– Спасибо вам большое, – вздохнула Рита, – но мне очень некогда, я спешу.

– Маму зовут Мар-р-ргар-р-рита.

Лилия потянула пальцы к лицу, но мама задержала руку.

– Очень приятно, – вежливо ответил мужчина. – Давайте хотя бы пакет донесу.

– Не надо, я сама, – не дав ему возможности подойти ближе, она быстро подняла пакет и пошла. В сумочке просигналил телефон, но Рита не обращала внимания, пока незнакомец не остался далеко позади. Только тогда она снова поставила пакет и достала гаджет. Писали по поводу заказа.

Не желая терять времени, Рита повесила ношу – огромную и тяжёлую – на предплечье. Этой же рукой она отвечала на сообщение, а второй держала дочь. Когда дошли до нужного дома, рука с телефоном онемела почти до потери чувствительности.

– Здр-растуйте, – серьёзно сказала Лиля.

– Ой ты, моё солнышко! – громко ответила Ритина подруга, девушка с яркими рыжими волосами, сняла с девочки шапку и потрепала по голове.

– Руки помой, – напомнила Рита дочери.

Вика всегда говорила громко. Не специально, просто голос такой. И много курила, повсюду разнося запах сигарет. А ещё у неё дома не было никаких игрушек. И Лиле всё это не нравилось, поэтому она развлекала себя как могла, пока взрослые раскладывали на кровати и разглядывали вещи, а после пили на кухне чай. Вот и в этот раз девочка тенью ходила за матерью и повторяла в шутку на разные голоса: «А меня зовут Лиля. А меня зовут Серёжа. Очень пр-риятно».

– Чё ещё за Серёжа? – удивилась Вика, закуривая за кухонным столом сигарету. Её не смущали ни гости, ни дети. Риту запах не смущал, даже необъяснимо нравился, но Лилю она всегда просила поиграть в комнате.

– Да клеился тут один, у садика, пакет предлагал донести.

– И донёс?

– Я отказалась.

– Ха! Отказалась! Вот мужики пошли. Нормальный бы взял и не спросил. И сейчас бы с нами чай пил.

– Ой, перестань. Ты же прекрасно знаешь, что мне не до знакомств. Тем более на улице.

– Ну симпатичный хоть?

– Да я не знаю, не смотрела на него. У меня в одной руке заказы, в другой Лилька. Молния ещё на сумке сломалась. Думаешь, мне каких-то мужиков хотелось разглядывать?

– Симпатичный! – донёсся из комнаты детский голос, и обе девушки рассмеялись.

– Собирайся, ребёнок! – крикнула мама. – Домой поедem.

Маленькие ножки радостно потопали из комнаты в коридор.

– Ладно. Вот тебе деньги, заказы я своим передам, – сказала Вика и положила на стол несколько купюр.

– Спасибо.

– Было бы за что, Ритусь, тебе спасибо.

Пообщавшись с подругой и немного отдохнув, Рита взяла изрядно похудевший пакет, и они с дочерью пошли домой.

По иронии судьбы добираться нужно было на автобусе. Когда девушка переехала в съёмную квартиру, она решила не переводить ребёнка в садик дома, а оставить в старом, по месту прописки у матери. Он и лучше, и место в нём выбивать уже не надо. Да и ехать всего минут двадцать.

О близости дома говорил привычный запах канализации. Уставшая девушка с двумя пакетами в одной руке – второй с продуктами из ближайшего супермаркета – и дочерью в другой из вечерней темноты фев-

раля зашла в подъезд. Нужно придумать что-то на ужин и на завтра, а потом можно лечь спать, чтобы встать ни свет ни заря и начать всё сначала.

Рита обладала способностью некоторых матерей-одиночек успевать всё, даже когда не успеваешь ничего, и выглядеть бодрой и энергичной. Она вставала так рано, что могла не спеша накраситься, перед тем как будить Лилу в садик. Потом, если по графику её смена, шла на работу, в салон. Украшала чужие ногти до вечера и сразу за дочерью. В перерывах и в выходные почти всё время съедали домашние дела и подработка. Рита организовывала совместные покупки: принимала заказы, вела соцсети, связывалась с поставщиками и развозила товары по знакомым или отправляла доставкой. Стремительный темп жизни не мог обойтись без уловок, неофициальных договорённостей и маленьких поддерживающих хитростей. А они время от времени приводили к ошибкам, недопониманию и неловким ситуациям. Вчера, например, она отпросилась, чтобы успеть забрать заказ, а сегодня Стёпа, управляющий салоном, завёл разговор:

– После твоего ухода приходила клиентка на маникюр. Пришлось отказать.

– Спасибо, Стёп.

– Пожалуйста. Я понимаю, что тебе тяжело и ты много бегаешь, но... – он замаялся, чтобы подобрать слова, – отпрашиваешься ты слишком часто.

– Извини, Стёп, надо ребёнка из садика забирать, – попыталась увильнуть Рита.

– Нет, Рит. У тебя график составлен так, что ты спокойно можешь забирать дочку после работы. Отпрашиваешься ты, чтобы успеть какие-то другие дела сделать. Ты сама говорила.

Она и правда могла такое сказать, пришлось выкручиваться:

– Да, потому что надо и дела сделать, и ребёнка успеть забрать, а здесь всё равно никого нет.

– Да, – подтвердил управляющий, – обычно никого. Но вот вчера... – он закусил губу. – Может быть, в такие дни... когда у тебя дела... кто-то другой заберёт ребёнка? Родственники. Друзья.

Несколько раз Рита просила Вику, и та не отказывала. И заканчивалось всё благополучно. Только воспитатели косо смотрели, и Лиле не нравилось, так что к помощи подруги Рита решила прибегать в самом крайнем случае.

– Нет, – сказала она с вызовом.

– А может, тебе няню нанять?

– А денег на няню ты мне дашь? – возмутилась девушка. – Я на двух работах по приколу, по-твоему, работаю?

– Да. Я дам тебе денег на няню. Если ты их заработаешь.

– Значит, теперь я мало работаю? Или плохо работаю? Ты хоть одну жалобу на меня можешь вспомнить?

Риторические вопросы летели один за другим, и Стёпа вынужден был отступить:

– Ты не заводишь, я вообще не про то говорю. Я всё понимаю. Я тебя, если что, прикрою, но и ты не наглей. Если хозяин узнает, что мы из-за твоих посторонних дел клиентам отказываем, прилетит всем, и мне в первую очередь. А я не хочу. Так что не злоупотребляй.

Стёпа и раньше выражал недовольство, но тихо, намёками. Рита чувствовала, как он весь немного сжимается, когда она отпрашивается, – наверное, боится. И хотя сейчас она злилась, портить отношения

с управляющим или выставлять себя сумасшедшей мамашей не хотела. Ответила дипломатично:

– Я тебя поняла.

Он ответ принял, и конфликт угас. К счастью, Рита умела вовремя взять себя в руки и не показывать лишних эмоций клиентам.

А вечером им с Лилей снова встретился Сергей.

– Здравствуйте, Лилия, – он картинно поклонился девочке и обратился к её маме. – Здравствуйте, Маргарита.

– Здравствуйте! – обрадовалась Лилия.

Сейчас, без пакета, заевшей молнии и хаоса в голове, Рита смогла его спокойно разглядеть. Правда симпатичный. Высокий, широкоплечий, с густыми светлыми волосами, он стоял перед ними в чёрном пальто, как герой телемелодрамы, слишком хороший для реальной жизни, для тающих и замерзающих луж, для не уступающего весне февраля.

– Я вчера не решился, но сегодня хочу пригласить вас выпить кофе.

– Я не пью кофе, – отрезала девушка. Ей даже в голову не пришло придумать себе парня или другой предлог для отказа.

– Тогда чай.

– Чай тоже не пью.

Она смотрела равнодушными глазами человека, которого давно ничем не удивишь.

– Мама непьющая, – вмешалась Лилия.

Уголки рта Риты слегка поднялись, хотя она старалась сдерживать улыбку.

– А воду вы пьёте? Могу я пригласить вас на стакан воды?

Брови Риты поднялись, лоб наморщился, а голова снисходительно склонилась на бок:

– Правда не до этого. Если я соглашусь, ты потом отстанешь?

– Ну вот, мы уже перешли на «ты». Значит, не всё потеряно.

Девушка не отреагировала. Она ждала ответа на вопрос.

– Если не согласишься – точно не отстану, – Сергей улыбнулся.

– Ладно. У меня завтра выходной, смогу найти пару часов днём, – мысленно она запикивала внезапную встречу куда-то между уборкой и доставкой.

Он предложил за ней заехать, но Рита отказалась. Попросила прислать адрес – сама доберётся.

Кофейня, которую выбрал Сергей, находилась в центре города. Внутри она была просторной и светлой. Гостей встречал аромат кофейных зёрен и свежей выпечки и богатый, но без излишеств, интерьер в белых тонах с резной деревянной мебелью и широкими окнами. Казалось, солнечного света сюда попадает больше, чем в любое другое здание.

Они устроились за аккуратным круглым столиком, и официантка перед каждым положила меню.

– Что будешь? – спросил Сергей, перелистнув первую страницу. Рита к меню не притронулась и сразу ответила:

– Воды.

Сергей заказал ей воды без газа, а себе капучино.

– У тебя красивое имя.

– Правда? А мне не нравится. Какое-то грубое, – и она протянула, делая акцент на согласных, особенно на «р». – Мар-р-ргар-р-рита.

Официантка принесла маленькую бутылку из кристально чистого стекла и открутила крышку. Тонкая струйка холодной воды медленно, вопреки городской суете, наполняла бокал на высокой ножке. Рита

смутилась: она бы предпочла сама налить себе воды. Она попыталась отвлечься и отметила, что Сергею безумно идёт чёрная рубашка. Она встречалась со многими парнями, но никто из них не носил рубашек. Сама Рита к свиданию не готовилась, не наряжалась, только нарядилась, потому что всегда красилась перед выходом на улицу. Пришла в простых синих джинсах, довольно изношенных, и серой кофте под серой же курткой. И теперь гадала, специально ли для неё человек напротив оделся в красивое или тоже всегда так ходит.

– Слушай, – сказала Рита, когда официантка ушла, – ты ведь не просто так меня позвал. Ты хочешь какого-то продолжения, но скажу прямо, я вообще не настроена. Не знаю, чем тебя могла привлечь женщина с ребёнком, но ты понятия не имеешь, во что ввязываешься. Я давно не хожу по клубам, на свидания и не гуляю просто так. У меня всегда куча дел, я встаю в пять утра, работаю маникюршей в салоне красоты и занимаюсь совместными покупками – это забирает всё время, а денег всё равно мало. Я живу на съёмной квартире и уже два раза в этом месяце просила хозяйку подождать с оплатой. Каким-то чудом я до сих пор не залезла в микрозайм, но уже близко к этому. Я постоянно занята, а если выпадает свободный час, стараюсь провести его с дочерью. И я не хочу ничьей помощи. Мне не нужен ни спонсор, ни рыцарь, ни развлечение на ночь, ни взрослый сын. В моей жизни для тебя не будет места. А если ты решил, что я эскортница или типа того, или что одинокие молодые мамашки дают всем подряд за стакан воды, то лучше я прямо сейчас уйду.

Закончив, она в несколько глотков наполовину осушила бокал – вода показалась очень вкусной. Сергей смотрел на неё и улыбался:

– Ты просто красивая. Ага. Решил узнать тебя получше. И долго уговаривать тебя не пришлось. И сейчас я много про тебя узнал, например, что у тебя никого нет.

Рита усмехнулась.

– Но ты не переживай, – продолжил он, – может быть, ты мне не понравилась.

– Очень на это надеюсь, – выдохнула она, хотя фраза кольнула: она не привыкла не нравиться.

– И время ты нашла сразу.

– Нашла, потому что знаю, как бывает. У меня подружку один неадекват почти год преследовал. Если ты какой-нибудь маньяк, лучше узнать об этом сразу и принять меры. А если нормальный – сразу сказать нет, чтобы понятно было, а то на улице некоторые не понимают.

– А я похож на маньяка?

– Не знаю. Тот тоже не был похож. Кто вообще похож на маньяка? Но у детского садика ты почему-то крутишься, это стрёмно.

Она откинулась на спинку стула и наблюдала за его реакцией. Сергей выглядел озадаченным, но продолжал улыбаться. В сумочке Риты голос Эми Уайнхаус затянул хит *You know I'm no good*. Звонила Вика.

– Да, Викуль, привет... Какой?... Кошмар... Значит надо возврат делать. Ты собери там у своих, я заеду. Завтра сможешь?... Сегодня сможешь?! Тогда вечером с Лилей зайдём... Спасибо, Вик, я наберу.

Рита положила трубку и снова обратилась к Сергею:

– Ну вот, во вчерашней партии брак – несколько джемперов пришли с разными рукавами, теперь возвратом заниматься. Как они вообще могли сделать одежду с разными рукавами? Они слепые?

Девушка расстроилась и захотела поскорее уйти. Пока Сергей прикладывал к терминалу карту, она заглянула в счёт и не смогла сдержаться:

– Пятьсот рублей за бутылку воды?! Её сегодня с гор привезли?!

Официантка пожелала хорошего дня, не показав смущения. Рите стало неловко второй раз за встречу: меньше всего она хотела чувствовать себя обязанной какому-то незнакомому мужику.

Эми запела снова, когда Рита с Сергеем выходили из кофейни. Девушка ожидала опять услышать Викин голос и не глядя взяла трубку, но тут же замерла.

– Проблемы? – Сергей тоже остановился.

– Звонили из детского сада. Говорят, у Лили болит живот, просят забрать.

– Садись, подвезу, – сказал он и пискнул сигнализацией.

Рита не разбиралась в машинах, но по четырём колечкам на бампере определила «Ауди». Никто из её знакомых не ездил на «Ауди». Сев на переднее пассажирское сиденье, она первым делом набрала Вике, а потом обзвонила всех, с кем назначила встречи на вечер. Потом положила телефон в сумочку и молча, в сильном напряжении, уставилась вперёд, нервно покусывая палец. Сергей на несколько секунд перевёл взгляд на девушку и одновременно продолжал следить за дорогой. Пытаясь поддержать, он спросил:

– Она никогда раньше не болела?

– Болела, конечно. И простуды, и вирусы, и тошнота бывала. Но я всегда боюсь, думаю: а вдруг что серьёзное? Лучше переволноваться, чем недоглядеть, мне так спокойнее.

– Спокойнее, если волноваться, – повторил Сергей, и остаток пути они проехали в молчании.

Лиля выглядела плохо. Бледная, вялая, хнычущая. Причин болезни воспитательница не знала и даже предположить отказывалась: может, отравилась, а может, нет, ничего особенного не ела, вела себя как обычно. Рита вместе с дочерью залезла на заднее сиденье.

– Какой адрес? – спросил Сергей. Он предложил подвезти их домой и ждал в машине. Рита собиралась отказаться и поехать на автобусе или вызвать такси, но не смогла.

– Я покажу. Прямо.

Он пожал плечами и поехал прямо.

Почти сразу Лилю вырвало. К счастью, Рита заранее достала из сумочки целлофановый пакет и спасла сиденья. Когда девочку затошнило второй раз, мужчина не выдержал:

– Давайте-ка лучше в больницу, – сказал он и вывернул руль влево, к ближайшему медицинскому центру. Рита спорить не стала.

Всю дорогу она гладила девочку по голове и говорила мягко и ласково, скорее успокаивала, чем отчитывала:

– Плохо тебе, котёнок. Это потому что ты всякую гадость в рот суёшь и грязные пальцы облизываешь, глупенькая.

В больнице Рита повторила доктору слова воспитательницы: не знаю, не видели, ничего особенного. Во время процедур она постоянно отвлекалась на безжизненный свет больших ламп, таких ярких, что после короткого взгляда на них в глазах рябило. Никаких очередей в коридоре она не заметила – казалось, врачей в клинике больше, чем пациентов.

После осмотра и всех манипуляций доктор сел за компьютер и всё рассказал Рите, уже успокоившейся:

– Я вам сейчас распечатаю рекомендации, посмотрите, всё ли понятно. Волноваться не стоит, ничего страшного. Похоже на обычное отравление. Мы сделали промывание желудка и восстановили водный баланс. Результаты анализа крови, когда будут готовы, вам пришлют по электронной почте, не думаю, что там что-то есть, но проверить надо. Госпитализация не нужна, в случае чего медсестра вам позвонит, или сами звоните. Переживать, повторю, не стоит: пара дней постельного режима, и пейте больше воды, ну, это всё в рекомендациях у вас будет. Выздоровливайте.

Когда Рита хотела узнать, сколько с неё, девушка из регистратуры ответила:

– Ваш муж уже всё оплатил.

Сергей ждал в машине. Он отвёз Риту и Лилию домой, обменялся телефонами и сразу уехал, сославшись на рабочие дела. Оказавшись в квартире и уложив дочку в кровать, Рита почувствовала облегчение. Она была благодарна Сергею за помощь и ещё больше благодарна за то, что он не напрашивался в гости.

Следующие три дня она провела дома. Пришлось, конечно, звонить в салон и объясняться со Стёпой, просить перенести клиентов. Больничный не оплачивался, поскольку официально Риту не оформляли. Все силы в эти дни она бросила на организацию закупок и возврат джемперов. Вика помогала по мере возможностей, даже сама привезла бракованный товар. Рите предстояло связаться с поставщиком и договориться о возврате, а это те ещё догонялки с элементами прятков, так что на три дня курорта, которые, наверное, представлял себе Стёпа, она не рассчитывала.

Один раз звонил Сергей. Спрашивал о самочувствии Лили и предлагал как-нибудь опять встретиться после выздоровления. Рита не отказалась, но ответила уклончиво.

Она действительно была красивая, Рита, и хорошо это знала. Десять лет назад, в школе, все популярные парни старались в любой компании оказаться к ней поближе и привлечь внимание, а непопулярные неотрывно сверлили глазами издали. Первые серьёзные, как она считала, отношения случились в шестнадцать и продлились полгода. За ними последовали вторые и третьи. То же в университете. На счету Риты не одно разбитое юношеское сердце. Она и до сих пор оставалась красивой и молодой – ей всего двадцать семь. И губы, как и раньше, красила своей любимой красной помадой. Никакие старые джинсы и никакой груз проблем не могли скрыть естественного и очевидного. Простая одежда, наоборот, подчёркивала стройную фигуру, а напряжённый взгляд, быстрый шаг и ребёнок рядом, хотя и отталкивали желающих познакомиться, не избавляли девушку от мужских взглядов. Впрочем, до взглядов ей дела не было.

Лилия быстро поправилась. На второй день она активно донимала маму вопросами, а на третий бегала так весело, будто кого-то другого совсем недавно выворачивало наизнанку. Вскоре она снова пошла в садик, а Рита вернулась на работу.

Наступила весна. Светлых вечеров становилось больше, в парках запахло свежестью и запели вернувшиеся птицы. Таяли остатки снега, возле тротуаров появлялись зелёные островки, а люди переодевались из тёплых курток в лёгкую и свободную одежду. Жизнь Риты вернулась в прежнюю колею. Происходило много, но ничего не запоминалось, да и не хотелось запоминать. Знакомые маршруты, тяжёлые

пакеты, нехватка времени. Разве что залиvistый смех дочери напоминал о важном: Рита бегала и крутилась, чтобы слышать этот смех как можно чаще. Так они прожили почти весь март, пока не случилось одно нервное неприятное событие.

В один из редких вечеров, когда Рита могла позволить себе расслабиться, позвонил Стёпа:

– Рит, привет, выручай, надо срочно выйти к одному клиенту.

– Когда?

– Через час.

Рита не возражала выйти в чужую смену, подменить, выручить, но через час – невозможно. Она зависла, перебирая в голове варианты отказа, а Стёпа тем временем продолжал:

– Марина сегодня сломала ногу, пришлось всех отменить. Но про одну клиентку забыли. Её в журнал не записали, а это жена хозяйна, между прочим, она раз в месяц приходит вечером на маникюр и педикюр.

– Мне ребёнка оставить не с кем, – честно призналась Рита.

– Понимаю. Попроси, пожалуйста, кого-нибудь из знакомых. Я тебе няню оплачу и такси оплачу, только, пожалуйста, приезжай.

– Где я тебе няню за пять минут найду? Вы почему раньше не сказали?

– Раньше мы не знали. Повторяю тебе, записи не было, Марина забыла, я не уследил. Признаю, это и мой косяк тоже, ответственности с себя не снимаю. В салоне сегодня весь день бардак, все закрутились и запутались, человеческий фактор. Тебе обязательно нужна причина? Так уж получилось.

Нервный, высокий, срывающийся на истерику, голос управляющего Риту раздражал. Ей хотелось отхлестать его по щекам. Она сама впадала в тревогу и с трудом удерживалась, чтобы не закричать в ответ и не утонуть в панике.

– А её нельзя отменить?

– Если бы было можно, я бы уже отменил. Ты не представляешь, сколько крика будет, если я позвоню ей за час до записи.

– Что у неё из процедур?

– Всё!

– Это же часа на три, и ехать ещё туда и обратно. Я не оставлю пятилетнего ребёнка одного на пять часов!

– На четыре часа, тебе на такси недолго ехать, пробок нет. Рита, мы попусту теряем время.

– Очень жаль, но я не смогу, – отрезала Рита, хотя подумывала позвонить Вике и попросить приехать.

– Что значит «жаль»? Рита, ты не понимаешь серьёзности ситуации.

В голосе Стёпы послышался гнев, он начал давить. Рите это не понравилось:

– Что мне, ребёнка тебе привезти?

– Даже не вздумай! – ужаснулся управляющий. – Эта... «уважаемая женщина» терпеть не может чужих детей, чёрт бы её побрал.

Рита вышла из себя:

– Стёпа, знаешь что, это не моя проблема. Сами с ней разбирайтесь.

– Вот так ты значит заговорила, Рита, да? Ты, кажется, забыла, сколько раз я тебя прикрывал. Не твоя проблема, значит. Тогда я сделаю её твоей. Если ты сейчас же не приедешь, больше ты ни на одну минуту пораньше не отпросишься. И работать здесь ты тоже больше

не сможешь. И ещё я устрою так, что ни в один салон в городе тебя не возьмут, у меня в этой сфере знакомых много. Хорошо поняла? Выкручивайся как хочешь! В камеру хранения ребёнка своего сдай. Всё, у нас нет времени на скандалы, у тебя осталось пятьдесят минут. Давай бегом! Жду!

С этими словами он положил трубку. Рита хотела послать его куда подальше и просто не приезжать, но пальцы сами, дрожа от негодования, искали в телефоне номер Вики. Её переполняла злоба.

– Я тебе устрою, угрожалщик хренов. Я сама у тебя работать не буду после этого. Алло, Викуль, привет, можешь говорить?.. Где? На дне рождения?.. Нет, ничего, развлекайся, я потом расскажу.

Рита судорожно пролистывала список контактов и бормотала себе под нос:

– Я тебя самого в камеру хранения сдам, ушлёпок.

Она набрала ещё пару номеров, но безуспешно. Когда дошла до буквы «м», сердце сжалось: ничего не поделаешь – придётся звонить маме. Гудки тянулись бесконечно, пока девушке не ответил стальной женский голос.

– Алло, мам, привет, мне нужна твоя помощь... Мне тоже не нравится... Нет, я не приползла, когда стало трудно. Мне нужно, чтобы ты один вечер посидела с Лилей... Да, с моей дочерью... Нет, я не должна была делать аборт и не хочу это обсуждать ни сейчас, ни потом... Знаешь что, мам, я зря позвонила, сама справлюсь, до свидания.

Рита прокручивала список дальше и всё сильнее впадала в отчаяние. Она дошла до С, и палец остановился на строчке «Сергей вода». Пролетела дальше, но никого не найдя, вернулась. Позвонила.

Сергей не задавал вопросов и обещал приехать через пятнадцать минут. Рита облегчённо выдохнула, прикрыв глаза, а когда открыла, увидела Лилю. Та стояла рядом и пристально смотрела на маму испуганными глазами.

– Мам, тебя что, едят изнутри?

– Нет, котёнок, меня снаружи едят. Посидишь немного с дядей Серёжей? – Рита сказала с вопросительной интонацией, хотя ответа от маленького ребёнка не предполагалось.

Он приехал как обещал, минута в минуту. Девушка уже оделась и наспех нарядилась.

– Огромное спасибо, – сказала она, – это максимум часа на четыре.

– Нет проблем. Может, тебя подвезти?

– Я уже вызвала такси.

– Здравствуйте, Серёжа. Очень приятно, – с порога захихикала Лилия. Вскоре телефон пропиликал: водитель на месте.

Осознание накрыло Риту спустя два часа, когда она держала в руках самую уродливую женскую ногу в своей жизни: зря она приехала. Зря оставила маленького ребёнка с незнакомым человеком. С человеком, которого она, Рита, видела всего два раза и о котором совсем ничего не знает. От мысли стало страшно. Нужно было плюнуть на всё и никуда не ехать. Работу можно найти, деньги можно достать, а если что-то случится с Лилей, она себе не простит.

Страх не помешал девушке отработать профессионально – клиентка осталась довольна. Выслушивая Стёпины объяснения Рита не собиралась, сразу выбежала из салона и прыгнула в такси. Ей представлялось, что сейчас она приедет домой, а там никого нет. Что непонятно откуда взявшийся Сергей не просто так крутился у детского сада. От волнения

она обкусывала кожу на большом пальце, красном то ли от помады, то ли от крови. Никогда она так не радовалась запаху канализации.

Рита повернула в замке ключ, открыла и приготовилась к худшему. Но едва она переступила порог, навстречу выбежала дочь с радостным криком «Мама вернулась!». Следом показался Сергей.

– Как вы без меня?

– Хор-рошо-о! А я тебя нарисовала! – Лилия убежала обратно в комнату.

Рита потерянным взглядом посмотрела на мужчину, тот улыбался.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Нет, – неуверенно ответила она, не до конца осознавая короткое слово.

Лиля снова прибежала к маме, размахивая листом бумаги.

– Очень похоже, – сказала Рита. – Только почему я зелёная?

– Не знаю, – ответила Лиля.

– Художник так видит, – добавил Сергей.

Рита моментально преобразилась. Она успокоилась, к ней вернулась былая энергичность.

– А художник на часы смотрел? Он спать не хочет ещё?

– Не хочет! – ответила дочь, хотя выглядела уставшей.

Уже через полчаса Лиля мирно сопела в кровати, а Рита усадила Сергея в кухне за стол.

– Воды с альпийских гор у меня, конечно, нет. Зато есть растворимый кофе.

– Я совсем не богат, если ты так думаешь. Просто иногда могу себе позволить ресторан, хорошую кофейню или больницу для матери с ребёнком. И я не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной. Ни в каком смысле.

– Ещё раз большое спасибо.

– Не стоит. Мне несложно, правда. Я вообще-то собирался позвонить, но не хотел выглядеть маньяком.

– А чем ты занимаешься? – Рита не упустила возможности хоть немного узнать о Сергее.

– Недвижимостью. Продаю, покупаю, инвестирую в строительство.

Вскипел чайник. Рита поставила на стол две чашки кофе и достала из шкафчика печенье.

Поэзия

Андрей ИВОНИН

Родился в 1959 году в Москве. С 1984 года работает в театральной сфере. Член Союза театральных деятелей России.

Автор шести сборников стихов. Публиковался в литературных журналах и альманахах «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Сура», «Бийский вестник», «Истоки» и других. Лауреат Национальной литературной премии «Поэт года» (2016). Живет в Москве.

НЕБЕСНЫЙ ПОРТНОЙ

* * *

Услышать сквозь щемящий ветра свист,
как падает на землю жёлтый лист,
как дождь стучит по клавишам негромким
древесных крон, и музыка дождя,
соединив в себе все эти до и ля,
звучит в ветвях отзывчивых и ломких.

Увидеть, сидя в комнатном тепле,
как оставляет влага на стекле
прикрытого окна следы отметин
небесных струй, скользящих под углом;
как зыбкий мир за стынувшим стеклом
уже почти невидим, незаметен.

Почувствовать внезапно, что и ты —
посильный отзвук этой темноты.

Пешеход

Гуляю по земле,
смотрю на птиц полёт,
как облако плывёт
в небесной сини.
Я в этом сентябре
случайный пешеход,
плутающий,
как Моисей в пустыне.

Среди других дорог
куда ведёт моя?

Живу, как все живут, –
грешу и каюсь.
Но чьи-то голоса
звучат во мне, и я
вплести свой голос
в общий хор пытаюсь.

* * *

Когда, открыв глаза, проснёшься ночью,
поднимешься и, не включая свет,
всем существом вдруг ощутишь воочию,
что прошлого и будущего нет.

А есть лишь краткий миг, что мягче воска,
чуть зримый штрих, полутеней игра,
стежок тончайший, узкая полоска,
граница между завтра и вчера.

И станет легче. Скрипнет половица.
Забрезжит утро, будто в первый раз.
И что должно, конечно же, случится.
Немедленно, сегодня и сейчас.

И, внутренне прозрев, за мысли эти
держась как за спасительную нить,
стряхнёшь с себя тяжёлый груз столетий,
отпустишь боль и вновь захочешь жить.

* * *

Жизнь проходит, значит, так и надо:
Было-сплыло, поросло бельём.
Тянет в окна раннею прохладой,
пахнет утро стиранным бельём.

Новый день встаёт неторопливо.
Стынет в бочке тёмная вода.
Ветер бродит в зарослях крапивы.
Суется утки у пруда.

Плеск воды и, как напоминанье
о былом, колеблемый, сквозной,
солнца луч на отмели, купанье
и дорога долгая домой.

Простые вещи

Простые вещи: стол,
трёхногий табурет.
В сковороде скворчит,
томясь, картошка с луком.

Газета на столе,
окно и тусклый свет
над нежилой землёй,
над озером и лугом.

А там, где горизонт,
за лесополосой —
заброшенный погост,
железная ограда.
И в голове звенит
назойливой осой,
что больше ничего
от вечности не надо.

* * *

Густое утро пробую на вкус,
на звук и цвет, на ошупь и на запах.
Морозный воздух пахнет как арбуз.
И будущность стоит на задних лапах
передо мной и жарким языком
ладони лижет с радостью собачьей.
Мне слёзы застыт свет, и в горле ком.
Но день пока не начался, а значит —
всё впереди ещё: и Божья благодать,
и горний путь, и этот мир пред нами,
что можно без конца перебирать
глазами, сердцем, пальцами, губами.

Небесный Портной

Ища в прогулках зыбкую опору,
меж листопадных всполохов огня,
иду на свет, мне эта осень впору,
как бы нарочно сшита на меня.

Плутаю в складках легковесной взвеси
тумана, неприветного на вид.
Его фасон знакомый мне не тесен,
нигде не жмёт, не давит, не сборит.

И свой маршрут возобновляя снова,
продолжив путешествие моё,
благодарю Небесного Портного
за это безыскусное шитьё.

Вячеслав КАРТАШОВ

Родился в 1969 году в г. Балахне Горьковской области. Окончил с отличием Нижегородский областной колледж культуры. Художник-оформитель.

Член Союза писателей России. Лауреат ряда литературных фестивалей и премий. Автор семи сборников стихов. Живет в Нижнем Новгороде.

СЛОВНО ВЕЧНОСТЬ ГЛЯДИТ ИСПОДЛОБЬЯ...

* * *

Мутное утро
в долины стекает с небес,
стелется мелкопузырчатой пеной тумана.
Сладко в груди оттого,
что мне холодно здесь.
Жарко в душе.
И от этого больно и странно.

Искренне видеть
и не умиляясь любить.
Много ли счастья в пустом созерцании чуда?
Чувствовать кожей,
как солнце выходит в зенит.
Вечной дорогой пройти в никуда ниоткуда.

...Мутное утро росой растеклось по траве.
Небо светлеет,
из серого сделавшись синим.
Кто-то слегка прикоснулся к моей голове.
Я оглянулся
и понял,
что это —
Россия.

* * *

Синий вечер на Волгу упал,
по воде распластавшись кругами.
Солнце-воин в густой краснотал
опускает багровое знамя.
Тишиною контужен простор,
словно Вечность глядит исподлобья
на раскрытый небесный шатер,
распростертый над Миром Любовью.

* * *

Боль и потери
с неба прольются дождем.
В мире лишь люди
жизнь измеряют болью.
Каждый, кто верит, –
Верою вознаграждён.
Каждый, кто любит, –
вознагражден Любовью.

Память

Щурясь солнцу черничной улыбкой молочных зубов,
Далеко позади за спиной быстротечное детство...
Я немного прошёл – пятьдесят предпоследних шагов,
Есть и мир, и любовь, но куда мне от памяти деться?

Кружит голову аттракцион под названием «жизнь».
Круг за кругом, меняясь, мелькают знакомые лица.
Это вечный закон: стрелки времени будут кружить,
Если сердцу однажды захочется остановиться.

И останется память как минимум в крови сынов.
А как максимум – слово. И это, поверьте, немало.
Мне на проводах ветер мажорный аккорд проводóв
Отыграет, как будто бы это – лишь только начало.

Предзимье

Желтыми дождями омыв,
осень за окном замерла,
чувствуя дыхание зимы,
хладные простёрла крыла.

В зеркале темнеющих вод
порист, неподвижен и сер,
мраморной скалой небосвод
на остывший берег присел.

Не поймать в пригоршни тепла.
Чувств осенних не объяснить:
коль в груди тоска замерла –
значит, просто хочется жить.

* * *

Мнится,
что усталости оковы
не порвать ничем и никогда.
Кажется,
что не подняться снова,

только...
поднимаюсь, как всегда.
И вперед.
В пучину дел и буден.
В жернова забот и суеты.
Пусть сомненья есть,
что отдых будет
или миг, чтоб дух перевести.
Но не в отдыхе огульном радость.
В праздности ли к счастью верный путь?
Жизнь дана,
чтоб чувствовать усталость.
После смерти сможем отдохнуть.

* * *

Ровняет жизнь полутона и маски,
ровняет мыслей-чувств нестройный рой,
из дней цветастых
вымывая краски
немой остуды
талою водой.

Извечной суеты вопрос «что дальше?»
не позволяет бег остановить,
меняя лица,
роли,
персонажи
и путая судьбы
тугую нить...

...Соль жизни
растворив наполовину,
за шагом шаг
по прошлому скользя,
в некошенном лугу,
упав на спину,
я с Богом говорю,
смежив глаза.

Вита ПШЕНИЧНАЯ

Родилась в 1969 году во Владивостоке. Окончила Псковское культурно-просветительское училище и исторический факультет Псковского государственного педагогического института им. С.М. Кирова. Работает в областной библиотеке для детей и юношества им. В.А. Каверина.

Автор нескольких поэтических сборников и одной книги прозы. Печаталась в журналах «Наш современник», «Нижегород», «Север», «День и ночь», «Волга – XXI век», в газетах «Литературная Россия», «День литературы» и других российских и зарубежных изданиях.

Лауреат и финалист ряда международных литературных конкурсов (Германия, Австрия, Польша). Дипломант Международного литературного фестиваля «Золотой Витязь» (2020). Координатор Международного фестиваля исторической поэзии «Словенское поле».

Член Союза писателей России. Живёт в Пскове.

НА ЖИЗНИ ЕСТЬ СВОЯ, ОСОБАЯ ПЕЧАТЬ...

* * *

Димке

Некуда спешить, некуда – ни туда, ни сюда,
Годы – что? – то капают, то текут, как вода.
Не устроен быт, и никто дома у окна не ждёт,
Тишина по ночам, словно тать, сны крадёт.
Значит, самое время всё вокруг поменять –
Пойти воевать.

Там, за ленточкой, неважно – русский ли, татарин, чуваш –
По-любому – свой, родной, наш.
Там, за ленточкой, всё понятно: вот – друг, вот – враг,
Левый фланг, правый фланг да России флаг –
Вон как развевается на ветру...
«Господи, неужели я тут умру?
И алой гвоздикой в гриву рассвета будет вдето
Это моё сорок восьмое лето?..
Неужели уже в июне, под Херсоном, в бою
Встречу смерть свою?..»

Тишина...Резко вздрогнув, покачнулась ель...
«Господи, неужель?..»

.....

Говорят: да, он погиб как герой,
Говорят: да, он был за ребят – горой,
Там же вам не здесь.
Но молчит погодка-сестра, и молчит мать,
Не понимая, как в сердце принять
Горькую весть.

Отпоёт кукушка, яблонька бело-розовым отцветёт,
Принесут пчёлы самый полезный мёд,
Трижды отлетит Спас.

Под колокольчиковый детский смех
Мы будем ждать бабье лето, дождь, первый снег. . .
Словно в первый раз.

И глядя на снимки – боже, сколько им лет! –
Вспоминать тех, кого больше нет.
Кто припал к прядке румяного рассвета
Две тысячи двадцать четвёртого лета.
Вспоминать и слушать, как нащёптывает
Всем павшим воинам, вторя ветру, лес:
– Царство небес!..

* * *

*Девочке, сыгравшей Лауру
в спектакле «Голубая роза»*

Я расскажу тебе про Единорога,
Вернее, про маленького Единорожку,
Он и места-то занимает совсем немного,
Вполне помещаясь в детскую ладошку.

Он просыпается рано, хотя мог бы и позже,
Глазами ангела смотрит на тебя, спящую -
На твое лицо, на рыжие волосы, на белую кожу...
Уповая и любуясь на всю тебя – настоящую.

И промчится день, улыбаясь вчерашнему, будто давнишнему,
Растворяясь к полуночи в яркой звездной крошке...
Прошепчи: «спаси-Бо», Мария-Лаура, и Ему – Вышнему,
И, конечно же, – маленькому Единорожке.

Чуть растреплет Ветер солнечные твои прядки,
Поцелует нежно бледные твои запястья...
Да нашепчет на много лет вперед Святки*
Тебе – на Счастье.

* * *

Я стерегу твой сон, мой маленький внучок,
Смотрю, как одуван плывёт по небу пухом,
Как сеть свою плетёт трудяга-паучок...
И становлюсь сама и зрением, и слухом.

На жизни есть своя, особая печать,
Её ты отличишь из множества отметин,
Но часто не понять – то ль плакать, то ль молчать
О том, что одинок, что грешен, слаб и смертен.

У августа глаза – колодезная глубь,
В нём горе горевать, наверное, некстати.
И ветер невзначай смахнёт слезинку с губ,
Покуда сладко спит мой маленький Создатель.

* * *

Отшумело, отшаманило грозой в окна,
Ошарашенно озираются в парке клёны да тополя.
Кажется, вся Вселенная насквозь промокла,
И бредёт, шлёпая по лужам, девчонка-Земля.
Улыбаясь, наклоняет голову то в одну сторону,
То в другую... Каплями-веснушками дразня,
И невдомёк двадцать первому веку-ворону,
Что она чем-то похожа на маленькую меня.
Это я улыбаюсь, это я неуклюже падаю,
Засмотревшись то на растрепанную траву, то на ясную высь,
Это я день уходящий закату сватаю,
С именем жизни, потому что я и есть жизнь.

.....

А теперь мне молчать, про себя повторять заученно:
«Слава Богу за всё – и того, и сего поровну,
Вон, как небо опять заволокло тучами...»

И глаза опускать.
И отходить.
В сторону.

На Тихом озере

Прими, как Божью благодать
И этот лист, к ногам упавший,
И озера стальную гладь,
И день, мгновеньем чьим-то ставший.

Чтоб, жизнь ничуть не торопя,
На мелкую распавшись крошку,
Звезда упала бы в ладошку,
Благословляя и любя.

2 ноября

Опять дожди заморосили,
И помрачнели небеса –
Моей земли, моей России
Невыразимая краса
Поблекла, выдохлась, опала,
Была ли? Да – была, была!
И средь октябрьского бала
Я помню, как она цвела!

Какие яркие обновы
Она бросала в ноги нам!
Просился в руки лист кленовый,
Рябина ластилась к губам...
А нынче – сумрачно и тихо,
Что ночь – мрачна, что день – не в масть,
И бродит по проулкам Лихо,
И сердцем не к кому припасть.

.....

Опять ветра заголосили...
Но чем тревожней, тем светлей,
Мне думается о России,
О тихой Родине моей.

* * *

Памяти папы

За полночь. Крадутся тени, тени
вдоль упавшей в темноту стены,
чередой неведомых растений,
суею неведомой страны.
Время смыслов, я тебя отныне
и приемлю, и благодарю,
всё живое или спит, иль стынет,
ожидая первую зарю.
Над землёй парит простор небесный –
всепрощающ, строг и молчалив.
И старик, узрев в нём смерти бездну,
так спокоен, так несуетлив
остаётся

до конца, до срока,
что уже вот-вот над ним пробьёт,
и из недр эфирного потока
солнце ошалевшее взойдёт.
И лучины яркие раскинет,
щекоча, задоря и смеша...
И под ними в Безмятежность сгинет,
на свободу вырвавшись, душа.

Николай ПИДЛАСКО

Родился в 1956 году в селе Кирнасовке Тульчинского района Винницкой области. Окончил Киевский инженерно-строительный институт. Служил в ВС СССР и России, подполковник в отставке. Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Аргатак», «Север», «Великоросс» и многих других изданиях.

Автор десяти поэтических книг. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий имени А.А. Прокофьева «Ладога» (2018) и А.А. Фета (2023). Дипломант Всероссийской литературной премии им. А.К. Толстого (2023).

Живет в г. Колпине, Санкт-Петербург.

ВСЯ РОССИЯ У НАС НА ВИДУ...

Ещё...

Ещё хлеба волной гривастой
Шумят в бескрайности полей.
Ещё серпасто-молоткастый
На флаге герб страны моей,

Ещё ни бедных, ни богатых,
В почёте труд и человек.
И брат горой стоит за брата.
Казалось, будет так вовек.

Ещё ни смуты, ни чужбины,
Ни злобы нет... И нет границ.
И не в руинах Украина
От русофобских небылиц...

Но школьник я ещё покуда,
Душе неведома тоска.
Скажи мне – СССР не будет,
Я покрутил бы у виска...

У воинского обелиска

Тишина тополей. Обелиск. Старый дот.
Глянешь – дрогнут нечаянно веки...
Эх, солдаты-соколики! Нет, не придёт
Старость к вам.
Опоздала навеки...

* * *

Висит шинель на частоколе,
Над степью утренней – луна.
Муж-фронтовик хлопочет в поле,
В землянке – хлеб печёт жена.

В степи разруха, горе, лихо.
В душе – боёв дымит зола.
И где-то льётся тихо-тихо:
«Я всю войну тебя ждала».

* * *

Я помню старика-соседа –
Его изранила война.
Он на крылечке в День Победы
Литровку выпивал вина.

И не пьянел. Шульженко слушал.
Пиджак – в сиянье орденов.
Всё песню напевал «Катюша»,
Погибших поминал сынов.

Жена, не зная утешенья,
В платок рыдала у стены.
И пело радио в селенье
«Хотят ли русские войны?..»

Поминальное

Вы, собратья, простите меня,
Что я пулей в бою не сражён,
Что в степи вас теперь хороня,
Вижу ваших рыдающих жён.

Вас, родимых, оплачут они,
В храмах свечи поставят святым.
Было так на Руси искони:
Дело павших – продолжить живым!

Не хочу говорить про войну.
Но любовь – это мира броня...
По традиции всех помяну.
Что я жив, вы простите меня...

Бабушка Валеда

В доме тюль – от потолка.
Половицы... Скрипы...
Стойкий запах молока
И медовой липы.

На окне вазон резной.
Свечи на божнице.
За окном простор родной
Рожью золотится.

Все сыночки на войне
Без вести пропали.
Их портреты на стене.
В тумбочке – медали...

А годам потерян счёт
Бабушки Валеды.
И живёт, живёт, живёт,
Пережив все беды...

* * *

Внуку Даниилу

Не вернуть долгих прожитых лет?
В даль какую – ушли – неземную?
Пламенеет в саду бересклет,
Зеленеют пушистые туи.

В полудрёме осенней река.
Над селом виден месяц растущий.
А внучок строит дом из песка –
Нашей жизни бессмертную сущность.

Птаха

Где сливаются небо и поле –
Купол церкви. Иду не спеша.
Растревожилась, плачет на воле
Позабывшая волю душа.

Ветерок продувает рубаху,
Тихо рожь колыхнёт невзначай.
Хоть я здесь и пролётная птаха,
Но не в силах забыть милый край.

И душа, отдышавшись на воле,
В даль спешит, где церквушка в селе...
Не узнав ни страданий, ни боли,
Не найдёшь благодать на земле.

* * *

Её я встретил у дубровы
Весной, на утренней заре.
Девчонка шла и сок кленовый
Несла в берёзовом ведре.

Чуть повела пшеничной бровью,
Смахнула прядь волос с чела.
«Попей, товарищ, на здоровье!» –
Ведёрце сока подала.

Хороший сок! Спасибо, солнце!
Она в ответ мне: «Будь здоров!»
Не знали мы, что в том ведёрце
На дне запрятана любовь.

* * *

Приднепровские... волжские кручи...
Вся Россия у нас на виду:
Сплошь поля, широки и могучи,
И душа с каждой травкой в ладу.

Нам для жизни распахнуты двери,
Русь – надёжное в мире жильё.
Только ей, только Родине верю,
Небесам и просторам её.

* * *

Горизонт берестою туманится
Над распаханной ширью полей.
В ранних сумерках с кликами тянется
Клин летящих на юг журавлей.

Да, пора им – октябрь, это грустно.
Сизой мглой повит окоём...
Мне бы так над рябиновой Русью
Пролететь, протрубив о своём!..

Татьяна ТУНГУСОВА

Родилась в 1947 году в городе Яранске Кировской области. Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета. Работала журналистом в районной прессе, прошла путь от корреспондента до заместителя главного редактора газеты.

Автор поэтических сборников, многочисленных публикаций в периодике. Член Союза писателей России. Живет в городе Советске Кировской области.

ЗАНЕСЛА МЕНЯ НЕЛЕГКАЯ...

В лесу

Чем дальше в лес, тем глубже снег,
 Длиннее тени.
 Здесь время замедляет бег
 И нет смятенья.
 Здесь, в заповедной тишине,
 Где солнце редко,
 Становится понятным мне
 Шептанье веток.
 Следами зайцев и лисиц
 Весь снег исчерчен,
 И стайка бойкая синиц
 Скользнет навстречу.
 Непроходимы чащи там,
 Светлы поляны.
 Не воздух летом, а дурман,
 Густой и пряный.
 Там сердце леса и душа
 Понятней, ближе.
 Замри на миг, едва дыша –
 Ты их услышишь.

Кайская ворона

А я – ворона кайская* –
 Совсем не птица райская.
 И семицветной радуги
 На крыльях мне не надобно.
 Я тенью перелетною
 Мелькаю над болотами.

* Кайское болото находится на северо-востоке Кировской области. *Кайская ворона* – местное прозвище неряшливой, нерасторопной женщины.

Я серая, я местная
Владычица окрестная.
Кикиморы да лешие –
Вот население здешнее.
Скучают под осинами –
Завлечь кого в трясины бы...

Пойдет народ за клюквою,
Водичей ржавой хлюпает:
С ведерками, с корзинами
Да в сапогах резиновых.
Подкравшись, каркну в ухо я
Девиче ли, старухе ли –
Просыпаны все ягоды,
А мне того и надобно!
Присядут бабы полдничать –
Ну как же тут не сподличать?
Стащу краюху хлебную
И славно пообедаю.

Я вроде бы не вредная,
Страстей людских не ведаю.
Дразню собак охотничьих –
Пусть лают, если хочется.
За что ж ворону серую
В народе кличут стервою?

Баба-яга

Я Баба-яга. Я из чащи лесной.
Здесь лось одинокий гуляет без пары.
Избушка моя под высокой сосной,
Такой же, как я, кривобокой и старой.

На свете я тысячу лет прожила,
А может, и более – кто же проверит?
Не ведаю я про людские дела
И верю не людям, а птице и зверю.

Я каждое утро купаюсь в росе,
Кажусь себе в зеркале юной и нежной.
Пускай подивится девичьей красе
Царевич Иван на коне белоснежном.

Но гостем незванным примчится Кощей.
Он худ, как доска, но хитер и коварен.
Усядется в угол, потребует щей
И будет ворчать, что обед недоварен.

Туман по низинам ползет, словно тать.
Иллюзии тщетны, надежды напрасны.
А Баба-яга (лучше б это не знать)
Когда-то звалась Василисой Прекрасной.

Кикимора болотная

Что-то скрипнет, хрустнет что-то,
Охнет – аж душа замрёт.
Не ходите на болото –
Там кикимора живет.
Зёлены лицо и волос,
Вредность плещет через край.
Как её заслышишь голос,
Убегай и не зевай.
А не то за ней в трясину,
Зачарованный, пойдешь.
Клюквы полную корзину
Потеряешь – не найдешь.
Лишь бы с жизнью не проститься,
Лишь бы ноги унести...
Не забудь перекреститься,
Только дух не испусти.
Жжет кикимору кручина,
Укорачивает век:
Нужен в доме ей мужчина –
Не лешак, а человек.
Кто б рискнул на ней жениться?
Вот и мается одна:
Не девица, не вдовица
И не мужняя жена.

К лешему

Занесла меня нелегкая –
Разбери теперь, куда.
В берега с разбегу шлепает
Беспокойная вода.
По корягам да валежинам
Долго шла я наугад.
Не ходите в гости к лешему,
Он не выпустит назад.
У него не дом – избушечка,
Неказистая на вид,
Из-под крыши по-старушечьи,
Как из-под платка, глядит.
Набок валится, убогая,
Мох курчавится в пазах.
Но обратной нет дороги мне,
Локти что теперь кусать?
...Ни о чем-то не жалею я,
Не скучаю ни по ком.
Не будильник – птичье пение
Ранним утром за окном.
Ну, а леший – с ним не страшно мне
(Кто бы дал ему сто лет)?
Бродим мы на пару чащами,
Ищем папоротник-цвет.

Волк-одиночка

Я поджарый, нахальный и смелый.
Есть и сила во мне, есть и стать.
Что вам, люди, такого я сделал,
Что назначено мне умирать?
Я капканы по запаху чую,
Я флажки за версту обойду.
Я отдельно от стаи кочую,
За верстой отмеряя версту.
Все урманы мои, все овраги.
Я – хозяин окрестных лесов.
Цепенеют от страха собаки,
Как слышат мой свадебный зов.
Дай, охотник, мне нынче отсрочку
И ружье расчехлять не спеши.
Одиночество – лишь оболочка
Для мятежной и гордой души.
Мы похожи. Мы братья по духу.
И у каждого в жизни свой срок.
Но слышало чуткое ухо,
Как ты взводишь проклятый курок.
...Встану я с окровавленной грудью,
Под себя подминая кусты.
И попятятся в стороны люди,
По-собачьи поджавши хвосты.

Спокойствие

В чаще осенней стоит тишина.
Где-то валежина хрустнет.
С летом простилась лесная страна.
Все в ней прозрачно и грустно.
К югу последних гусей караван
Тянется с криком прощальным.
Листьев опавших цветной карнавал
Ветер устроит нечаянно.
По беломошине клюква вразброс –
Щедрый подарок глухарке.
Тянется к солнышку юный подрост,
Только вот солнце нежарко.
Росы седые падут поутру.
Дверь отворю из квартиры.
Гляну вокруг – в изумленье замру
Перед спокойствием мира.

Яна АКУЛИНИНА

Родилась в п. Добринке Липецкой области. Окончила Московский государственный университет культуры и искусств. Диктор, модель, руководитель нескольких инновационных проектов.

Автор поэтических книг «Нет на даму короля», «Гравитация», «Вгони в краску!», «С.К.В.О.», «Акулинарная книга». Автор идеи создания поэтического приложения для iOS:

Живет в Москве.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ! УБЕГАЙ

* * *

Если люди расстаются,
Возвращая все подарки,
Что друг другу подарили...
То, однажды, в куче хлама,
Можно вдруг найти такое,
Что похоже лишь на сердце.
Как живут они без сердца?
Что они подарят новым,
Не виновным в чем-то людям?
Ведь теперь всем будет видно,
Что подарок передарен.
Даже, если он с бантами,
И в коробке очень пестрой.

* * *

Влюбленный мужчина
Не ищет причины,
Чтоб больше тебе не звонить.
И без кофеина
Влюбленный мужчина
Способен всю ночь говорить.
Кругом эндорфины,
Забыта рутина:
Желание жить и творить!
Он пишет картины,
Стартует с трамплина...
Но стоит ему разлюбить!..
Заметит морщины
Обычный мужчина.

Ему все равно, где была.
Не пахнет жасмином,
С трехдневной щетиной,
В крови только антитела...
Обычный мужчина:
Он не половина,
Он цел, его мать родила.

Рыдает Арина...
Кристина...
Марина...
Любая живая герла.

* * *

В мире вечнозеленого мирта,
Где из всех выжимают масла...
Мы без флирта (как водка без спирта),
Оказались с тобой неспроста.
Без иронии, шуток, ухмылок,
Поцелуев в любимый затылок,
Нет к прекрасному чувству отсылки.
Только вечная есть мерзлота.
С детства каждый любил приключения!
Отчего исчезает влечение?
Я хочу от тебя вдохновения,
Но без флирта кругом пустота.
Задышаемся поодиночке,
Ночь рождает унылые строчки.
Дохожу я до ручки. До точки.
Нету пряника, нету кнута...

* * *

Стихи – лишь слова, но совсем не поступки.
Уступ у скалы. У меня лишь уступки.
Я перец толку в свежкупленной ступке.
Толковый, толченный...
К чертям!
Я не разбираюсь в значении слова.
К чему мне приставка, зачем мне основа?
Когда ты молчишь, ко всему я готова.
Готовься ко взрыву...
Та-дам!
Несдержанность пульс снова делает четким:
Я вижу, как ты достаетшь свои четки.
Подошвами слов отбиваю чечетку:
Давай, придирайся к стихам.
Умышленно все, преднамеренно больно.
Я женщина, значит, я всем недовольна.
Трагичный финал вновь исполню я сольно.
Хотел бы солировать сам?

* * *

Воспоминания – мощная сила,
Но о таких я тебя не просила.
Даже горбатых исправит могила,
Как исправляться прямым?
Есть переменные в нашем примере.
Я о любви, о надежде и вере.
Трудно дышать при такой атмосфере
И оставаться живым.
Хочется верить, что все это шутка.
А если нет, то становится жутко.
Между словечками нет промежутка –
Сплавились в общий комок.
Воспоминания – мощная сила.
Видишь, во что меня жизнь превратила?
Я ничего у тебя не просила.
Лишь подводила итог.

* * *

Летела раненая птица
В последний путь.
Со мной такого не случится:
Я знаю суть.
Плыла у берега акула –
И брюхом в мель.
Ну, я бы мель не цепанула:
Другая цель.
Попала муха в паутинку —
И ждет конца.
А мне такая вечеринка
Не нравится.

Мне так хотелось не попасться!
Я знала как.
Но у меня со штампом паспорт
И муж-моряк.

* * *

В этой вселенной мне параллельно, где ты.
А в параллельной – мне это очень важно.
Стали дешевле на бирже чужие понты.
Но для портфеля влюбленных все это не страшно.
Вкладывать в чувства, конечно, глупее всего.
Рынок штормит. Продают-покупают.
Брокер советует выбрать мне одного.
Только упущенных выгод синдром убивает.
Хочется всем дивидендов, вложившись хоть раз.
График моих настроений – сплошные качели.
В этой вселенной еще я не родилась.
А в параллельной – Венера рождается у Боттичелли.

* * *

Даже попугая
Можно научить
Говорить:
«Я люблю тебя».
Ценность
Таких признаний
Не велика.
Я не учу тебя.
Я не учу тебя.
Я не учу тебя.

Но это пока...

А потом,
Когда мы
Заговорим на птичьем...
И будем чирикать
Ночью и днем.
Мы себя
Возвеличим.
Мы себя
Возвеличим.
И друг в друге мы
Не умрем.

Не повторяй
За мной.
Ты же не попугай.

Я люблю тебя!

Убегай.

Проза

Олег КУИМОВ

Родился в 1967 году в Кирово-Архангельске, Армянская ССР, в семье офицера. Окончил Литературный институт. Переменил немало профессий: разнорабочий, экспедитор, маляр, коммерсант, прораб, менеджер, редактор журнала.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Луч», «Наш современник», «Север», «Берега», «Южная звезда» и других. Лауреат различных конкурсов и фестивалей, а также премии журнала «Сура» за 2016 год. Несколько лет сотрудничал с детским журналом «Рюкзачок с сюрпризом». Дипломант премий «Золотой витязь» и имени П. Ершова.

Живет в д. Мильково Московской области.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗГОВОР

Заканчивался один из замечательных, особенно радостных для русской души святочных дней. Смеркалось рано, и село окончательно стихло; даже собаки, закормленные остатками долгих праздничных пиршеств, пренебрегали обычным своим удовольствием взбrehнуть на прохожих или перелаяться от скуки с соседями из своего собачьего племени. Случайного проезжего могло бы заинтриговать бросающееся в глаза большое число тёмных окон в то самое время, когда вся страна не работает и по идее должна дома наслаждаться всенародным ничегонеделанием. Однако в январские каникулы нечаянных людей в почти тупиковом поселении на окраине области не бывало, а прохожие, всё местные, спешили как раз к домам с освещёнными окнами, являвшими свидетельство о продолжающейся особенным образом именно в деревенской среде бого- и человеколюбивой традиции широкого празднования рождественских дней за общим столом – со всевозможными закусками и разносолами, один вид которых разжигает аппетит лучше любого аперитива.

В просторном доме Бочкиных заканчивалась весёлая будоражащая суэта последних приготовлений к застолью. Наконец гости сгрудились полукругом от стола в последнем и решительном ожидании – теперь уже когда хозяйка раздаст листки с рождественской стихирой, потому что для воцерковлённых людей, каковыми все присутствующие и являлись, без этого торжественного песнопения столь великий праздник умаляет своё величие и полудетский восторг непередаваемого и необъяснимого ощущения близости с чудесным, какой в святочные дни до конца не покидает даже до старости.

Оксана, хозяйка дома, подвижная и переживчатая, как и подавляющее большинство невысоких женщин, взволнованно обратилась к двоюродному брату, певчему их церкви:

– Саша, начинай!

Тут же и муж её, Виктор, легонько подтолкнул родственника локтём и утвердительно кивнул головой.

Александр, твёрдый ерепенистый взгляд которого выдавал противоречивую и неподатливую натуру, кашлянул в кулак и с молодой пылкостью в голосе произнёс приятным баритоном:

– Нет, Оксана! Это не я должен. Это хозяин. Виктор!

– Почему? – удивился кто-то из гостей. – Ты же клирошанин!

– Ну и что? – всё с той же пылкостью ответил Александр. – Я же не духовное лицо – значит, должен хозяин. Он в собственном доме главный. Всё! Других раскладов нет.

Хозяин замолитствовал, гости запели, вначале нестройно, но при поддержке Александра – уверенней, голоса слились во всеобщем воодушевлении.

Максим, высокий (заметно за метр девяносто) молодой приятный мужчина двадцати девяти лет, лишь чуть более двух лет назад крещённый и ещё не погрузившийся как следует в православную культуру, с удовольствием отметил про себя, что и его голос не выпадает из общего хора, а уж что-то, а помурлыкать что-нибудь взбредшее в голову, когда никто не замечает, он любил.

Максим, в отличие от жены, Киры, двадцатиоднолетней стройной блондинки, был неместным, почти никого не знал и внимательно, по привычке художника-любителя, приглядывался к остальным. Справа от них за стол села тоже молодая супружеская чета – рослый рыжеволосый Дмитрий, трудившийся, как понял из отрывков фраз Максим, в школе физруком, и молодая женщина лет двадцати семи на вид – то ли в чепце, то ли в как-то хитро повязанном платке. Развлекал разговорами за столом, на правах хозяина дома, невысокий, как и жена, добродушный и подвижный Виктор. Его активно поддерживали подруга жены Елена с мужем Николаем и невысокий сухонький пономарь местной церкви Пётр, супруга которого Нина как раз больше молчала и с живым интересом переводила взгляд с одного говорившего на другого. Разговор вёлся самый оживлённый и увлекательный.

В ожидании второго блюда гости подъедали закуску – мелко и красиво нарезанные сыры, сервилат, полукопчёную колбаску, салаты. На какой-то миг все замолчали, и вдруг до сих скромно молчавшая жена Александра Лиза, красивая кареглазая лобастая женщина лет тридцати, произнесла с напряжённым видом человека, преодолевающего стеснение:

– А я всегда в Святки ощущаю какую-то странную близость потустороннего. Снежок падает, тепло и тишина какая-то особенная по вечерам... таинственная, что ли?

– Это ты в детстве насмотрелась мультиков, какие-нибудь «Вечера на хуторе близ Диканьки», – пожалала плечами Валентина, которая жила в соседней деревне и приехала в гости к своей родственнице – хозяйке дома. Горячих разговоров с ней не вели, выслушивали и из вежливости соглашались, поскольку безапелляционный тон её суждений не вызывал желания близкого общения, а более всего отталкивала не сходящая с лица джокондовская улыбка, в отстранённости которой, с одной стороны, не обнаруживалось ничего такого, за что можно было бы порицать, а с другой – ничего, что вызвало бы желание задержаться с ней взглядами в добром христианском единении.

– Ну да, было такое. Может быть, ещё повлияло и то, что мы с девочками любили в универе... – Лиза на мгновение потупилась, – гадать на Святки. Грех, конечно, но я тогда воспринимала это как... ну, шалость.

– Ну ты даёшь, Лиза! Ничё себе шалость! – всплеснула руками эмоциональная Оксана, первая помощница в любом церковном деле.

– Оксана, не строжись, – ласково обратился к жене Виктор, и та промолчала, хотя по выражению её лица было очевидно, что она хотела ещё что-то добавить.

В это время дочка хозяев дома, тоже Оксана и очень похожая на мать и внешне, и характером, подала на стол запечённого поросёнка.

– Ну и что, Лиза? – спросила Лена, когда восторженные возгласы поутихли.

– Ну, я хотела сказать, что мне в такое время хочется почитать святочные рассказы. Там столько мистического и доброго одновременно, – ответила Лиза. – Такое таинство... что-то сказочное, необычное и одновременно жизненное.

– Да, и у меня тоже так же, – поддержала её весёлая общительная Кира, – я в прошлом году Лескова читала – потрясный рассказ. Помню, там в конце про руку очень интересно, она там важную роль играет. Дверь открывается, и все гости с замиранием глядят, как медленно протягивается рука, открывающая входную дверь. Не помню, как рассказ называется, но до слёз, – повторила она.

Оксана замерла с ножом в руках над главным блюдом вечера.

– Варя, ты-то что молчишь? – воскликнула она.

Взгляды присутствующих обратились в сторону скромно сидевшей соседки Максима, мало кому знакомой, потому что жила она с мужем, сыном Елены и Николая, в Москве и в селе появлялась редко.

– Это Варя у нас сейчас юрист, а по первому образованию она, – Оксана оттопырила нижнюю губу и наклонила голову набок, изображая самый многозначительный вид, – фило-лог.

Сидевшая возле хозяев Лена поддержала закадычную подружку:

– Да, невестка у меня с красным дипломом закончила.

Соседка Максима, девушка в чепце, на которую он поначалу в общей суеде начала застолья не обратил внимания, повернулась в сторону говоривших и, на удивление, с самым невозмутимым видом, как будто только и ждала, когда её спросят, сказала:

– Лесков?... А что Лесков? Глубокий писатель, которого не прописывают в ряды классиков только потому, что не писал так объёмно, как Толстой, и тяжело, в плане проникновения в сознание, как Достоевский. А по внутреннему содержанию своих работ он не менее велик, чем они. Вся разница в том, что Николай Семёнович не создавал философических идей, его основная идея заключалась в богопреобразующем воздействии на человеческую душу, в основном через переработку евангельских мотивов.

– Ого!.. – подвижное лицо Александра вытянулось, изображая крайнюю степень удивления; и так как нетерпеливой натуре его не по нутру были пространные беседы о чём-то незнакомом, то он поспешил сдвинуть тему разговора в более понятную колею: – Варя, а что там за рассказ такой особенный... рождественский?

– Рассказ? – переспросила Варя.

И когда, приготовившись отвечать, она повернулась к сидевшему за Максимом Александру, он впервые заметил, что она красива. В профиль глаза её разглядеть было невозможно. Но теперь...

Лицо её отражало сложный внутренний мир. Мимические морщинки, появлявшиеся во время разговора на высоком лбу, углублялись, сжимались, распрямлялись, то есть находились в постоянном движении,

как и глаза, чью естественную красоту удваивала эта самая живость ума.

На лице Киры, заметившей его интерес к Варя, промелькнула лёгкая полуулыбка-полуусмешка. Она уже не первый год знала Варю, и ей не раз приходилось наблюдать подобную реакцию мужчин – от «слепоты» к «прозрению». Так было всегда. Красота её не была броской, скорее наоборот: если случалось не видеть её глаз, то Варя не удостаивалась особо пристального интереса, несмотря даже на правильные черты лица. Но стоило столкнуться взглядом с её тёмно-карими глазами... Требовалось усилие, чтобы освободиться от их какого-то колдовского, как раньше любили говорить, притяжения. Поэтому, в какой бы компании она ни оказывалась, стоило ей поднять глаза – самый долгий взгляд входящего, даже среди превосходящих её внешне красавиц, всё равно принадлежал Варя! Отчего это происходило? Ощущавшаяся в ней невозмутимость твёрдого и равновесного характера хорошо воспитанной натуры? Пожалуй. Но было и ещё что-то особенное в глубине её глаз, что возвышало её над прочими. Рационалист назвал бы это проявлением глубокого ума, иррационалист – одухотворённостью.

– У Лескова немало святочных произведений, есть целый цикл, и этот рассказ про руку как раз оттуда, называется «Христос в гостях у мужика», – начала Варя. – Но я вот не так давно перечитывала рассказ Куприна «Чудесный доктор»; некоторые критики считают его самым самым человечным у Куприна, а некоторые даже – лучшим из всех его рассказов.

– Как это так? – выпрямился Александр с поднятой вилкой в руке. – А «Очарованный странник»?!

Варя мягко улыбнулась, повернувшись в его сторону:

– Саша, не путай, я теперь говорю про Куприна.

– А, ну да, понял, – Александр согласно потупился, и Варя продолжила:

– Ну, если не вдаваться в подробности, то в двух словах суть такова. Двое мальчиков с завистью наблюдают за окнами, где люди готовятся встречать Новый год. Ну, это в царское время, понятное дело, по старому стилю, то есть в Святки. У всех праздник, а им приходится возвратиться в холодную нетопленную подвальную лачугу, в которой надрыдается плачем их новорожденный нескормленный братик: дома из еды только пустые щи, и у матери от голода и измождения закончилось молоко. Семилетняя сестрёнка в горячке. Ещё раньше умерла другая девочка – младшенькая. А все беды начались с заболевания отца тифом, на лечение ушли все их сбережения. В довершение невзгод его уволили с работы. В общем, страшная безнадёга. Отец целый день пробегал по городу в поисках денег, даже милостыню пытался просить, да всё безуспешно, а под конец уже бродил по улицам в надежде найти обронённые кем-нибудь деньги. Понятное дело, это уже последняя стадия надежды – искать чужую потерю. Возвращается он домой, немного отогревается и снова убегает в мороз в летнем пальтишке под предлогом новой попытки поиска денег, потому что видеть такую крайнюю нужду собственной семьи невыносимо. Потом он долго бродит по улицам и приходит в пустынный парк, садится на лавку, и его начинают одолевать мысли о самоубийстве.

В это время к нему подсаживается одинокий прохожий, старичок, говорит, что несёт подарки знакомым детям. И тут у отца происходит нервный срыв, и он выплёскивает на незнакомца всю накопившуюся боль: что у кого-то праздник, а его грудной ребёнок не ел целый день, что жену изводит кашель и не видно никакого выхода из беды. Но прохожий, во-

преки его ожиданию, не убегает от него. Напротив, он тут же забывает про праздник и отправляется в нищую лачугу, чтобы спасти семью. Он оказывается доктором и даёт ценные указания по лечению девочки. Благодаря его помощи тут же находятся дрова, затапливается печь. На полученные от него три рубля отец покупает чай, хлеб, горячую еду в трактире. Потом старичок уходит, а хозяин так опешил от нежданного счастья, что не сразу сообразил узнать его имя. Ну, он пытался его догнать, чтобы спросить, за кого молиться, но, в общем, так и ушёл дедушка. Но это ещё не всё! Уходя, он накрыл под своим рецептом три крупных купюры.

Варя замолчала и подняла к губам бокал с соком. Заметив устремлённые на неё вопросительные взгляды, она сделала глоток и улыбнулась:

– Да, это ещё не всё. У любой хорошей истории должен быть хороший конец...

Рассказ её перебил стук в дверь, на который хозяйка поспешила из-за стола.

– Так, без меня не рассказывать, – скомандовала она, – я сейчас.

Гости услышали звук открывающейся двери и следом всем знакомый голос отца Михаила:

– Мир вашему дому.

– С миром принимаем.

– Я на минуточку. Еду мимо, вижу: свет горит – значит, дома. Я к вам по делу.

Виктор поспешил из гостиной к священнику. Слышно было, как он сказал:

– Отец Михаил, батюшка, милости прошу к нашему столу. У нас гости, Христа славим. Тебя не хватает. Милости просим.

– Да мне домой надо.

– Зачем, батюшка? Матушка же у тебя уехала к сестре. Что ты там один дома будешь делать?

– Ну хорошо. Если только ненадолго.

Минуту спустя вошёл отец Михаил – в подпоясанной рубашке навыпуск, рослый ширококостный мужчина немного за пятьдесят, красивое благообразное лицо, спокойные тёмно-карие глаза. Все немного сдвинулись, благо стол был под стать кухне – длинный, широкий. Батюшку усадили на красное место, и, пока перед ним расставляли кухонный прибор, он спросил:

– Я, наверное, перебил вас своим приходом. О чём вы сейчас говорили, если не секрет? – улыбнулся отец Михаил.

Рыжеватый Николай, внешне походивший на киношного немца, всегда невозмутимый и даже несколько холодноватый на первый взгляд, негромко произнёс:

– Не секрет, батюшка. Варя нам интересную историю рассказывала. Варя, – обратился он к ней, – расскажи, чем там закончилось.

– Я, батюшка, пересказываю краткое содержание «Чудесного доктора», – Варя задумчиво потёрла лоб. – На чём же я остановилась? А... ну вот. Этот, как будто случайный в их жизни, человек принёс им удачу. Отец вскоре устроился на хорошую работу, мать вылечилась, дети выросли, выучились, добились положения в жизни. Только один раз после той встречи им довелось увидеть своего спасителя – когда его везли по Киеву хоронить в собственное имение. А имя старичка они узнали по полученному в аптеке лекарству, на котором было написано: «По рецепту профессора Пирогова». Вот такая вот история. Как написал Куприн в предисловии, она совершенная правда.

Виктор недоумевающе развёл руками:

– Рассказ, конечно, сильный, а где же чудо? Хозяин подумывает о самоубийстве, а тут... ну, повезло, конечно, и всё!

Варя всё с той же мягкой обезоруживающей улыбкой отрицательно покачала головой:

– Нет, Виктор Леонидович, не так! Сами вдумайтесь. Разве не чудо – быть просто услышанным Господом в тот самый момент, когда надежды на собственные возможности больше нет и отчаяние начинает сотрясать внутренние духовные опоры? Чудо! Истинное и безусловное для верующего человека! – взгляд Вари отвердел, карие глаза стали казаться едва ли не чёрными.

– Всё это так, конечно, – не сдавал позиций хозяин дома, – но чудо, это ведь что-то такое... м-м... необычное, сверхъестественное.

Отец Михаил, прежде внимательно слушавший рассказ Вари, перебил его с самым доброжелательным тоном:

– Володя, ты сейчас очень важную тему затронул, – он поднял вверх указательный палец, подчёркивая важность сказанного, – тему случая. Мы к ней ещё вернёмся, а пока давай послушаем, чем ответит на твой вопрос Варя.

Она благодарно улыбнулась священнику и обратилась уже к хозяину дома:

– Виктор Леонидович, вот вы говорите про чудо, что это что-то необычное, а вот вы обратите внимание на один очень важный момент. Никто ведь из находящихся рядом людей не откликнулся, не заметил чужой беды или не захотел заметить. И вдруг в минуту наивысшего отчаяния, которое само по себе уже отталкивающий грех, протягивается из вышины добрая рука спасения. Ну разве это не чудо – быть просто замеченным Богом! Один из множества мурашек, незаметных из-за своего неумения даже толком помолиться, да что там – даже хоть как-то проявиться из миллиардов себе подобных, – услышан! И кем! Самим Творцом! И когда! В минуту наибольшего внутреннего отступления! Ну разве это не... да что там рассуждать, когда текстуально всё уже сказано, да и я уже повторяюсь.

Варя замолчала, и неожиданно для самих себя все ощутили исходящее от неё, внешне невозмутимой, волнение, которое, подобно радиоволнам, передалось всем присутствующим. Почувствовал это и отец Михаил и, как опытный знаток человеческих душ, поспешил сбить напряжение размеренным тоном с особым, располагающим к себе бархатцем в голосе.

– Вот! Правильная мысль. Я тоже иногда об этом думаю, особенно летом, когда возле муравейника оказываюсь. Для меня это тоже чудо – что Бог меня слышит, и вас всех, и любого из миллиардов. А нам всё какие-то особенные чудеса требуются – явственные, чтобы, как апостол Фома, ощутить прикосновением рук пронзённые рёбра – не меньше! – а между тем настоящие чудеса за таковые принимать не желаем. А ведь каждое творение на земле, и живое, и неживое, уже чудо само по себе. Мы такой простенькой, казалось бы, мыслишкой проникнуться не желаем. И кто мы тогда? – отец Михаил поджал губы. – Вот-вот – безумцы! Самые настоящие безумцы! Вот подумайте сами. Могла ли самоорганизоваться жизнь на земле, как проповедуют господа дарвинисты, хотя сам он, к слову, под конец жизни отрёкся от собственной теории?

Отец Михаил обвёл всех внезапно ставшим строгим взглядом, словно выискивая готовых оспорить его мнение. Не обнаружив таковых, он с по-прежнему неожиданной сосредоточенностью выпрямился на стуле, как

будто хотел передать слушателям всю важность своих слов. Священство вообще характеризуется склонностью к беседам, а особенно к поучениям, однако подобное тяготение отца Михаила значительно усилилось предыдущей служению учительской практикой в школе и колледже. Его воскресные проповеди, как правило, затягивались, и, зная это, прихожане спешили покинуть церковь до того, как он начнёт говорить. И когда он, наконец, ставил уже окончательную точку в своём поучении, в храме оставалась едва ли треть из числа самых крепких, самых вежливых или менее расторопных. Однако же, как говорится, среди тонн словесной руды терпеливому слушателю перепадали и крупные философские самородки.

— Последние лет двести, — продолжал делиться своим видением отец Михаил, — человечество мечется между пониманием, что Бог есть, что Его не может не быть, и невозможностью поверить, что такое чудо, как жизнь, может быть кем-то сотворено. Вот линия персонального внутреннего разрыва, как, впрочем, и социального. Но всё-таки сомнения разрушают человека, — отец Михаил сделал коротенькую, но выразительную паузу, — раздёргивают целое на части. Так что он всё равно должен, если уж определил для себя берег, плыть к нему, отбросив все сомнения напрочь. Они ведь не только собственные, но и от лукавого порядком хватает.

А вообще, если уж мы говорим о чуде, то его жаждет душа, нуждающаяся в подтверждении своих убеждений, либо натура нетвёрдая. А истинно верующему никаких подтверждений не требуется. Для него весь мир — чудо!

Отец Михаил снова повёл вокруг себя взглядом и по стародавней своей привычке, обретённой всё теми же годами учительствования, поднял вверх указательный палец:

— Каждое творение во вселенной, живое и неживое, — чудо! Только в том-то и беда, что для нас оно просто привычное окружающее. А ещё чуда желают для оправдания своей правды. Поэтому и спорят христиане разных конфессий, мусульмане, язычники и прочие — никто не может доказать своей правоты. А тут раз — чудо! Во! — палец отца Михаила вновь устремился вверх. — Мы все как думаем? Раз чудо, значит, что вам ещё нужно доказывать?! Мои убеждения истинные! Чудом доказано. И здесь всё портят устремления самых горячих и неразумных притягивать к пониманию чуда и истинно явленное, и мнимое.

Да то-то и оно, что если бы чудеса совершались часто — затёрлись бы, как оно и случается всегда. Чудеса же, как бриллиант, единичны. Только при таком условии ложные не проникнут в наши головы, не то кавардак начнётся.

Пётр, почитавший священство разумно, без ненужной перед ним робости, произнёс:

— Не знаю, всё оно, конечно, так, но у нас вроде и настоящих чудес ещё немало случается. Бог посылает для укрепления.

Пётр был уже в старческих годах, но никто не мог дать более семидесяти двух-максимум-пяти этому подвижному, на первый взгляд угрюмому, но на самом деле очень доброму, жизнелюбивому и наблюдательному восьмидесятидвухлетнему мужчине. Слово «старик» никак не вязалось с его образом. Он любил компании, пил один только самогон или, по случаю, коньяк — одну, иногда две стопки, и больше любил послушать других, но и сам был не прочь поговорить. И надо заметить, рассказы его всегда приходились к месту.

— У нас в деревне, — начал свою историю Пётр, — жила одна пьянчужка. На Благовещение в наших краях, а я вырос в Иркутской области,

раньше бытовал обычай: как только в полночь ангелы освятят воду, хозяйки идут к реке за святой водой. Церкви у нас не было, этой водой в доме кропили, больные места обмывали. Пошла моя мама с соседкой по воду, а к ним эта пьянчужка присоединилась, тоже неподалёку жила. Ну, идёт и всю дорогу языком молотит. Да ладно бы ещё только болтала, так нет же! – маты да маты, маты да маты. А идти надо молча всю дорогу, а ещё лучше – молитву творить. Ну, раньше – не сейчас: не было такого, чтобы в проруби окунаться.

– Да, это точно, и у нас я такого не помню, – подтвердил его слова Виктор.

– Прорубь пешней освежили, – продолжал рассказ Пётр, – набрали воды да обратно. А на свету глядь: у всех вода как вода, чистая, богоявленская, а у пьянчужки – полно тины. А у нас там на Нижней Тунгуске достаточно глубоко и вода всегда чистая. Вот вам и мистика. Тут как ни крути, а всё понятно.

Владимир с удовлетворённой улыбкой сытого кота развёл руками:

– Вот это точно – чудо! Ну, не то чтобы чудо исцеления или ещё чего такого, чего без вмешательства свыше быть не может, но всё равно из этой области.

– А разве не может тину принести случайно? – решился вставить своё слово Макар. – Ну, там где-то поднялась по какой-нибудь причине и попала именно к ней.

– Вполне допустимо, – согласился с ним отец Михаил, – вполне. Здесь включается вопрос веры; как говорится, пятьдесят на пятьдесят. Верующий найдёт здесь указание свыше, а для неверующего или иноверца здесь нет никакого доказательства – случайность, совпадение. В общем, как ни крути, а неопровержимое доказательство сверхъестественного отсутствует.

– Батюшка, мы тут говорим, а у нас у самих самое настоящее чудо происходит, – вступила в разговор Валентина, – Богородица благоухает. Священник непонимающе округлил глаза.

– Постой, это как так – Богородица благоухает?

– Ну, в смысле образ, икона, которую вам сегодня привёз американец... как его... ну, сын бабушки, которая умерла.

Лицо отца Михаила, эмоционального по природе, вытянулось, отображая все чувства, которые, к его тайному неудовольствию, ему, как правило, плохо удавалось скрыть.

– Чего-то я не заметил ничего сверхъестественного с этой иконой, – пожал он плечами, – икона как икона.

– Батюшка, да вы что! – Валентина резко выпрямилась на стуле, и Максим удивился случившейся с ней перемене: не сходявшая с круглого лица блаженная полуулыбка достигнутой мудрости сменилась загоревшимся в глазах запальчивым огоньком, – да я даже пакет нюхала – и тот благоухает.

Отец Михаил слегка нахмурился, соображая.

– Это как так?

– Да, батюшка, благоухает!

– Хм, – задумался отец Михаил, покусывая губу, – благоухает, говоришь...

– Да, благоухает, – подтвердила Валентина, – это же настоящее... – заметив, что батюшка, будто не слыша её слов, потирает лоб, она осеклась на полуслове.

– Понятно... – буркнул тот себе под нос и, словно встрепенувшаяся птица, развёл руками, – но не совсем понятно. Благоухает, говоришь?

– Ну да... даже из пакета благоухание идёт.

– Угу, – не выходя из задумчивого состояния, отец Михаил поднялся из-за стола, – сейчас узнаем...

Все молчали, заинтригованно наблюдая за отцом Михаилом.

– Хм, интересно.. – проговорил он, скрываясь за дверью. – Я сейчас вернусь.

Кто-то спросил:

– Куда это он?

– Не знаю, – ответил за всех Виктор.

– Он, наверное, за иконой пошёл, – догадался Николай.

– Точно! – согласилась с мужем Лена. – А вообще батюшка правильно говорит: какие нам ещё чудеса нужны! У нас просто с возрастом взгляд замыливается. А вспомните, какой необычной нам в детстве каждая травинка казалась. Я когда лет в пять впервые тюльпан увидела, глаз не могла оторвать – как в сказке. Смотрела и не могла налюбоваться. До сих пор помню: такое ощущение возникло, будто я сейчас в сказку попаду – ну не может такой красоты в жизни быть. А сейчас пройду мимо и не обращаю внимания. А ведь это всего лишь один цветок, а сколько во всём мире и цветов, и птиц, и всяких насекомых, и животных. А реки, озёра, горы... столько вокруг красоты.

– А у нас в... – кто-то кашлянул, и Максим не расслышал слова, произнесённого Валентиной, – икона мироточит.

– У нас сейчас что ни храм, то мироточивый образ, – откинулся на спинку стула Николай, потирая пальцы. – А на деле просто плохо обрабатывают доски, вот они смолу и выделяют. Отец Михаил верно сказал: много чудес не может быть, а то и вправду глаза намозолят.

Беседа прервалась. Налили вина, выпили и какое-то время молча закусывали, терпеливо ожидая возвращения отца Михаила. Вернулся он быстро.

– Так, посмотрим, – сказал он, поставив высокий чёрный пакет на стул. – Я ещё сам не глядел.

Все привстали с мест, наблюдая, как отец Михаил откидывает, не вынимая из пакета, края рушника и достаёт икону. В ней и в самом деле не оказалось ничего необычного. Потемневший от времени давно нечищенный оклад, затёртые лики младенца Христа и Богородицы.

– Тихвинская, – послышался чей-то приглушённый голос.

Валентина выпрямилась с торжествующим возгласом:

– Я же говорила, она благоухает!

И в самом деле, от иконы явно исходил тонкий приятный аромат.

– Как будто ладаном, – неуверенно проговорил Николай; и Максим с удивлением отметил, что присущее его бесстрастному лицу выражение холодного непоколебимого скептицизма мигом растворила неожиданное проявившаяся в нём растерянность.

– Нет, – не согласился Пётр. – Очень приятный аромат, но это не ладан.

Кира принялась.

– Похоже на розовое масло.

Женщины одобрительно закивали:

– Да, очень даже похоже.

Отец Михаил, принявшись, наклонился к пакету и вытащил из него рушник, из которого тотчас выпала маленькая бутылочка.

Он широко улыбнулся:

– Ну вот вам и всё чудо! Точно – розовое масло. Не знаю, как оно сюда попало – наверное, американец... – отец Михаил легонько махнул рукой, – Геннадий, его так зовут, каким-то образом обронил. И крышка

неплотно прикрыта, вот вам и всё чудо! Я же уже говорил, что не надо искать чёрного кота в чёрной комнате, особенно если его там нет.

Заметив, как священник при последних словах покосился в её сторону, Валентина открыла было рот:

– Батюшка, я же... – но отец Михаил сделал упреждающий жест ладонью.

– Оставим это. Я вам лучше, коли у нас такое дело, расскажу одну историю, только она длинная. Если хотите...

– Хотим, хотим, батюшка, – дружно отозвался весь стол.

Отец Михаил принялся за свою историю, а Максим, обладая от природы живым и очень подвижным воображением, прикрыл глаза и стал представлять себе, как она происходила на самом деле. И так вошёл в эту роль, что словно бы сам стал свидетелем тех событий.

Дело было в далёкие годы становления советской власти, в самом её начале. В одном из крупных сёл Костромской области трудился сторожем в местной церкви пожилой мужчина. Скажи кому из молодёжи, что дядя Макар в их годы пел на клиросе, – не поверили бы. Дядя Макар?... Сторож?... Да ну! Он же сипатый!

Сторож и в самом деле говорил негромко, с небольшой надсадой, а когда, случалось, запевал вместе с прочими христианами в совместной трапезной молитве, то некоторые из рядом стоящих косились и оглядывались на неожиданного певца с выбивающимся из общего созвучного строя низким глухим голосом. Но петь дядя Макар любил и, хотя и зарекался помалкивать, да всё одно забывался и снова получал порцию горечи от косых взглядов и от обиды, что не хочет народ проявить терпение и деликатность, ведь то не в церкви служба. Эх, да ведь не так уж и давно, лет каких-нибудь сорок назад, в особо торжественные службы всё вокруг дрожало от его мощного голоса и малые дети с приоткрытыми ртами разглядывали его как настоящего богатыря вроде Ильи Муромца. А ведь и читал в своё время Макар хорошо. Люди сказывали: заслушаешься, у самых дверей слышно каждое слово – округлое, внятное. А потом случилась обычная для того времени история – бравого парня забрали на воинскую службу.

А бравые, они на то и бравые, что всегда в самом пекле оказываются. После долгой основательной муштры попал Макар на турецкую войну – на далёкий Шипкинский перевал. Там, после ранения в шею, он и потерял голос. Служили в ту пору уже шесть лет, так что вернулся Макар ещё молодым мужиком, но в родном селе не остался, выбрал себе в жёны маленькую, зато красивую бездетную вдову-солдатку из одного из окрестных сёл. У неё и стали жить. До лихолетья успели вырастить и поставить на ноги четверых деток – двух дочерей и двоих сыновей.

С возрастом Макар заметно изменился. Мало кому из земляков родного села удавалось теперь признать когда-то видного парня, чернявого и черноглазого, с подвижным характером, в этом худощавом сдобородом мужчине с цепким взглядом, хотя наблюдательному человеку его широкая плечевая ось, напоминавшая длинную вешалку для рубахи, ещё выдавала прежнюю замечательную телесную развитость. Вместе с уходом сил менялась и натура: прежняя открытость сменилась сдержанностью стареющего человека. Большинству, особенно женщинам и детям, подобная закрытость виделась угрюмостью, однако судили они его так строго потому, что не доводилось им видеть, как светлеет обычно хмурое лицо сторожа и смягчается скрипучий голос – стоит тому раскрыться в доверительной беседе с добрым христианином о вере. В такие моменты,

особенно под способствующую большей откровенности праздничную чарку с добрыми друзьями, в неосуждении и неболтливости которых не сомневался, случалось Макару несколько раз сокрушаться: «За грех мой Бог меня наказал. Дал талант и забрал». А какой грех – не говорил.

По стране гуляло лихо. А у них пока было более-менее. Конечно, село основательно подзапустело: кто-то не вернулся с мировой и гражданской, а многие молодые мужики подались в «зелёные» и прятались по лесам от мобилизации в Красную армию. Жило село трудно, не всю землю обрабатывали из-за недостатка рук и боязни, что всё равно отберут выращенное, как случилось во время продразвёрстки, однако по старой крестьянской мудрости не роптали, радуясь, что у них всё равно получше, чем в центральной России да в Поволжье. Вот уж где – слухи доходили – совсем бедово: недород, полуголод и прочие горести, а за жизнь человеческую и гроша не дадут. И покоя от войны нет. То красные хлеб заберут да мужиков рекрутируют, то белые; и от бандитов разных мастей тоже нет жизни простому народу.

Их же северную глухомань война стороной обошла, даже пальбы не слышали. И белых не довелось увидеть. Только большевики прислали двух солдат-пьяниц представителями власти. Те поначалу сильно жизнь местным отравляли своими дебошами, пока не передрались с активистами из комбеда – основательно, с калечением одного из солдат. Теперь все ждали приезда новых представителей и переживали, как там дальше будет. Боялись всего – и что посевное зерно, которого и без того недоставало, заберут, и что начнут по лесам выкуривать прятавшихся от мобилизации родственников. Да и мало ли какую ещё беду новая власть принесёт!

Так, в ожидании, и до Пасхи дотянули, и уж не то чтобы успокоились совсем, а как-то отступила тревога, когда вечером на службу в храм пошли. Плечи расправились, глаза заблестели – одно слово – жизнь в душу воротилась. Пасха настаёт! Пасха таинственная, Пасха торжественная, Пасха.... А что там дальше – надо ли знать до поры до времени. Будет час – будет и забота. Всё, всё вытеснила из головы Пасха – праздник праздников.

Макар, как сторож, в притворе стоит, первым всех встречает. Всё внутри поёт от нетерпеливой радости, каждая душа христианская родней видится, а всё ж отмеренной сединой солидностью пренебрегать не положено: сдержанно улыбнётся на приветствие детей, качнёт окладистой бородой в ответ молодым, с достоинством равного наклонит в полупоклоне голову перед ровесниками, а вот уж перед совсем стариками не сочтёт зазорным и макушку показать. Какие же сегодня все красивые, по-особому: в каждом взгляде – свет, в улыбке – искренность. Близится, близится уже момент, когда польётся с клиросов торжествующе: «Христос воскрес из мертвых!» Мощно польётся, пока свежи силы у певчих. Это уже потом, ближе к утру, усталость проявится в голосах, но об этом лишь мельком подумалось, да тут же вытеснилось новой заботой: надо глянуть, хорошо ли ключик от хоругвей поворачивается, чтобы не случилось ненужной заминки. Подошёл, осторожно обходя народ, к правой хоругви, крутанул ключик – всё, слава богу, открывается; попробовал левую хоругвь – тоже всё нормально.

Только повернулся, заметил обязательную и только для такого праздника разрешительную суету: выбранные старостой, почти каждый год одни и те же, прихожане пошли по храму с белыми рушниками к иконам – сигнал для детей, что скоро крестный ход начнётся, все пойдут

вокруг храма. Ночной холодок освежит после небольшой духоты в храме – столько свечей горит! Первыми за хоругвеносцами иконы несут обычно отроковицы и девицы незамужние. Смотрит Макара и вспоминает их ползунками на мамкиных руках – вроде как вчера всё было. Двигается колесо жизни, как мельничный жернов: вначале сам на нём поднимаешься, а потом с самого верху видишь, как начинает подъём твоя смена – та, которая покажется на вершине, когда в самом низу, с последней лопасти подхватит тебя и понесёт вода вечности; и всё так же непоколебимо будет раздаваться над землёй тягучий скрип. И будет это обязательно, хотя и представить себе этот самый момент отрыва невозможно, но всё ж таки случится он ровно таким же способом, как случилось у пращуров, прадедов, дедов и отца...

Позади вдруг послышался какой-то шум и вывел Макара из мимо-лётной думки. Он обернулся и усилием воли удержал коснувшийся спины холодный озноб. В притворе стоял невысокий узкоплечий мужчина в кожаных куртке и фуражке. Поднесённый к груди наган демонстрировал готовность применить оружие и в самой церкви. По бокам от него стояли ещё трое солдат, все значительно выше и крупнее «кожаного». Двое из них то приставляли винтовки к ноге, то поднимали, словно не знали, что с ними делать, пока наконец не поставили прикладами на пол. Зато третий вёл себя невозмутимо и, в отличие от товарищей, как и командир, оставался в будённовке. Оттолкнув плечом Макара, стоявшего у застеклённых дверей между притвором и храмом, он с самым решительным видом толкнул левую створку, чтобы распахнуть её до отказа перед своим командиром.

Громкий глухой стук, да в пасхальную-то службу, вызвал у Макара сдержанное раздражение.

Быстро подойдя к вошедшим, он попытался усюветить их:

– Вы что? Это же храм Божий! У нас пасхальная служба!

Но «кожаный», даже не взглянув в его сторону, по-хозяйски прошёл мимо Макара внутрь. Клироса молчали, потому что отец Сергей пел в алтаре «Воскресение Твое, Христе Спасе...» Врата были распахнуты, но, обходя престол в совершенном сосредоточении, священник ничего не слышал и не замечал. Певчие же в полном оцепенении усталились на вошедших вооружённых людей, вокруг которых сразу возникла пустота, и замерли, словно в гоголевской немой сцене. Клирошане, эти приближённые к священству люди, были растеряны.

Не слыша певчих, отец Сергей заметил наконец нарушителей церковного порядка и тоже замер, не веря, что подобное беззаконие может происходить в такую минуту, когда смерть трепещет в страхе перед торжеством готового вот-вот свершиться покаяния её жизнью. Священник прикрыл веки, чтобы не выдать замешательства. В эту минуту стояния перед Святым престолом, в самый момент наступавшего таинства, говорить ему было не то чтобы нельзя, но как-то святотатственно, хотя бы до той поры пока не допоют клирошане, чтобы не разрывалась соединяющая землю с Небом мистическая связь. И вся церковь, в уповании на эту связь, с надеждой смотрела на пастыря: он укажет верный выход.

Однако первым заговорил «кожаный» командир:

– Что, Пасху собрались праздновать! Контр-р-революция! – он медленно повёл суровым взором по сторонам, не задерживаясь на лицах даже самых красивых девушек, затем остановил взгляд на Царских вратах и с чуть искривившей губы презрительной ухмылкой взялся за ремень, упиваясь произведённым впечатлением победителя.

При виде всеобщего оцепенения в голове старого солдата Макара пронеслось: «Понятное дело, внезапность – безотказный манёвр. Тут и опытному вояке требуется выдержка, а о небитом что уж говорить – растеряется, оставит позицию. Без поддержки понюхавших порошу не обойтись». Уж Макару ли не знать того! Было время, довелось и ему, молодому необстрелянному солдату, повоевать. В поход шли с решимостью не опорочить славу предков, себя героически проявить – обычный молодецкий настрой. Ну, убить, понятное дело, могут – на то она и война. Только сколько ни скажи «халва», всё равно вкуса не познаешь, пока не попробуешь.

На подходе к Шипке шальная пуля лишила жизни солдата их взвода, бывшего старше Макара всего лишь на год. Глядя на красивое и теперь уже умиротворённое лицо покойника, он представил себе, как тот умирал, какую страсть ему пришлось испытать в последние минуты жизни, зная, что рана в бок смертельна и что ещё мгновение – и скроется он навсегда за безвозвратной чертой смертного таинства и станет там держать ответ – за то, как распорядился каждым полученным свыше талантом, за каждую боль, нанесённую всему живому на белом свете. За всё! И так это ясно представилось Макару, что уже, нет, не понял, а проникся самой последней клеточкой своего мозга, что и его точно так же может не стать! – и наверняка не станет, потому что каждый человек родился, чтобы умереть, и он, Макар, – тоже, но что неизбежное может произойти не ТОГДА, когда, пожив на свете, успеешь порадоваться жизни и подготовиться к расставанию с ней, а в любой миг. В любой! И такой непереносимый ужас пронзил Макара: как это? – сейчас был – и вдруг перестал быть и никогда не увидится с батькой, с мамкой, с братьями и сестрами; и не будет больше над ним этого неба и солнышка – неожиданно и разом. А будет ответ – суровый и беспристрастный, и неизвестно ещё, как его выдержишь. И открылось для него тогда, отчего люди так низко падают в своей подлости из страха перед смертью. Навсегда открылось!..

И потому повидавший жизнь ветеран знал особенно ясно: Пасха должна свершиться! Чтобы поправить этот недостойный света страх, потому что спасение души и есть освобождение от страха. Голос всех христиан должен дойти до Бога. Иначе невозможно – сегодня Пасха! Сегодня любовь! И нет жизни на земле и даже во всей вселенной, если она прекратится. А если «кожаные» остановят Пасху, то, значит, и жизнь на Земле прекратится. Не будет ничего. Совсем ничего.

У Макара заскребло подложечкой: ещё ничего толком не успел подумать, но подсознание уже просигнализировало – решение принято! Опасное! Нора разве можно по-другому?! Разве остался иной выбор?! Неожиданно для самого себя он шагнул вперёд, будто выходя из строя: важен первый шаг сквозь собственный страх, а там уж не плошай да крепись.

Тишину, в которой замедлившееся движение висевших на стене ходиков звучало несоразмерно громко и тягостно, словно стрелки отсчитывали последние минуты существования, внезапно нарушило глухое покашливание и показавшийся громopodobным стук задевшей стенку деревянной лавки. Все взгляды устремились на сторожа, уже шагавшего к правому клиросу неторопливой уверенной походкой. «Кожаный» всё с той же театральностью изобразил недоумение, буравя взглядом спину удалявшегося от него странного мужика.

А меж тем тот поднялся на солею, встал возле правого клироса, коротко кашлянул в кулак и запел: «И нас на земли...» Он ожидал, что голос его прозвучит громко, выведет клирос из замешательства, и все

грянут единым духом. Но вместо этого услышал неожиданно глухое низкое собственное пение и... тишину! Все непонимающе смотрели на нежданного певца – разве так можно петь на Пасху? «Кожаный» засмеялся, громко, весело. Макар осуждающе строго оглянулся на певчих – никто не поддержал его, не скрыл за своей мощью его немощи. А ведь дело-то у них единое, христианское. Голос его замер от удивления.

Сотни взглядов ощущал Макар, но не обратил ни на кого своего и вдруг, движимый неясным чувством, повел взором налево и – словно мороз пробежал по спине и поднял волосы на голове – ему казалось, что взгляд Спаса был устремлён только на него одного – суровый, ожидающий. И ему вдруг стало всё равно, каким он убогим выглядит перед всеми. Он перед Богом один? Ну что ж, и так бывает. И на Суде тоже так будет, и даже ещё страшнее. И никто из присутствовавших сейчас в храме не то что не сможет помочь ему, но даже и не дерзнёт осмелиться слово замолвить.

«Кожаный» с победным видом огляделся по сторонам, не обращая больше внимания на это безголосое недоразумение, которое, как и следовало ожидать, замолчало ввиду полной несостоятельности. «Отпели своё, голубчики», – он удовлетворённо усмехнулся. И вдруг усмешка его застыла на искривившемся лице и погасла – безголосый сторож пел! Именно пел! Чисто!

«Кожаный» передёрнул плечами, как от озноба. Он тоже опешил, не веря собственным ушам, как и все прочие в храме.

Неожиданно дрогнул, присоединяясь к пению чей-то высокий юношеский голос, неуверенный, потому что привык пока что только поддерживать хор, не выделяясь из общего звучания. И вдруг, в нарушение служебного устава, всей своей мощью грянули оба клироса, а не один правый: «...сподоби чистыми сердцы Тебе славить». Но не было в том нарушения, потому что свершилось главное – единение, а по-гречески – Литургия.

И «кожаный» отшатнулся, словно отброшенный неведомой волной, рождённой всеобщим порывом певчих, и силу его, рождённую ненавистью, унёс страх. «Ничего, мы с вами ещё разберёмся. Придёт время», – воскликнул он, разворачиваясь, и вышел вон из церкви. Молодой солдат юркнул следом, стаскивая с головы будённовку, но тут же опомнившись, снова надел её в притворе. Направлявшиеся вслед им солдаты, что были постарше, часто оглядывались, как оглядываются совершающие что-то через неохоту.

Закончив рассказ, отец Михаил обвёл присутствующих улыбчивым взглядом, в котором читалось выражение лёгкой вопросительной хитринки. Он молчал. Не выдержав повисшей паузы, Виктор спросил:

– А-а... батюшка... а при чём здесь чудо?

Хитринка в глазах отца Михаила сменилась открытой торжествующей улыбкой.

– Вот! – поднял он указательный палец. – Вот он, правильный вопрос. А чудо, Виктор, в том, что храм этот не закрыли ни тогда, ни даже когда в тридцатом году вышел указ о борьбе с религией. Единственный из многих в тех краях, который не закрывался никогда во время всей советской власти и действует и поныне. Ну, – отец Михаил как бы виновато развёл руками, – кто-то ничего особенного в этом не увидит, а для меня это настоящее чудо: оставили скромный сельский храм, когда поголовно закрывали приходы. Повсюду! В областных центрах, в крупных городах! Вот так вот!

– Да... – задумчиво выпятил губы Виктор.

Галина ЩЕКИНА

Родилась в Воронеже. Окончила экономический факультет Воронежского университета. С 1979 году живет в Вологде. Работала экономистом, библиотекарем, журналистом. Редактировала местную газету, альманах.

Автор многих книг прозы и поэзии. Публиковалась в журналах «Север», «Подъём», «Дружба народов», газетах «Литературная Россия», «Книжное обозрение» и других изданиях. Финалист премии «Русский Букер» (2008).

ДУНОВЕНИЕ РОЖДЕСТВА

Да-а, завихрило-запело. Вон оно как с утра робко сыпало, тихонько-тихонько, редкими горстями. А теперь сквозь снежинки не видно глубины двора, всё стало туманистым, зыбким. Филипп смотрел на извилистый бег снежных струек и думал, что всё почти хорошо, он уже совсем в норме, молодец. С бутылками завязал, на работу вышел, пусть пока неважнецкую...

Из органов он ушёл по собственному, а техник раньше был способный, вот и решил перебиться на телефонах и цифровиках. И сердечко, хоть и взбрыкивает, но в целом уже заживает. Минуло сорок дней, как он простился со своей женой Идой, пора уже возвращаться в рамки. Что ж, в конце концов, с ума-то сходить? Ей бы точно не понравилось вот это «разводить пожиже», сейчас бы кулачком, средней костяшкой постукала по столешнице: «Филя! А ну-ка...»

Он оглянулся. Эта она позвала или он внутри себя представил, что она позвала?

Надо бы съездить, забрать сына от тети Эллины, чего он там не в своей школе шарашится? Здесь всё было привычно, близко, а тётка своё: «Нет, нет, ему тут будет мучительно». А вот и неизвестно, мучительно или нет? Тут ведь друзья, а там? Когда Борька звонит, всё будто как раньше, мать приучила его отчитываться... А когда не звонит, сразу провал. Тетя Эллина тоже больно умна, ещё не отпустит Борьку. Она уже раз десять и так намекала. Ещё при Иде: да отдохните вы, да дайте у меня поживёт. Может, ребёнок не хочет? А чем это кончится? Ничем хорошим не кончится...

Дело к середине декабря, но Филипп не хотел праздников, он отворачивался от них, делал вид, что его это не колышет. Какие могут быть праздники? Кто сказал, что их надо обязательно соблюдать? Почему, чёрт возьми, так прилипчива привычка новогодних застолий и новогодних выпиваний? Ведь это всю ночь ешь и пьёшь, и к чему это приводит? А к тому, что потом встать не можешь! Холодильник забит едой,

а тебе ничего не хочется. Даже красная рыба, обязательный минимум, не нужна. Кстати, что-то он искал в связи с рыбой?

Он вздохнул, потому что при Иде он как миленький всё это соблюдал. По Идее, нужно и теперь. Идея (в девичестве – Мартова) – так звали его жену, скорей всего благодаря причудам номенклатурного папочки. Но сколько бы ни шутил Филипп над этой темой, всё-таки имя её ей подходило.

Честная такая, возвышенная, всё сказанное по телевизору принимала за чистую монету, жадно раскрывала глаза. А мимоходом зайдя на кухню и увидев семейный сериал или политическое шоу, тут же начинала прерывисто дышать. Он, правда, пытался втолковать ей свою версию насчёт эскадронов смерти: что во многих политических убийствах – скажем, Старовойтовой, Щекочихина, Холодова – прослеживается общая подоплёка... Нет-нет, с его прежней работой это не связано, просто он сопоставил некоторые факты. Но она махала на него рукой: нет, не хочу знать этого! Медлительная плавная сероглазка, со своим вечным немодным хвостиком и выбившимися прядями на щеках, она была такая уютная, что её нельзя было не схватить, не поймать...

«Фили-и-ип!» – «Чего-чего?»

Нет, это снова не она, это память. Глаза стали горячими. «А ну-ка!» – и сам себя одёрнул. Вот оно, нашёл! Это ж рецепт засолки красной рыбы. Ида не хотела магазинную, сама делала. Недели за три перед Новым городом они шли и покупали сырую горбушу, а то и форель. Разворачивали на кухне целую солильню! Он чистил, она укладывала куски в глубокие судки, присыпала солью сильно, а сахаром слабо. Забегал Борька, его всего как магнитом тянуло к ним, когда они возились с едой вместе.

«Ой, чего она! Смотрит. Фу», – показывал на рыбью голову.

«Борь, мы приготовим, а на Новый год будет супер. Понял?» – и они потом готовили такие рулетики с сыром и маслинами! Это было волшебство!

Филипп оделся и побежал в супермаркет. Это был выходной день, всё было забито людьми, в кассы стояли плотные очереди. Но уж пошёл, так стой. Кроме горбуши взял в кулинарии свёклу, курагу, орехи, вермишельные гнезда, окорок тамбовский охотничий, томатный сок для себя, персиковый для неё, ей нельзя острое и копчёное... то есть... Ему можно, например, копчёного угря. А надо ещё курочку для бульона, бульон полезен и большим, и маленьким...

Пока стоял, строил рожи в зеркальные витрины. Это были кретинические выражения с косоглазием и вываленным языком. Когда заметил брезгливые взгляды в свою сторону, одёрнул себя. Да, если бы Ида тут стояла, она бы ему устроила! Но ведь было скучно, невыносимо... Шёл и смотрел на почти утонувший в снежной мельтешне парк. Они ведь как? Сначала обычно гуляли, проверяли знакомые деревья, лавки, считали ворон, голубей. Потом заходили в супермаркет, потом... А-а, ладно!

Дома он долго чистил горбушу, строгал, солил-сахарил, потом быстро поел горячих гнезд с ломтиками окорока и томатом. И вышел на балкон.

«Идея Марковна, – с нежной растерянностью думал он, – всё я сделал. Не сидел без горячего, рыбу заготовил. Скажи, я молодец?»

Снежок порошил бородку и негритянские с проседью волосы, а он сутулился, всё курил да курил. Почему-то смотрел опять в сторону пар-

ка, хотя не видно его было в белом крутеве. Уже было пора бежать отогреться, а он всё стоял.

«Ида, я в храме тоже всё сделал. И службу отстоял... Ну где ты? Тебе легче от службы в храме? Дай знать, что ты меня слышишь, Ида».

Порыв ветра нанёс с неба сухую ветку, которая вышибла из рук сигарету. Та черкнула по воздуху и упала за балкон. «Ага. Обиделась, что много курю? Но зато не пью. Хорошо, хватит курить. Прости».

Хотя вообще-то Ида никогда его не упрекала. Он, косясь на неё, то лез к форточке, то к вытяжке. А она говорила: «Нечего на балконе мерзнуть, мне твой дым нисколько и не мешает...» Как будто он не мог без этого обойтись! Да и сейчас сможет.

Перед компьютером сидел, машинально скользя с ресурса на ресурс.

Вот её блог. Ага, потом читаем. А где же пароль? Где-то были её пародии, её рассказы в памяти, надо поискать. Он, правда, это всё читал... Но теперь это ниточка к ней. Ида писала короткие сентиментальные рассказы, в которых не было сюжета, а только настроение да описания всякие. Капельки, дождинки. Всё это так мелко, разноцветно, как бабушкина вышивка крестом. Ида всё время хотела, чтобы он тоже что-то написал, чтобы у них была бы общая игра, но он только огрызался.

«Зачем? У меня нет таланта». – «Но ты художественно мыслишь, посмотри, как ты остроумно объяснил мой вчерашний рассказ...» – «Вот я только объяснять и могу, а писать изнутри – нет. Не умею я это: “ваши пальцы пахнут ладаном”... Враньё всякое сладкое». – «А как бы ты сказал?» – «Ваши волосы пахли котлетками». «Кошмар! – улыбнулась Ида. – Это ты нарочно!»

Да, нарочно, была у него такая привычка: все опускать и высмеивать. Ему всегда было стыдно от высокопарных слов. Филипп обхватил голову руками и сильно сжал. Она, она его зовёт.

Что это? На подоконник прилетел голубь. Кабы не спугнуть его. Голубь был нахохленный и запорошенный. Он повозился там и тюкнул клювом в стекло. Белой головой и серым оперением он был похож на одетого в шубу человека. Круглые глаза заинтересованно смотрели прямо на Филиппа. Голубь, символ Духа Святого. Птица, ты зачем сюда? Ты от непогоды или с посланием? От кого?

«Филя... – тонко व्यужило за балконом. – Фи-и-ля-я!»

Он пошёл, рывком открыл балкон и, сложив рупором ладони, крикнул:

– Ида-а! Слышу тебя! Отзовись! Дай знать...

В прихожей что-то грохнуло. Подбежал – со стены свалился барометр, который лет десять, после того как его из какой-то комиссии притащила Ида, не трогали с места. При ней часто что-то падало, но барометр никогда. Кому? Кому, кроме неё, это понадобилось?

Он поднял барометр, приладил. Сделал в зеркало морду: выпучив глаза, растянул рот и оскалился. Ужас! И тут же смешался, сконфузился, потому что – сумасшествие. Надо успокоиться сейчас же! Пошёл, чтобы заглянуть в холодильник, открыл его и достал бутылку «Житомирская на бруньках “Золотая”». Руки его дрожали, как у леченого алкоголика. И он внимательно стал читать надпись: «...изготовленная по оригинальному рецепту из зернового спирта “Люкс”» и специально подготовленной хрустально-чистой воды. Особый вкус и аромат напиток придадут липовый цвет, мёд из цветов липы и ароматный спирт березовых почек».

Кто знает, сколько он так простоял? Наконец, понял смысл текста, увидел, что холодильник открыт, и закрыл его. Если он сейчас отхлебнёт, то не оторвётся, пока не прикончит её. А это значит, упадёт прямо на кухне и завтра ни за что не съездит к тете Эллине за Борей. И сын Боря забудет, какое у папы лицо. Нет, не надо... Поставив водку обратно, он скривился от плача. Этот оскал уже не был гримасой, это он сопротивлялся боли.

С утра он прожил целую огромную жизнь, а на часах ещё только восемь вечера. Время стоит на месте. Особенно на трезвую голову, ага. Взял пакетик с курагой и пошел к компьютеру. Единственное живое существо в доме. На мониторе всё ещё было написано «Войти». Он стал наугад тыкать пароль и... вошёл. Так обрадовался! Не знал никакого пароля, честно. А тут как-то взял да и вошёл, сам поменял пароль и видит: «Новая запись пользователя idea». И пальцы его сами застучали по клавиатуре.

«Сейчас я далеко от дома, но особым зрением вижу, глубоко чувствую всю прелесть мягкой наступившей зимы. Наверное, пруд в парке ещё не замёрз, склоненные гивы ветвей касаются воды, чёрной, неподвижной, графически отсвечивающей то светлым серебром, то угольной чернью. Первые слабые и влажные снега упали на город, дома, сонные рябины у дома. И снова балкон засыпан тёмно-красной ягодой. Я прошу, не считайте её, пусть птицы шумят, хлопают крыльями и клюют... Но чем дальше улетаю от дома, тем ближе становятся те, кого я там оставила. И хотя не вижу их, всё равно чувствую, только иначе. Раньше была острая тревога за них, даже тоска от наползающей опасности, а теперь покой, только удивлённый покой и тёплые волны долетают до меня. Это они, родные мои Филя и Боря, думают обо мне и зовут меня».

Он не смог написать слово «умерла». Это слово давило на него, как камень. Нет, пусть будет не лобовой вариант. Кнопка «Отправить запись». Вот первая запись после трёх месяцев молчания. И сразу блог принял обычный вид: текст и рядом её маленькое фото спиной, волосы на плечо, полосатый турецкий халатик. Но что же это он написал? Какая-то размазня, честное слово! Какой-то пруд, какие-то ягоды... Пошёл, посмотрел – на балконе уже всё замело, но завтра ягоды нападают опять. Она всегда слишком любила детали, подолгу их разглядывала, как будто можно было что-то понять при помощи крошек и блёсток. Как будто по-своему составляла мир из этих блёсток, люрекса, бисера, стекларуса... Ну хорошо, он попытался написать за неё. За себя он напишет по-своему, если, конечно, будет что писать.

А на её открытой странице уже появились первые отклики.

«Привет, ты вышла из больницы, девочка, счастье какое! Рад». «Разве можно нас бросать так надолго? Sonya lesnaya ведёт пока твоё сообщество, иди смотри, сколько там новостей...»

Пусть её жизнь продлится. Рассказы он за неё, конечно, не напишет, но вот это пусть останется подольше. Ведь если бы она так скоро не улетела, как она сама выразилась, он, наверное, знал бы, что будет делать, о чём думать? Признаться, она всегда думала о разной ерунде. Почему он не носит шарф, совершенно новый и мягкий? Когда привыкнет свои ботинки сушить вовремя? Где Борька распорол новенькие кожаные перчатки и как их починить, чтобы было не очень заметно?

«Ида, мы компьютер выключать не будем, поставим на газ варить курочку, чтобы завтра было что сыну поесть...»

Может быть, конечно, тётя Эллина снова взмётнется волной и не отдаст его, полугодие заканчивается, но погостить-то можно на воскресенье... Филипп начал хлопотать, как нормальный человек перед приёмом гостей. Он внимательно посмотрел на чашки в шкафу и понял, что они все немытые. Пока кипел бульон, он перемыл залежи посуды на столе и в раковине, заодно уж и заляпанную по самые глаза микроволновку. Она так и говорила: «Заляпана по самые глаза».

Чего-то не хватало... А-а, телевизор не подключён, надо будет сходить на той неделе, подключить. Ему не надо, а Боре надо. Кроме того, Борька ещё в прошлом году канючил гирлянду, старая вся уже чинёная-латаная, стала гаснуть и мигать невпопад. Надо будет сходить с ним за новой гирляндой.

От его возни в шкафу опрокинулся термос с полки. Ну-ну, Ида, я уже всё понял. Не на месте. Заглянул – термос вроде не разбился. Налил кипятку проверить.

Шелест воды, звяканье посуды, кипение кастрюли, подслеповатое моргание телевизора, шум вентиляции – каждый звук вдруг сладко отозвался в нём. Это были звуки реальности, и они выводили его из долгой судороги горя. Может, она улетела не так далеко, раз посылает ему сигналы, значит, где-то она есть? Кто, кроме неё, водил его рукой, когда он сочинял запись в её блоге? И до неё дойдут его тёплые волны. Как дошло до него дуновение далёкого ещё Рождества.

Степан РАТНИКОВ

Родился в 1982 году в Красноярске. Выпускник Красноярского государственного университета. По образованию – филолог-преподаватель, по профессии – журналист, корректор, педагог дополнительного образования. Снимался в кино и сериалах.

Публиковался в журналах «Нижний Новгород», «Наш современник», «День и ночь», «Енисей», «Процесс» (Прага, Чехия) и других. Лауреат Всероссийской литературной премии «В поисках правды и справедливости» (2015, 2022), Международного конкурса им. Алексея Плещеева (2023), Всероссийской премии «За верность слову и Отечеству» им. Антона Дельвига (2024). Участник всероссийских совещаний молодых литераторов в Красноярске (2005) и в Химках (2022).

Член Союза писателей России. Живет в г. Чудове Новгородской области.

НЕ ОТХОДЯ ОТ КАССЫ

Пик... Пик... Пик...

В супермаркете кассирша с забавно размалёванными, но явно потухшими глазами меланхолично перекладывает слева направо один товар за другим, предварительно считывая с каждого штрих-код. А я стою почти напротив неё – ем мороженое, помаленьку откусывая с разных сторон стаканчика.

Коренастый мужик в голубой рубашке и идеально выглаженных серых брюках отходит от кассы с четырьмя пакетами в руках. Ненадолго задерживается у металлической стойки, заваленной красными пластмассовыми корзинами. Аккуратно подвинув их, ставит на край всю приобретённую провизию и отряхивает брючину. Кассирша, словно позабыв о внушительной очереди, жадновато, но со сквозящей во взгляде грустью, пялится на зад покупателя, только что раскошелившегося на шесть тысяч рублей. Впрочем, быстро спохватывается и вновь тянется к выложенным на ленту товарам.

На мою филейную часть давно никто не смотрит. Хотя мне и сорока ещё нет. Тётушка по материнской линии уверяет, мол, все мои беды из-за того, что я мало двигаюсь и неправильно питаюсь. Якобы дрянь всякую ем – с загустителями, усилителями, подсластителями и прочими «ешками».

Вот и мороженое, которое у меня сейчас в руках, с заменителем молочного жира. На упаковке говорящая аббревиатура – ЗМЖ. Она будто напоминает мне, что замуж за такого нескладного дядечку никто не пойдёт. А ежели так, то зачем все эти диеты и иные заморочки? Каждому своё. Исходя из возраста, пола, привычек.

Убедиться в этом легко даже здесь, прямо в супермаркете. Пока стоишь неподалёку от кассы, как я сейчас, или же, допустим, в оче-

реди переминаешься с ноги на ногу, готовясь спешно выкладывать из корзины различную гастрономию, перед глазами вся жизнь пробежать успевает. Вот подросток покупает пачку чипсов и бутылку газировки, сзади него стоит женщина – с фруктами, подгузниками и салфетками, а вслед за ней – старушка, впрок набравшая баночек для сдачи анализов и урвавшая несколько упаковок молочной продукции по сомнительным акциям.

Химические снеки пенсионерке даром не сдались. Как и пацанёнку – влажный творог. Ну а мне поперёк горла мороженое за сто рублей. Я за эти же деньги лучше три стаканчика с шоколадной крошкой куплю. С пресловутым ЗМЖ. Но не потому, что на пособие по безработице шибко не разгуляешься. Просто я, как тот чумазый домовёнок из мультика, не скаредный, а...

В общем, экономить умею. Жизнь заставила. В том числе не строить из себя того, кем не являешься. Не красавчик я, потому и не подбиваю клинья, например, к той блондинке-мерчендайзеру, что у предпоследнего по правой стороне стеллажа с макаронами и крупами возится, сексапильно наклоняясь. Отсюда взглядом своим орлиным вижу, насколько она хороша.

И как пацанёнок у соседнего стеллажа гематоген тырит – тоже вижу. В отличие от сонной и ещё более неповоротливой, чем я, охраны, которую не заставишь по всяким пустякам выползти из тесной каморки.

Вот и зачем мне всё это? Говорю о бестолковой работёнке и вместе с тем серьёзной ответственности. Ведь здесь наверняка недостача на недостаче. А компенсирует кто? Уж точно не малолетние любители сладенького. И не повзрослевшие представители особого рода – крысино-человеческого. Вешают всё на простодушных работников супермаркета, чьи зарплаты и без того смешные, почти как макияж у кассирши напротив меня, которая уже полчаса пашет не покладая рук и товара.

Нет уж, лучше нигде, чем здесь. Служба занятости в хорошее место вряд ли отправит. Пускай отказ ставят. Устраиваться сюда, будем открытвенны, себе дороже.

Завтра ещё в школу на собеседование шкандыбать. За очередным отказом. Отвечать за сохранность товара – дело одно, а за безопасность детишек – совсем другое. Я, конечно, многовато сижу: в кресле перед телевизором, за кухонным столом или его компьютерным собратом. И ничего плохого в этом, кстати, не вижу, включая свою квадратную пятую точку, которая разве что в зеркале иногда мелькнёт, чуток огорчив хозяина. Но сидеть в местах не столь отдалённых – к такому жизнь меня не готовила. Мало ли какие кретины отыщутся среди папаш или мамаш, не говоря уже о незваных залётных гостях. Тогда не охранять, а охренивать придётся.

Лучше вакасию с какой-нибудь базы подожду. Где можно закрыться и, лёжа на диванчике, спокойно зомбоящик смотреть. Или сканворды разгадывать – чтоб мозг в тонусе держать, коли уж с пятой точкой и прочими мышцами всё гораздо печальнее. Мне, правда, один знакомый журналист как профи в этой отрасли доказывать пытался, мол, главное предназначение сканвордов – отуплять людей. Но что-то я за собой такого не замечал.

Рассудок всё ещё при мне. И он подсказывает, что спешка пока ни к чему. Месяца четыре – это как минимум – можно смело ждать своего журавля, не соглашаясь на худосочную синицу. Я, как уже сказал,

домовитый. Вполне достойно живу и на пособие, не суетясь понапрасну. Как раз на следующей неделе копеечка на карту упадёт.

Надо будет, пожалуй, снова в этот супермаркет наведаться. Пюре да лапши быстрого приготовления про запас взять. Если у них, конечно, акция ещё не закончится. Заодно, глядишь, и с блондиночкой той выгорит телефончиками обменяться. Вон как проворно возле полок шныряет, мерчендайзер-энерджайзер голубоглазый. Попка и впрямь что надо. И колечка, как я погляжу, на пальчике нет. А улыбается-то как! Стоп. Неужели мне?

Хотя... зачем ей какое-то унылое ходячее ЗМЖ типа меня? Да и денег на неё всё равно не хватит. А уж про ответственность и говорить не приходится. Такие выпуклости шикарные наверняка нарасхват. Уведут – моргнуть не успеешь. Эх...

- Простите, девушка, где у вас тут начальство?
- А вы по какому вопросу?
- Меня в ваш супермаркет с биржи труда отправили.
- Понятно. На вакансию охранника, как я понимаю?
- Угадали.
- Вы, наверное, просто за штампиком пришли?
- Нет, я здесь работать хочу.
- Уверены?
- Теперь уже уверен. Именно здесь. И только здесь.
- Ух ты, как неожиданно! Но, не скрою, приятно. Я директор – Светлана Алексеевна. Наши условия вам известны?
- На бирже вкратце объяснили. Сутки через двое. Соцпакет, премии... Всё по классике, короче говоря.
- Верно. А ещё предоставляем бесплатный ежемесячный абонемент в тренажёрный или фитнес-зал.
- Ого! А я действительно удачно сюда зашёл.
- Вот и отлично. С завтрашнего дня готовы приступить?
- Да хоть с сегодняшнего!

Сергей КРИВОРОТОВ

Родился в 1951 году в Астрахани. Врач-кардиолог с высшими категориями по кардиологии и реаниматологии. Преподавал на кафедре кардиологии постдипломного образования врачей Астраханской медакадемии. С 2011 полностью перешёл на литературную деятельность.

Автор многочисленных публикаций в периодике РФ, Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдавии, Финляндии, Германии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Израиля, Чехии, Дании (русскоязычные издания). Издано две электронные книги, 10 романов и сборников рассказов на бумаге. Призовые места в ряде литературных конкурсов.

Живет в Астрахани.

СТАНЦИЯ БЕЗЫМЯННАЯ

На дальней станции сойду...

Из песни

Станция Безымянная — вот куда бы поехать, вот что ему надо. Не просто посёлок без названия, а совершенно особенное место. И оно само, и всё, что находится там, не имеет названия. Точно известно только, что там есть и зелёная трава, и тенистые деревья. Просто трава, а не какая-нибудь «люцерна», деревья, а не клёны или дубы. Каждый, шагнув на перрон станции Безымянной, тоже становится безымянным, просто человеком, человеком вообще, а не Васей или Митей в частности. И воздух там особый, на станции Безымянной, просто воздух как воздух, вовсе не смесь сернистого ангидрида с чем-нибудь похуже, взвешенном в азоте, кислороде и двуокиси углерода. Воздух без пыли, просто воздух. И от тех дождей, что идут над станцией Безымянной, не облезет краска на заборах и домах, домах без номеров, с открытыми дверями.

И улыбки у живущих на станции Безымянной тоже безымянные, люди улыбаются там просто так, безо всякой видимой причины, не в силу обстоятельств и не из вежливости, а потому, что им хорошо. И даже облака, разбросанные по небу лёгкими штрихами или тяжелыми клочьями ваты, — просто облака, а не «перистые» или «кучевые».

Там говорят друг другу «ты» или вообще ничего не говорят, потому что почти все слова что-то да означают, что-то именуют, а там ничего не надо называть по имени, все понятно и так, без слов, как жест, как протянутая рука с открытой ладонью.

Никто не произносит там трескучих фраз и бьющих по ушам названий. Мнения там не навязывают: ими, если уж возникает такая потребность, просто обмениваются, как рукопожатиями, и от этого они нисколько не теряют своего содержания.

Станция Безымянная – вот куда бы поехать, но она не конечная, можно проскочить, прозевать в мелькании телеграфных столбов или серых буден. И когда вдруг оказывается именно так, поздно нажимать на стоп-кран. Как ему хотелось туда! Виноград там просто виноград, и вино там тоже просто вино, так же, как хлеб, так же, как молоко, и речка там тоже просто речка, как и вода, и рыба в ней тоже просто вода и рыба. Там есть колодцы, в которых вода до того вкусная и холодная, что захватывает дух, когда пьёшь. Синие вечера сменяют летом красные закаты, и падают над станцией Безымянной просто звёзды без названий, обыкновенные звёзды, увидев которые, загадывают желания.

Ночью небо там усыпано звездами, как нигде, и они так красивы, что не нуждаются в названиях. Никому не придёт здесь в голову выделить из этих россыпей семь звёздочек и назвать их «черпаком Большой Медведицы» или сделать ещё что-нибудь столь же нелепое. Вся масса звёзд, драгоценных точек, сверкает над станцией Безымянной в черноте ночи. Запахи смешиваются в ночном воздухе, как мошки под фонарём на перроне, и нельзя, просто невозможно дать какое-то название этому одному запаху станции Безымянной. В общем, эта станция – окно в совершенно другой и все же такой знакомый с детства мир.

Он рвался туда всем своим существом, подозревая, что и другие хотят того же, но не показывают вида.

Конечно же, там действуют те же законы природы, что и повсюду на Земле: направляясь туда, глупо надеяться, что окажешься в невесомости или начнёшь ходить вверх ногами. Сила тяжести там нисколько не меньше и не больше, чем в том месте, где вы находитесь сейчас, масса вещества и энергия сохраняются точно так же, как везде. Но только никому из живущих на станции Безымянной до этого нет совершенно никакого дела. Они живут, просто живут, и их, несмотря на это, никак не назовешь бездельниками. Поехать бы к ним, чтобы жить, как они, пить воду из их колодцев и делать то, что надо для такой жизни, и нисколько не больше.

Там ничего не купишь и не продашь. Вещи там просто вещи, они не утратили своей сущности, хотя на станции Безымянной нет понятия «ценности», «цены».

Только не надо думать, что булки растут там на деревьях, а куры несут исключительно золотые яйца. Конечно нет, но земля там плодородная и чёрная и не остается в долгу перед теми, кто её обрабатывает.

Но вот что беспокоило его больше прочего: допустим, он даже доберётся до этой станции и не пропустит, не проспит и не прозевает мига стоянки поезда у ее перрона. Вопрос в другом: пустят ли его на станцию Безымянную? Откинет ли проводник подножку и разрешит ли прыгнуть с поезда? Может быть, она пронесётся мимо сверхскоростного поезда жизни, мигнув тусклыми огоньками в ночи? Но нет, он не вправе так думать, он все же поедет туда, в единственно известное ему место, где каждый перерастает своё «я» и становится Человеком.

Тем страшнее осознать однажды, что ты нисколько не придвинулся к своей цели. Станция Безымянная недостижимо манит где-то вдали за туманами и тридесятью землями. А ты даже ещё не в поезде, а в лучшем случае всего лишь на вокзале. И тогда надо собраться, бросить все и взять билет туда, куда позовёт её величество Безымянность. Скоростной экспресс рванёт тебя навстречу цели, а ты будешь в купе пить русский чай с сахаром, считая мелькающие за окном столбы, а то и рассказывать анекдоты молоденькой проводнице. Впрочем, весь-

ма вероятно, что на её месте может оказаться особа более почтенного возраста, по лицу которой трудно будет догадаться, за кого она вас принимает. Как бы то ни было, поезд понесётся вперёд, наматывая со стуком километры на свои железные колёса.

Так он и сделал. Взял билет и сел в поезд. В окне купе поплыл назад, ускоряясь до полного исчезновения, перрон, заполненный лицами и машущими в прощании руками, но для него совершенно пустой – его никто не провожал в этот раз. Сидел, пил сладкий чай и смотрел в окно, вскакивая каждый раз, чтобы узнать, какая станция будет следующей. Понеслись мимо столбы, деревья, потом поползла, разворачиваясь, степь, принимая в себя ввинчивающийся со скоростью поезд. Когда стемнело, замелькали за окном вспышки огоньков, исчезая позади, словно в прошлом, а зажегшийся ночник излучал ожидание.

На исходе первых суток он рассказал два анекдота проводнице, а на исходе вторых вышел на перрон станции Безымянной. Это была она и не она. Едва он ступил на столько раз снившийся перрон, как двое рабочих, подставив лестницу, полезли снимать вывеску над маленьким вокзалом, и слова «Станция Безымянная» сменились другим, более конкретным названием.

– Ваши документы, – вежливо козырнул подошедший дежурный по перрону.

– Но почему? – удивился прибывший. – Разве я не приобрел безымянность, ступив на ваш перрон? Разве, эта станция не Безымянная?

– Увы, уже нет.

– Как же так? – беспомощно оглянулся на поезд, уносивший вдаль его ожидания. – Как же может так быть? Значит, все, что рассказывают о вашей станции, неправда?

– Видите ли, – вежливо объяснил полицейский, – всё, что вы знаете о бывшей Безымянной станции, – сушая правда. Но слишком уж много нашлось желающих поселиться здесь. С каждым днём поток приезжавших возрастал. Возле станции вырос целый городок, вы можете в том убедиться. И вот количество переросло в качество – станция Безымянная утратила свои необычные свойства и перестала быть Безымянной как раз в момент вашего прибытия. Возможно, вы и есть та последняя капля, переполнившая чашу возможной безымянности этого места. В любом случае нам нужно знать ваше имя, отчество и фамилию. Ведь ими будут названы главная площадь и улица нового города, родившегося с вашим появлением из станции Безымянной.

– Кажется, я всё понял, – вздохнул прибывший, протягивая свои документы. – Скажите, когда будет обратный поезд?

Он посмотрел на молодого парня в полицейской форме, читавшего его документы, на маленький облезлый вокзал, на серое небо над ним, зелень садов, окружавших станцию, не сознавая ещё, что и возвращаться-то никуда не надо, потому что здесь ждало то, от чего он уезжал.

В воздухе повис перестук молотков: на домиках, подступивших к железнодорожному полотну, вешали названия улиц нового города.

Мария ГОРОДЕНЦЕВА

Переводчик испанского языка, начинающий писатель. Публиковалась в нескольких иностранных журналах и антологиях короткого рассказа. Живет в Москве.

В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ Н.

– Маруся, принесите нам чаю! – манерно произнес Анатолий. – И не забудьте варенье, как в прошлый раз! Такая несообразительная муму-ка... – вполголоса сказал он гостю, лукаво улыбнувшись.

Когда чай был выпит, варенье скушано, а сигареты выкурены, Анатолий, как обычно, потёр свои маленькие толстые руки, крикнул от удовольствия и заодно проговорил: «А ну-ка! Посмотрим, что у нас тут!».

Он устроился в мягком кресле, под торшером с темно-красной бахромой. Посетитель же ерзал на неудобном табурете, предложенном ему вроде бы невзначай, но на самом деле игравшем очень важную роль в этом иерархическом представлении. Маруся тихо пряталась у полузакрытой двери, чтобы хоть тайно, но участвовать в процессе. И вот третий звонок – спектакль начался: Анатолий приступил к чтению.

Анатолий был довольно известным литератором. Ему нравилось представлять себя героем чеховских или купринских рассказов. В юности он даже пробовал играть в театре, но Мельпомена была к нему неблагосклонна, поэтому он с головой ушел в беллетристику, сохранив, правда, любовь к драме. Отсюда эти странные прозвища, обращения на «вы», и порядки в духе начала прошлого века. Но это были не единственные его достоинства: Анатолий был своеобразным филантропом, «человеколюбом и благодетелем», как он сам любил себя называть после пары рюмочек беленькой. Несмотря на свой занятой график, публичные лекции, деловые встречи и т. п., он два раза в неделю принимал у себя в кабинете – на том самом табурете – писателей, чтобы помочь им, так сказать, безвозмездно и от чистого сердца, в их литературном становлении. Принимал он исключительно молодых, ни разу не публиковавшихся авторов, с их ещё юными, такими свежими, непошлыми идеями и взглядами на жизнь, чьи произведения ещё не смердели от многолетних химерических сексуальных фантазий, порождённых беспробудным пьянством и импотенцией. Зрелые сочинители, с каждым годом уходявшие всё дальше и глубже в анналы своей иллюзорной юности, его не интересовали, как, собственно, и он их.

Маруся, все еще молодая полная женщина, долгое время его обоготворявшая, прилежно посещавшая все публичные мероприятия – будь Анатолий рок-звездой из шестидесятых, ее непременно прозвали бы группы, – с недавних пор всегда тайно присутствовала на этих чтениях. Замужняя жизнь быстро сняла пелену слепого обожания с ее глаз,

и она могла ясно, точно под микроскопом, видеть натуру своего супруга-творца. Сначала ей было сложно в это поверить, но с каждым разом убеждаясь все больше и больше, она поняла – ее муж вор и лжец.

Всё, что будет происходить в кабинете, ей было уже известно заранее: сначала Анатолий будет с выражением читать два или три рассказа, что принесло молодое дарование, потом будет минут пятнадцать ходить по комнате, курить и что-то бормотать себе под нос; молодой писатель же в это время будет сидеть тихо, еле дыша, низко опустив голову, словно ожидая казни, а затем – вердикт. Всегда неутешительный. Критиковать Анатолий был мастак, надо было лишь дать ему повод, а что сказать, он всегда находил.

Так случилось и тогда. Вся пунцовая, Маруся слушала, как Анатолий в очередной раз притворно успокаивал автора, пряча только что прочитанную рукопись в стол. «Очень плохо, я бы даже сказал паршиво, но вы не расстраивайтесь, вы так молоды, у вас все впереди». Ей было стыдно за то, что недели через две ворованный, чуть исправленный рассказ появится в каком-нибудь литературном журнале; за то, как он будет самодовольно улыбаться, читая критику и положительные отзывы, напевая под нос «каков дока́, мумука́...»; за то, как он будет ломать комедию перед каким-нибудь обманутым писателем, набравшимся смелости бросить, точно дуэльную перчатку, обвинения в краже прямо ему в лицо («Ну что же вы, голубчик! Ну где же это ваш рассказ? Если бы был ваш, вы бы уже давно прославились! Ну полно, всё ещё впереди, не дуйтесь и, главное, побольше пишите!») или смешивать с грязью особо недовольного («Милочка, во-первых, не кричите в моем доме, а во-вторых, вы, конечно, о себе слишком высокого мнения. Моя ошибка в том, что в прошлый раз я вас пожалел и не высказал все, что думаю о вашей бездарной и пошлой графоманской писанине. Пожалел ваши чувства, старый дурак, промолчал, а надо было сказать все как есть – знайте, за сорок пять лет писательской деятельности я не видел ничего более банального и скучного. Вам стоило бы запретить на законодательном уровне марать бумагу. Профан! Идите вон! Вам здесь больше не рады!») и т. п.

Дверь внезапно отворилась, и от неожиданности Маруся вздрогнула. После экзекуции молодой писатель выглядел жутко уставшим и бледным. Было видно, что ему нестерпимо хочется уйти из этого дома, но рука никак не продевалась в пальто, а ботинки, словно уменьшившись на несколько размеров, никак не хотели вмещать в себя обессиленные ноги.

В коридоре Анатолий на прощание пожал вялую руку молодого сочинителя, а потом обратился к Марусе: «Не заходите ко мне, дорогая! Мне нужно работать. И так столько времени потерял с этим вот...» Последнее было сказано шепотом, но таким громким, что его различили бы и в соседней комнате. Это была вишенка на торте, десерт, которым Анатолий обязательно угощал каждого визитера.

Потом он громко хлопнул кабинетной дверью, оставив Марусю наедине с писателем. Она помогла надеть тому пальто и дала шарф, про который он, кажется, совсем позабыл.

– А мне ваши рассказы очень понравились... – скромно заметила Маруся. – Особенно про собаку. Я бы на вашем месте...

– Да что вы понимаете! Мумука... – прервал он её, а затем вышел из квартиры даже не попрощавшись, оставив после себя лишь грязные следы в прихожей.

Татьяна АКИЛОВА

Родилась в 1994 году в селе Гагине Нижегородской области. Окончила Московский политехнический университет. Рассказы и миниатюры о природе публиковались в газете «Гагинские вести».

Живет в Гагине.

РОЯЛЬ

Подняв из лужи брызги, во двор въехал грузовик.

«Мало дождя что ли!..» – подумал Антон, стряхивая с брюк грязные крапинки.

Свернув зонт, он прошел через арку к дому.

Грузовик остановился, загораживая вход в подъезд.

«Что тут...» – не успел себя спросить Антон, как смутная догадка остановила его посреди двора.

Из квартиры на первом этаже вывозили рояль. Старый, обшарпанный, но полный достоинства и чистого звука, он с неохотой покидал дом, то задевая обо что-нибудь деревянной ножкой, то заваливаясь набок.

«Выше!.. Левее!..» – командовали рабочие громкими голосами.

Антон впервые видел этот рояль. В детстве, заглядывая в окна квартиры, он не находил инструмента и только слышал, как в открытую форточку льется музыка. Картину же, на которой пожилой сосед сидит и выводит из-под клавиш мелодию изящными движениями рук, Антон представлял в воображении. Но, морщась, почти сразу бросал ее, как грубую подделку, пропитанную шумом телевизора.

Рояль вынесли, поставили на асфальт.

– Какой же он тяжелый!.. – высказался кто-то из рабочих.

– Зато, как играет!.. Я слышал!.. – похвалился другой.

«Да!.. Я тоже слышал...» – и вся музыка, которую Антон слушал на протяжении многих лет, слилась у него в одну мелодию.

– А куда его увозят? – спросил Антон, подойдя к подъезду.

– Да в школу, музыкальную. Дядя Наумыч еще при жизни его подарил, – мужчина вздохнул, проведя рукой по лбу, – а мы вот теперь тут возимся...

– Так у него же дети и внуки есть? – продолжал Антон, покрепче сжав зонт рукой.

– И что? Они не знают, с какой стороны к этому роялю подойти... Внучка у него играет на скрипке. Ей рояль не нужен.

– Так такая старинная вещь... Семейная, – говорил Антон, поглядывая на протертый коричневый бок рояля.

– Наумыч не хотел, чтобы рояль простаивал без дела. Он говорил, что инструмент должен петь! Вот как!

– А вы?.. Вы откуда это знаете?

В голосе Антона послышалось что-то ревностное. Мужчина, прежде чем продолжить разговор, оглядел его с головы до ног и остановился взглядом на забрызганных грязью брюках.

– Я – Александр, – сказал и протянул руку, – дядя Наумыч с отцом моим дружил. Давно. Когда еще все они живы были.

Антон вздохнул, пожал протянутую руку. Он глядел на потемневшие ветки берез, на которых висели вместе с редкими желтыми листьями дождевые капли.

– Можем ехать! – бодро крикнули откуда-то из-за машины.

– Сейчас, – тут же отозвался мужчина, – ну!.. А ты чего интересовался-то?

– Да ничего. Я его сосед со второго этажа, – сказал Антон и неловко улыбнулся.

– До свидания, сосед!.. – сядясь в грузовик, мужчина махнул рукой.

– До свидания!..

Проводя взглядом грузовик, Антон зашел в тускло освещенный подъезд. Музыка, звучавшая в голове, стала громче.

В детстве Антону в ее звуках, которые иногда он старался отделить от мелодии, слышалась звенящая хрупкость. Такой хрупкостью трещит тонкий лед, которым по утрам в октябре сковываются лужи.

Антон не всегда замечал музыку. Но иногда ему казалось, что слышит он ее один. Сидя на скамейке, ожидая друга, он наблюдал за редкими прохожими. Все они шли, ни разу не оглянувшись, ни замедлив шаг, ни одна мышца не дрогнула на их лицах. Тогда Антону становилось грустно.

Когда несколько месяцев назад музыкант умер, странная надежда еще теплилась в душе Антона. Ему казалось, что с минуты на минуту он услышит, как хрупкая, чистая, словно льдинка, музыка проберется в комнату через форточку в квартиру или зазвенит во дворе, умиряя растрепанные ветки берез.

«Да!.. Жалко Александра Наумовича...» – подумал Антон, открывая дверь квартиры гремящим ключом.

ПТИЦА НА ОБЛАКЕ

На краю большого облака сидела птица. Коготками она впилась в белую плотную мякоть, а узловатые пальцы лап сомкнула кольцом на фиолетовом ободке. Очерченное чернилами облако слепило своей белизной.

«Откуда на небе чернила?..» – думал Антон, глядя в окно на волнение птицы. Та вздрагивала крыльями, вытягивала шею, но удерживая равновесие, продолжала сидеть на облаке.

«Кажется, там тоже ветер...» – вздохнул Антон, лежа на диване и не выпуская из виду птицу.

Он только что пришел с улицы, где ветер мел дорожки, поднимал в воздух песок, листья и прочий мусор. Все завсегдатаи двора – воробьи, синицы, коты, лохматый пес – попрятались, чтобы не встречаться с грубостью надвигающейся непогоды.

По дороге домой Антон поссорился со своей девушкой Наташей. Но теперь, глядя в окно, не мог вспомнить причину размолвки, будто тишина квартиры выместила из его головы шум улицы и все слова, произнесенные ими во время ссоры и, вероятно, не содержащие в себе никакого хорошего смысла. Антон только видел перед собой изумленное Наташино лицо, которое то и дело заслоняла птица.

«Как это?..» – думал он, глядя в окно.

Птица резко взмахнула крыльями, но не улетела. Ее острый клюв показывал куда-то за крыши соседних домов. И Антон вспомнил ту минуту, в которую разговор с Наташей стал превращаться в ссору.

Это была солнечная, пронизанная пыльным ветром минута. Антону приходилось жмуриться и идти полубоком, чтобы видеть Наташино лицо.

– Значит, ты тоже считаешь, что фотография – это несерьезно?

– Да я не то хотел сказать!.. Ты не так поняла меня! – тут ему в глаз попала соринка, он остановился, невольно изругавшись.

– Я вижу!.. Уж от тебя-то я никак такого не ожидала!.. – и, поправив солнцезащитные очки, она ускорила шаг.

– Да подожди ты!.. – потирая глаз, Антон поспешил за ней, но увидел только полу плаща.

Наташа села в такси, будто пригнанное ветром, и уехала.

Антон вздохнул, перестав жмуриться. Солнце пропало, очерченный чернилами контур облака стал размываться. Чернила впитывались в белую мякоть, которая стремительно наливалась синевой, превращаясь в тучу.

Фотографии, которые делала Наташа, нравились Антону.

– Вот эта особенно классно получилась!.. – не раз искренне говорил он ей, сейчас вспоминая свои слова.

С застывшей улыбкой на лице, он увидел, как вспорхнула и улетела птица. Ветка рябины, еще не зазеленевшая, выпрямилась и вздрогнула. На стекло упали первые крупные капли дождя.

ДЛИННОХВОСТАЯ СИНЦА

Послышался мягкий треск и скоро стих. Тут же снежным комом что-то вылетело из глубины леса, точно кто-то собрал в чащобе последнюю горсть снега и кинул ее на опушку, на самый солнцепек.

Снег рассыпался и превратился в пару длиннохвостых синиц. Одна синица прицепилась к ветке черемухи, другая, мелко и часто перебирая крыльями, подлетела к сырому руслу ручейка.

Русло тянулось от колодца и было устлано прошлогодними листьями черемухи и клена. Вода по нему не текла, но просачивалась из отверстия в бетонном кольце и скапливалась лужицами на мокрых прижатых друг к другу листьях. Склеенные водой, листья делались плотными, не рассыпались, как сухие, не давали воде полностью впитаться в землю.

В такую лужицу – кленовую ладошку – села длиннохвостая синица. Она стала пить из нее чистую воду, а напившись, принялась умываться. Потом, вспорхнув, уселась на облитую солнцем ветку и стала сушить пуховые перышки.

Как снежные колибри, перелетали синицы с ветки на ветку. За ними с куста орешника наблюдала желтогрудая синица, прилетевшая на опушку из прозрачно-солнечного леса.

Мягко потрескивали крылья, мелькали пушистые головы, длиннохвостые синицы оставляли залитые солнцем ветки и терялись в еще голлом лесу. Желтогрудая синица осталась одна. Но скоро и она улетела, оставив солнечную опушку редким первоцветам, шмелям и пчелам.

Александр БОНДАРЬ

Родился в 1962 году в Читинской области. Служил в армии, окончил исторический факультет Уральского государственного университета. Юмористические рассказы печатались в «Клубе 1 апреля» газеты «На смену!». Печатался в журнале «Урал». Живет в Екатеринбурге.

У АНГЕЛА-ХРАНИТЕЛЯ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВЫХОДНЫХ

Я подошел к перекрестку. Замигал зеленый свет. Перекресток был большой и сложный: несколько полос, поворот налево, поворот направо, разворот, машины долго заканчивают маневр. Я остановился. Со всех сторон не спеша подходили люди. Я повертел головой. К перекрестку направлялась семейная пара: красивая, стройная, хорошо одетая женщина лет 40-42 с коляской и ее муж – высокий, чуть седой, с кожаным портфелем в правой руке. У мужа был растерянный вид; такой, знаете, откровенно растерянный. Женщина посмотрела на ребенка в глубь коляски, потом протянула руку и что-то там поправила. Потом достала бутылочку с молочной смесью и покормила, но недолго. Муж, на котором лица не было, попытался взять ее за рукав пальто, но она резко одернула руку. У мужчины выпал телефон на мокрый асфальт, но он не заметил. Сразу несколько человек кинулись к нему – подсказать. Мужчина поднял смартфон, никого не поблагодарив. «Поругались», – автоматически отметил я, сам имея семейный стаж 15 лет. Женщина подошла к пешеходной «зебре» и встала рядом со мной. Я посмотрел на коляску.

В коляске лежала девочка с голубыми немигающими стеклянными глазами.

Проехавшая машина, торопясь на желтый свет, чуть не обрызгала нас грязной волной. Все дружно сделали шаг назад.

Такие куклы, удивительно похожие на настоящего ребенка, называются реборн – рожденный заново: тело из винила, а волосы – тонкий мохер.

Женщина повернулась ко мне и, увидев, что я смотрю на коляску, улыбнулась: «Вы знаете, когда на улице очень холодно, у нее на щеках появляется румянец. Правда-правда... Но вот муж, представляете, мне совсем не верит...».

ВСТРЕЧА В ПОДВОРОТНЕ

Я уже подходил к дому. Было около одиннадцати часов вечера. Сейчас пройду через арку – и...

Навстречу мне медленно двигался здоровенный детина в плаще, шляпе и в стильно завязанном шарфе в крупную клетку. Сблизившись со мной, он перегородил дорогу.

Мы постояли секунд пятнадцать, помолчали.

– Деньги есть? – наконец без приветствия поинтересовался мой собеседник, глядя на меня сверху вниз.

– Добрый вечер, – ответил я. – Нет, денег не имеется.

Детина ухмыльнулся.

– Добрый, говоришь, вечер?

– Да, – ответил я. – Обещали дожди и похолодание, но, как видите... Теплый ветерок. И на небе – ни облачка за весь день.

– А как ты живешь без денег-то?

– Нет, я живу с деньгами. Но вас же наличие купюр в моем бумажнике в данный момент интересует?

Мой визави внимательно посмотрел на меня, соображая, не издеваюсь ли я над ним.

– Интересует, – осторожно согласился он.

– Вот. Извините, но ничем, к сожалению, не смогу вам помочь.

Детина вытащил из кармана свои огромные, как булыжники, кулаки, намереваясь, наверное, ударить меня. Постоял, посмотрел – и передумал.

– Ладно... – сказал он и прошел мимо меня, удаляясь.

Я повернулся к нему:

– Стойте.

Мужчина остановился и заторможенно повернулся ко мне.

Я достал кошелек. Вытащил купюры.

– Возьмите 4.000. Я обманул вас, сказав, что у меня нет денег.

Детина медленно приблизился ко мне.

Впился глазами в банкноты. Но братъ не спешил.

– Зачем вы их отдаете? Вам что, не нужны деньги?

– Как не нужны? – возмутился я. – Что вы такое говорите! Я не олигарх. Живу от зарплаты до зарплаты. Плачу кредит. Экономлю как могу.

Сбоку подошла ворона и удобно расположилась на согнутой водосточной трубе. Держа в клюве семечку, она наблюдала за нами, ожидая боксерского поединка.

– ...Ну? – он облизал губы, глядя мне в глаза.

– Я вам соврал, сказав, что у меня нет с собой денег. А я никогда не обманываю. Такая привычка. Принцип такой в жизни, понимаете?

– Вы что, хотите сказать, что никогда не обманывали? Например, своего начальника?

– Зачем? Подвести человека? При этом, вероятно, потерять работу? Ну, сами подумайте.

– Вы женаты?

– Конечно.

– И что, вы никогда не обманывали свою жену?

– Вы издеваетесь? Обманывать человека, с которым делю кров и пищу, воспитываю ребенка? Врать человеку, который провожает меня каждое утро на работу поцелуем?!

– Я не имею ввиду измену... Так, какие-нибудь мелочи...

– А какой смысл лгать по мелочам?

Возникла небольшая пауза.

– Логично-о, – неуверенно протянул детина. – Но все это выглядит неправдоподобно...

– Почему? Вот я вам отдаю купюры. Мне неловко, что я обманул. Купюры настоящие. Все правдоподобно.

Мужчина осторожно взял у меня две банкноты, проверил их на свет, подняв вверх. Вернул мне обратно.

– Слушайте... – сказал я угрожающе раздувая ноздри. – Будете брать?!

Он высморкался в носовой платок и честно признался:

– Что-то не хочется.

– Нет, так дело не пойдет. Вы спросили у меня, я соврал. Извинился. Бывает. Давайте берите и идите, куда шли. Уже поздно, у меня жена начнет волноваться. Я лучше отдам эти четыре тысячи, чем впервые совру. Деньги я еще заработаю, не проблема. Выйду в субботу на четыре часа, посижу за компьютером, делов-то...

– Вы знаете, – сказал детина, – я с детства подворовывал в магазинах, отнимал деньги у сверстников – я был здоровый парень...

– Я заметил это.

– ...и мама всегда говорила мне, чтобы я не занимался разбоем. Она сейчас болеет, а я нет-нет да и вспоминаю свои былые замашки. Надо прекращать. Обещаю вам, что с этого дня больше никогда не буду заниматься грабежом и воровством. Клянусь. Мне нужен кто-то, кому бы я сказал это. Мне нужен свидетель, чтобы я не возвратился к своим прежним...

Я спрятал банкноты в бумажник.

– Желаю удачи.

– Взаимно.

Мой собеседник медленно развернулся на одной ноге и направился к выходу из арки. Ворона разочарованно каркнула ему вслед.

Я пошел в обратном направлении.

Моя мама с детства учила меня никогда не врать. Его мама просила не связываться с криминалом.

Хорошие все-таки у нас мамы.

К мамам нужно обязательно прислушиваться.

МАТЧ СОСТОИТСЯ В ЛЮБУЮ ПОГОДУ

Наше существование – это спортивное мероприятие, когда в финал выходят твоя жизнь и твоя смерть.

Соперники достойные. Иногда кулак пролетает в миллиметрах от твоего виска. Долгое время ты не даешь смерти никакого шанса, виртуозно уклоняясь. Упав, вскакиваешь снова на ноги. Заболел – лечишься.

И когда ты сделаешь все, что ты должен сделать в жизни, ну или почти все, ты улыбнешься широкой улыбкой счастливого человека. Ты испытал сумасшедшую любовь, взлет, достаток, творческую реализацию, чудовищное предательство, бедность, мгновенно переходящую в нищету, опять любовь и, наконец, легкую мудрость. После этого победа смерти становится ее оглушительным поражением: она не смогла воспрепятствовать тебе прошагать по жизни, она не сумела помешать тебе переплыть реку. Пусть довольствуется остатками, останками, ошметками.

Пусть.

Вот тогда всемогущая смерть становится откровенно жалкой, беспомощной и проигравшей.

Смерть пришла в кафе на твой день рождения, на юбилей, а все гости уже разошлись; на столе в тарелках лежат только косточки, дымящиеся окурки и мятые салфетки.

Ей ничего не досталось!

И сидит она одна, с краю длинного стола, потерянная, подперев голову костлявой рукой, пока уборщица баба Даша не прогонит ее шваброй.

Победив тебя, прошедшего свой путь, смерть ничего не выиграла. Только подвела итог.

Но это ты способен сделать и без нее.

Вячеслав ЛЯМКИН

Родился в 1981 году в с. Павловске Алтайского края. Окончил Барнаульский государственный педагогический университет и Бийский техникум лесного хозяйства по специальности «техник-лесовод». Работал учителем в школе, слесарем, лесником. Технический редактор журнала «Бийский Вестник».

Печатался в журналах «Сибирские Огни», «Алтай», «Культура Алтайского края», «Бийский Вестник», «Приокские зори», «День и ночь», «Подъём». Автор книг прозы «Хмель у дороги», «К своей земле», «Конь с горы Бабырган», «За кромкой бора». Лауреат Православной литературной премии имени святителя Макария, митрополита Алтайского, и других литературных конкурсов.

Живет в Бийске.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Уже второй день за околицей у речки надрывно лаяла собака. Временами скулила.

– Опять занялась! – Костя вышел из дома на крыльцо и, подставив лицо весеннему апрельскому солнцу, прислушался.

– Может, охотничий пес зайца облаивает? – предположил сосед Андрюха, подрядившийся к Константину подсобным рабочим на его частное подворье.

– Да нет, на одном месте всё толчется. Съезди, посмотри, чего он там, – попросил Костя соседа.

Андрюха прыгнул на мотороллер, на котором возил воду для коров, и уехал. Вернулся минут через тридцать.

– Пёс там цепью намотался вокруг вербы, стоит, как цуцик трясется, весь в воде уже.

– Отвязал его? – спросил Костя.

– Я к нему, а там вода уже по верхнему льду пошла, опасно. Провалиться можно.

Костя знал, что Андрюха немного трусоват и, если дело рискованное, он не сильно разгонится.

– Вода большая? – спросил Костя.

– Прибывает. По щиколотку будет.

Костя надел резиновые сапоги, сел на мотороллер.

– Садись! – крикнул Андрюхе, поворачивая ключ зажигания. – Посмотрим, что там.

В начале деревни – длинный пологий склон. На верхушке склона – плотной стеной сосновый бор. Ветром семена разносит по округе, поэтому по склону поднимается метровая поросль сосняка, быстро набирающая силу на песчаной почве.

У подножия склона журчит речушка. В лето её можно спокойно перейти вброд – глубина максимум по колено, а вот весной она разливается, подпёртая с двух сторон пологими буграми, и, наполняясь талой водой, подтапливает огороды и сарайки.

Проехали вдоль реки. Местами берег зарос островками вербы. Лёд ещё не тронулся, не сорвался, не раскидало его по бережку, но вода уже пошла верхом, прорвав где-то выше по течению ледяной панцирь.

Выехали на пологий, чистый от кустарника бережок и сразу на противоположной стороне увидели нарушителя тишины.

Небольшой кобелёк чёрно-белого окраса сидел в воде и когда делал попытки вырваться, сорвать с себя ошейник, то заливался в каком-то пронзительном лае-визге. Когда попытка заканчивалась безуспешно, он остервенело рвался вперёд, цепь, удерживаемая кустами вербы, натягивалась, словно струна, ошейник сдавливал гортань, и пёс, отброшенный назад, заходил в хрипе.

Завидев людей, он замер, поднял уши и, вдруг сообразив, звонко залаял в надежде, что на него обратят внимание.

Костя его разглядел: белые передние лапы, на груди белый галстучек и одно белое ухо, остальное все чёрное. Хвост колечком, уши наострил, но держался молодцом, хоть весь промок и продрог и трясся от холода. Ещё чуть потеплеет, вода прибудет, коснётся его брюха, а там к вечеру или помрёт от переохлаждения, или понесёт течением и придушит.

– Тебя как сюда занесло, дурёха? – удивился Костя, осторожно заходя в воду.

Сделал шаг, второй и вдруг почувствовал, как пошёл волной под ногами лёд. Костю бросило в жар. Шаг за шагом, прощупывая лёд ногой, стал продвигаться вперед.

Пёс замер, будто понимая – опасно. Но в следующее мгновение не вытерпел, залаял пуще, закрутился на месте, словно въюн. С каждым таким витком цепь становилась всё короче.

– Успокойся! – строжился на него Костя, почувствовав, как вода зачерпнулась в сапог. – Теперь уж не брыкайся. Раньше надо было думать.

– Осторожней, Костян! – крикнул Андрюха с берега. – Палку возьми! Вдруг бешеный. Цапнет – будут уколы в живот ставить.

– Не цапнет. По глазам вижу, умный, – ответил Костя и продвинулся ещё на пару метров.

Кобелёк заскулил, переминаясь с ноги на ногу. Уши то прижимал к голове, то поднимал. И стоять уже не мог – то и дело садился на задние лапы, а потом, собравшись с силами, дёргался, поднимая кучу брызг.

– Подожди, дурёха! – Костя продвинулся по льду ещё ближе к псу. – Скоро будешь на свободе.

И вот Костя совсем рядом. Осторожно протянул руку, чтобы погладить кобелька, но тот тихо зарычал.

– Вот так новость! Я к тебе с добром, а ты на меня рычишь. Не стыдно тебе, дружок? Смотри, я же обижусь, домой уйду.

Кобелёк вильнул хвостом и снова крутанулся на триста шестьдесят градусов вокруг своей оси.

– Ну что, будем дружить? – улыбнулся Костя.

Кобелёк натянул цепь, которая основательно намоталась за кусты, встал на задние лапы, передними уперся в ногу спасителя и дал себя погладить.

– Другое дело! Что жалуешься? Вот тебя, брат, угораздило попасть в такую передрыгу. Понимаешь же, что к чему. То-то!

Костя взялся за ошейник, нащупал упавшую под воду цепь, отсоединил её от ошейника и поднял пса на руки. Кобелёк, прижав уши, весь дрожал, вода лилась с него ручьём по спине на хвост и с хвоста стекала в речку. Но пёс так и не изменил себе: повёл носом, принюхиваясь к спасителю, а после, положив морду на Костино плечо, всё равно продолжал тихо рычать, как бы говоря: это вынужденная мера, а так меня на руки ещё никто не брал.

Удостоверившись, что опасности никакой и рычание у уха – это больше не рычание, а ворчание, Костя пошёл к берегу. Шаг за шагом, снова прошупывая каждый метр. До берега оставалось совсем недалеко, как вдруг почувствовал сильное колебание льда. Следом предательски послышался треск. В ту же секунду понял, что уходит вниз, на дно. Благо в этом месте по пояс. Но и этого хватило, чтобы вся одежда промокла насквозь. Тело обожгло ледяной водой, и ноги начали неметь от холода. Пришлось поставить кобелька на лёд, чтобы освободить руки. Дурёха рванул по воде на сушу, на берегу отряхнулся, посмотрел на Андриюху, потом на своего спасителя и метнулся в сторону деревни, скрывшись за косогором.

Пару раз Костя пытался вылезти на крепкий лёд, но край обламывался. На третий раз получилось. Когда выбрался из воды, его трясло, как того кобелька. Андрияха, чтобы не быть совсем безучастным, скинул с себя куртку, накинул на Костю:

– Лишь бы воспаление сейчас не схватить! – заметил он, помогая Косте стягивать сапоги.

– Лёд совсем тонкий! – немного отойдя, сказал Костя и кивнул Андриюхе, чтобы тот садился за руль.

Дома Костя переоделся, заварил горячего чая с мёдом, погрел ноги в тазике с горячей водой.

Андрияха крутился рядом.

– Стопарик самогона с перцем нужно обязательно бахнуть, – давал он «народные» советы.

Но Костя был категоричен:

– Сейчас лесник приедет, нужно будет в лесхоз сгонять, горбыль деловой выписать. Нынче пару загонов нужно ещё сделать.

Вскоре приехал лесник Серпянов, да не один – по пути подобрал бригаду вальщиков. Мужики вышли покурить. Костя их уже ждал и, пока стояли, рассказал о сегодняшнем приключении. За беседой не заметили, как из-за дома выглядывала любопытная чёрно-белая мордаха. Кобелёк метнулся к Косте, но, испугавшись незнакомых людей, убежал.

А потом и вовсе лёг у крыльца и стал ждать своего спасителя.

Но Костя вечером так и не приехал. Ему позвонил старший брат Серега, работающий на КамАЗе, и сказал, что сломался у села Мамонтово. И Костя, заехав в магазин и купив нужные запчасти, повёз ему.

Пока был в дороге, звонила жена, которая была уже в курсе сегодняшнего случая.

– Тут тебя ждут. Скребёт лапой по крыльцу, скулит. Сядет у крыльца и смотрит на дверь, – рассказывала она.

Костя улыбнулся, вспомнив, как спасал бедолагу.

Всю ночь они провозились с КамАЗом. К утру починили. Только в обед Костя приехал домой. Андрияха управлялся во дворе, и Костя, крикнув ему, что приехал, завалился спать.

Проснулся ближе к вечеру. Андрюха уже собирался домой.

– Настырный какой! Ждет тебя не дождётся, – сказал он. – Прибежит, сядет у крылечка и скулит. Так раза четыре на дню. Ничего не ест. Понюхает, и всё. Только недавно убежал.

Костя успел немного перекусить и выпить чаю, как у дома раздался звонкий лай. Костя оделся и вышел на крыльцо. Дурёха кинулся к нему в ноги, заластился, завилял хвостом, поднялся на задние лапы и облизал Костю своим тёплым шершавым языком. Костя присел на ступеньки, потрепал кобелька по загривку.

– Ну что, дождался? Отблагодарить пришел, дурёха. Знаю.

В ответ кобель лизнул Костю в нос и прижался к нему, затем положил морду на его плечо и закрыл глаза. Костя заулыбался и, глядя его по жёсткой чёрно-белой шкуре, думал: «Такие искренние, такие настоящие, без подделки бывают только дети и животные». Кобелёк снова лизнул Костю в щёку. Косте показалось, что у «дурёхи» человеческие глаза. Так смотреть на него мог только человек.

Так они просидели минут десять. Потом «дурёха» вырвался из Костиных объятий, озорно сделал забег вокруг дома и снова остановился напротив Кости. Смотрел на него своими серо-голубыми глазами доверчиво, с благодарностью. Понимал своим собачьим умом, что бы произошло, если бы Костя его не спас, потому и благодарил. И мог это сделать только по-собачьи. Покрутился у ног, ещё раз облизал Косте руки и, заглянув на прощанье в глаза спасителю, наконец-то сорвался с места...

Остановился только на взгорке, перед молодым пушистым сосняком, оглянулся и звонко залаял. Прощался. Костя помахал ему рукой. «Дурёха» завилял хвостом и исчез из виду.

Больше Костя его не видел, так как у «дурёхи» был хозяин и он хозяину был предан по-собачьи...

Владимир ШАМОВ

Родился в 1971 году в городе Новодвинске Архангельской области. Окончил Костромскую государственную сельскохозяйственную академию по специальности «промышленное и гражданское строительство», однако позже увлекся литературой.

Этнограф и краевед. Исследует древние мифы, легенды и обычаи народов Северо-Восточной Руси. Пишет рассказы, повести и романы, многие из которых основаны на фольклорных мотивах.

Живёт в Костроме.

ХОЛОДНЫЕ СТЕНЫ ДАЛЕКОГО СЧАСТЬЯ

Понимаю, что я нежить, я не человек, но если вы думаете, что уютиться в холодном сыром углу, укрываясь одеялом из гнилой соломы, — это нормально для такого как я, вы глубоко, очень глубоко ошибаетесь! Многие сравнивают домовых с крысами, называют приживалками, но разве мало мы делаем для вас, люди? А кроме того, мы тоже привязываемся, привязываемся и любим. Согласитесь, в этом мире не так много духов, которые могут ужиться с человеком... И вот теперь я замерзаю под обвалившейся крышей у столетней стены, расчистив от снега место в углу погибшего дома. Смотрю на мёртвую печь, за которой ещё совсем недавно я грелся и нежился в сухости и спокойствии, и медленно погибаю в полном забвении на краю заброшенной деревни.

Когда у хозяев родилась дочь, отец, работающий и справный мужик, срубил большой новый дом. В колхозе ему как почётному труженику выделили сорок кубов леса. Правда, председателя потом сильно ругали в сельсовете за самоуправство, но в конце концов все согласились поощрить фронтовика и ударника труда премией в виде лесоматериала для нового дома. Так отец маленькой Насти вместе с товарищами за лето поставили и дом, и печь. Все сделали правильно, и закладочные пили, и монету под угол положили. Из старой избы меня переманили, а в новом доме хозяйка сразу краюху хлеба под печь положила, и я прижился. Настя росла на моих глазах.

Как-то ночью пришла в дом лихорадка, чтобы уморить семью. Я прогнал старуху, но, убегая, она задела девочку своим саваном. Что делать?! Я взял немного сажу из печи, намазал девочке лицо и стал выть. Семья проснулась, и мать сразу всё поняла. Раз домовый воет, а у Настеньки лицо испачкано, значит, беда с ней случится. «Вези, — говорит она мужу, — утром девочку нашу в районный центр к врачу». «Как же так, ведь не болеет она», — отвечает отец. Но всё же повёз — попробуй жене перечить! А на полпути у Настеньки жар и случился.

Повезло вовремя приехать, спасли её. Да и наша лошадка Звёздочка резвая была. Я ведь и за ней присматривал.

Потом Настенька повзрослела, и пришли в наш дом сваты. Подошли к печи, под которой я спал, и стали заслонкой греметь, потом уселись на положенное место. Вышел к ним хозяин, и начали они Настеньку торговать. Потянулся я, зевнул, прокрался под стол и связал им шнурки на ботинках – нечего в деревне форсить. Сваты потом упали оба, но не обиделись на мою проказу. Так пристроили Настю к хорошему парню, родился у них сынишка, а назвали его Степаном. Очень часто приходила Настя с сыном в родительский дом.

Вот тогда-то и стали появляться в деревнях телевизоры, которые показывали крестьянам городскую жизнь. И когда вырос Степан, отправился жить в город. А спустя несколько лет и Настя пришла прощаться: «Сын человеком стал, мать не бросил, в городе жить будем». С тех пор они приезжали редко, в последние разы уже на машине вместе со Степиной женой Леной. Помогали старикам.

Потом умер дед-ветеран – хозяин моего дома, следом и бабка его. Дом заперли, и я остался один. Но я знал, что Настя, Степан и Лена вернутся. И они действительно приехали через несколько лет, но Насти с ними не было, а была маленькая девочка, очень похожая на Настю. Звали её Лиза. Они протопили сырой дом и, хоть Лену не устраивали условия, решили провести здесь отпуск. Я ликовал, снова грелся у печки и заботился о людях.

И вот однажды, когда Степан и Лена были на реке, я услышал крик Лизы. Выглянул в окно и увидел, как двое мальчишек, что приезжали к старикам из соседнего дома на лето, догоняют нашу девочку. Подбежав к дому, она запустила руку под старое ведро, где обычно хранился ключ от замка, но поняв, что не успеет открыть, бросилась в сарай, запахнула ворота и стала тянуть их на себя. А хулиганы оказались сильнее, они прижали девочку к сеновалу и стали угрожать: «Кого это ты обозвала дураками?! Сейчас мы тебя закопаем в этом вонючем сарае». Они заломили Лизе руки, повалили на землю, а один из юных садистов поставил свою грязную ногу прямо ей на лицо.

И тут я показался, хотя обычно нам этого делать нельзя. Один из мальчишек заорал так, что услышали в соседней деревне, и кинулся бежать, а второй не смог сойти с места. Пару мгновений он стоял и смотрел мне в глаза, а потом потерял сознание. Его привели в чувство вернувшиеся Степан и Лена. Лиза убежала, но потом я увидел у печки блюдце с молоком. Я жадно пил, ведь нет ничего вкуснее хозяйского угощения. Лиза всё поняла. Баба Настя, когда была жива, поведала ей историю о домовом, который некогда спас её от смерти.

Рассказ одного из хулиганов:

Мы просто стояли в сарае с Лизой, а потом наверху что-то зашипело. Я посмотрел туда и увидел огромного отвратительного извивающегося червя с руками, покрытого шерстью. У него были зелёные глаза, которые светились в темноте, и страшный рот с языком. Это чудовище было похоже на огромную толстую мохнатую змею, которая вылезла из сарая, чтобы нас укусить. Больше я ничего не помню, всё вдруг стало темно.

Через месяц они уехали. Загружая вещи в свой красивый автомобиль, они решили, что приедут снова через пару лет, потому что следующий отпуск Лена хотела провести за границей.

И я стал ждать. Через три года старая крыша по весне обвалилась от тяжелого снега, и дом принял нежилой вид. А летом Степан, Лена и подросшая Лиза приехали в деревню. Они посмотрели на несчастный дом, и Лена решила, что больше приезжать сюда не стоит, ведь у них есть новая хорошая дача. К тому же в деревне уже почти никто не живёт. Последней в машину села Лиза. Она долго смотрела в окна нашего дома, а я смотрел на неё. Всё... Их новый автомобиль скрылся за поворотом, и я понял, что остался один.

Прошло несколько лет, и наша деревня полностью опустела. Но как-то летом я увидел во дворе людей. Все моё существо возрадовалось: «Неужели у меня будут новые хозяева!». А они отодрали с окон наличники, вытащили из сарая прабабкину прялку и ещё кое-какие вещи, погрузили всё это в свою машину, потом прошлись по другим домам и уехали. И тут я завыл, и такой же вой раздался из соседних домов.

Посмотрите на меня – я расчистил от снега угол и сижу, укрывшись соломой. Я понимаю, что я не человек, но почему тогда мне кажется, что я умираю. Почему?

КОГДА ТЕБЯ ЗАБЫВАЮТ

Пошла Зинка (молодая красивая баба) на реку бельё полоскать и вы-полоскала большой пузырь. Испугалась и как закричит:

– Христе, Сыне Божий!!! Ты кто?!

– Я Пузырь счастья!

– Как же так?!

– А вот так. Бери меня к себе, корми, заботься обо мне, и будет тебе счастье. Так уж я устроен. Когда-то давно меня счастливая баба на реке забыла, с тех пор я один, пью воду и ем, что придётся. И холодно мне, и голодно, и песенки не с кем попеть.

– Да ты ж мой хороший! А то я уж много лет страдаю несчастной любовью к отцу Терентию и ничего поделывать с собой не могу.

– Тогда бери меня в кузов да неси домой.

Посадила Зина Пузырика в кузовок и принесла домой. Усадила за стол, пирогами с брусникой угостила, песенки с ним попела – хорошо стало жить Пузырику. И через какое-то время стало к бабе счастье приходить. Первым делом нашла она на дороге кошелёк с деньгами – видно, барин какой-то проезжал да обронил. Ну что теперь, не искать же ротозея? Прикупила Зина одежды, румян, белила, помаду, шляпки и туфли и стала на барыню похожа. И вот начали к ней мужики свататься. Но Пузырь ей не велит замуж идти, мол, жди суженого, и всё тут.

Ехал как-то мимо села мещанин Копылов и влюбился в Зинку. И стал каждую неделю ей подарки возить. А сам он был красавец писанный. Что же делать, ведь любила она отца Терентия?! Пошла баба на поповский двор и видит, как батюшка со своими свиньями возится. «На кой ляд он мне нужен?» – подумала молодуха и разлюбила попа. И пошла Зина за мещанина Копылова, но как с Пузыриком быть, ведь её в город жить позвали, не везти же с собой это чудо?!

– Да на что он нам? Все пироги съел! Снеси его в лес да оставь на пенёчке, – сказал Копылов.

И вот как-то утром говорит Зина Пузырику:

– Давай с тобой, моё счастье, по грибы пойдём.

Обрадовался Пузырик и стал хозяйку целовать, ведь он к тому времени очень привязался к Зинаиде. Прыгнул в лукошко, и пошли они в лес. Придя в щедрошник*, баба достала Пузырика из кузовка и посадила на пенёк:

– Сиди здесь и никуда не ходи, я грибы соберу, и ты у меня на заку-корках домой поедешь.

И стал Пузырик ждать, а хозяйка побежала домой – там уже мужёнок вещи собрал. Прыгнули они в рессорную коляску и уехали в город. А Пузырик всё сидел на пенёчке и ждал. Сначала день, потом дру-гой: «Уходить-то не велено». Потом он очень захотел есть и покатился к бруснике. Съел немного ягод и снова на пенёк. А хозяйки всё нет.

* Лес, роща.

«Видно, пока я бруснику ел, она приходила и не нашла меня! – корил себя Пузырь. – Не буду больше есть ходить». И просидел так ещё несколько дней. Тут дождик пошёл, и Пузырик ловил ртом капли, потому что очень хотел пить. Он почти не спал, чтобы не пропустить хозяйку, а всё твердил: «Уходить не велено, уходить не велено».

Не знала Зинаида, что Копылов гулящий был! И вот, придя с ярмарки, застучала она его с соседской служанкой, собрала в сердцах вещи и поехала домой. Подойдя к калитке, вспомнила про Пузырика и, не заходя в дом, побежала в лес. И видит тот самый пенёк, а рядом с ним лежит Пузырик – бросилась она к нему!

Пузырик открыл глаза и прошептал: «Хозяйка». Наконец-то он дождался! Ведь он знал: главное, не уходить, и тогда хозяйка его обязательно найдёт.

– Хочу в кузовок, – прошептал Пузырик и тихо умер.

Ольга КОСОВА

Родилась в Кстово. Нижегородская область. Окончила Горьковский педагогический институт иностранных языков, преподаватель французского и английского языков. Работает в Центральной библиотеке им. А.С. Пушкина в Кстово.

Автор четырех сборников стихов и книги прозы. Публиковалась в журналах и альманахах. Лауреат Всероссийского фестиваля иронической поэзии «Русский смех» (Кстово, 2022) и других литературных конкурсов.

Живет в Кстово.

ВРЕМЯ ЛЕЧИТ

Господи, за что Ты так со мной? Ну почему? Почему? Чем она лучше меня? Я умная, с высшим образованием, хорошая хозяйка и мать. У меня всегда чисто, обед на плите, дети накормлены. Я вяжу, пеку пироги, а он после тринадцати лет брака ушёл к своей секретарше! И ведь как оскорбился: «Не секретарша, а секретарь!»

Да нет, милый, именно к секретарше (такое слово есть, я специально в словаре посмотрела), а сейчас скажу, что не к секретарше, а секретутке!

А может, она его опоила чем, приворожила. К бабке, что ли, какой сбежать? Надо у людей поспрашивать. У людей... Что люди-то скажут? Какая жена стерва оказалась, что муж от неё и двоих детей к другой бабе ушёл? Всем известно, что от хороших жён мужья не уходят. Что же теперь обо мне думать будут? И ладно бы он ушёл к молодой и красивой. А то ведь моя ровесница. И детей тоже куча. Господи, пусть он сравнит и увидит, какая я хорошая, пусть вернётся. Всё прощу. Ни разу не вспомню, что когда-то бросил. Полное доверие, внимание, забота.

Гад какой всё-таки! Ведь чувствовала, что что-то не то. А он дурой меня выставлял, голову лечить советовал. Мол, на работе и в доме ни один мужик гадить не будет.

Ой, какая же я несчастная!

Не пойму, что случилось. Ведь любил. Это я точно знаю. Так что всё-таки случилось? Я ведь всё та же, прежняя, не изменилась. Или изменилась?

Ну да, в парикмахерскую надо было почаще ходить, нарядов прикупить.

А на какие шиши? Вон ремонт никак сделать не можем, лишних денег нет.

Или не хотим? Кстати, о ремонте. Надо будет с алиментов откладывать, ремонтом заняться. Или не надо? Наживётся там с чужими детьми, домой вернётся, а дома всё по-прежнему, как и не уходил.

Или всё-таки сделать? Придёт, а у нас всё чистенько, хорошо.

Господи, подскажи, как лучше?

Сдохнуть, что ли? Пусть помучается, что это всё из-за него. Поплачет, может... Может, да, а может, нет. Через месяц-другой и не вспомнит, поди, как меня звали. Будет с новой женой радоваться. Детей опять же... Так, стоп! Детей... Им-то за что всё это? Ещё один стресс? Нет, надо взять себя в руки. Время лечит. Запишусь в какую-нибудь секцию, где не только женщины. Значит, не на аэробику и не крестиком вышивать. Пусть увидит, скотина, что и ко мне мужики клеятся. Пусть увидит, что потерял. Может, напиться с горя? Тост опять же хороший вспомнила: «Пусть плачут те, кому мы не достались, пусть сдохнут те, кто нас не захотел!»

Опять двадцать пять. Да откуда он узнает? Всё, забыть, выкинуть из головы. Правильно говорят, что пока стакан заполнен водой, вино туда не войдёт. Надо старое содержимое вылить. Да как вылить-то? Если душа болит! Кот два месяца в семье поживёт и уже родной. А тут столько лет с мужем жили. Да, мой муж говно, но ведь своё, родное. Как же я теперь одна буду? Я даже каналы на телевизоре настроить сама не могу. С техникой вообще не дружу! А если сломается стиральная машина или унитаза, что делать буду?

О чём я? Я переживаю, что меня разлюбили или что без мужских рук останусь?

Врут всё психологи. Говорят, что муж от слабой женщины никуда не уйдёт. Инстинкт остановит, что она без него пропадёт. Поэтому зря женщины сами решают все проблемы, лишая своих мужчин этой возможности. Мой как раз и обвинил меня в том, что я безрукая. Даже телевизор настроить не могу и сама ничего не решаю. С ним советуюсь. Мать в пример привёл... А когда-то говорил, что если бы я была как его мать, то ни за что на мне не женился бы. Быстро переобулся!

Что это под батареей виднеется? Бумажка какая-то. Пол, что ли, помыть? Нет, сил нет. Буду лежать. Вот бы уснуть и не проснуться. Тогда бы и сердце не ныло, и душа не болела. Детей только жалко. Как они без мамки? Отец их, конечно, не бросит. Только нужны они его мадаме? Ей, небось, своих двоих хватает. И будут они мои, несчастные, никому не нужны. Всё, ещё денька три поболею и возьму себя в руки.

И всё-таки, кто бы мог подумать?! Я думала, что сама скорее от него уйду, чем он от меня. Радовалась, что такой... Не надо плохо говорить. Всё обратно бумерангом вернётся. О нём как о покойнике: либо хорошо (пусть все увидят, какая я благородная) или ничего.

Хорошее говорить... Перетопчется. Значит, никак.

Радовалась, что на такое добро никто не позарится. Надо же, нашла дура. А я тогда кто? Нет, нет, нет, радоваться надо, что ушёл. Всё равно последнее время ничего хорошего уже не было. Как там? — если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло. Значит, мне повезло.... Ой как же мне плохо!

Кто это? Какая птичка интересная на балкон прилетела. Надо посмотреть в интернете, что за порода. Или это у собак порода? А у птиц что? Господи, да какие птицы! От меня муж ушёл, а я о чём думаю? О чём... Обед пора варить, скоро дети из школы придут. Так, младшему надо шишек на уроки труда набрать, не забыть бы... Вот пообедаем, вместе в лес и пойдём. Надо детей тоже отвлечь от мысли, что их отец с ними больше не живёт. Опять! Я же забыла, за-бы-ла. Я ещё молода, схожу в парикмахерскую, буду очень даже ничего. И платье надо новое ку-

пить. Платье...Сахар кончается, у сына кроссовки порвались. В школе опять же денег просят на ремонт. А школа не государственная разве? Почему им на ремонт деньги не выделяют? Или мне ночами деньги рисовать? А отдавать надо за двоих! Ладно, платье подождёт, а вот с головой, точнее с волосами, пора что-то делать. Хотя...Не поможет. Уж если мужу родному не нужна... Кто ж на меня позарится с двумя детьми? Сволочь, раньше бы тогда ушёл, когда я моложе была. А теперь, когда мне за тридцать...Все хорошие мужики уже разобраны. Вдовца со своими детьми мне не надо. Мачехой быть не хочу. Да при чём здесь это? Никого на горизонте нет, муж бросил, а я уже другой вариант присматриваю.

Ба, ещё такая же птичка прилетела. Пара, наверное. Любит её. Вон, пёрышки ей клювом чистит. Лебеди тоже всегда парой живут. Если один лебедь погибает, то и второй тоже умирает. И волки один раз на всю жизнь пару себе ищут. И почему мы не волки? Сейчас бы жила и радовалась...

Господи, ну верни мне его. Ну пожалуйста!!! И больше ничего просить не буду! Что же мне теперь, всю оставшуюся жизнь одной прожить? Дети вырастут, женятся, я им не нужна буду. Понимаю, была бы красавицей...А это что? Ноги кривоватые (муж, скотина, комплекс ещё один мне создал), и свекровь, теперь уже бывшая, всё сетовала: «Нашёл мой сын себе жену – ни титек, ни жопы». Зато теперь у её новой невестки всё как в песне: «Венера, Венера, жопа шире шифоньера». Опять я злословлю. Сама идиотка, мужа удержать не смогла. Он мне квартиру оставил, ложки-вилки делить не стал. Какой же он хоро-о-оший! Какая я идиотка-а-а! Платок где? А, вот он, под подушкой. Надо чистый взять. Этот уже весь в слезах и соплях.

А про грудь они зря. Когда у меня кардиограмму снимали, на медосмотре врач сказала, что моей груди любая девушка позавидует! Так что нечего на меня наговаривать! Сволочь, одним словом.

Звонок? Дети вернулись, а у меня обед ещё не готов! Так, умыться, высморкаться, улыбаться...

– Иду, иду! Открываю!

Спустя полтора года

Сегодня бывшего встретила. Отвернулся, зараза, даже не поздоровался. Обиженный какой-то. Как будто это не он от меня, а я от него ушла. Или он за «козла» обижается? Ну, это он зря. На правду же не обижаются.

А вот если он вдруг сейчас всё взвесит и захочет вернуться... Забыла, как фильм называется, где похожая ситуация была. Возьму я его назад? Наверное, да. Только на моих условиях. С работы чтобы не задерживался, чтобы... Да о чём я опять? Всё, забыли! Хотя ещё полтора года назад думала, что приму безоговорочно и всё сделаю, чтобы не было желания другую искать. А теперь – условия! Прогресс...

Какой хороший ремонт у нас получился. И никто не вмешивался: что хотела и как хотела, то и сделала. А ведь одной проще. Раньше моему (тьфу, не мой он уже) всё некогда было. Понятно, любовь крутил после работы. Чужих мужей не попросишь помочь. Зато теперь всё намного проще. Повезло мне с соседями. И полку повесили, и шкаф передвинули. А вообще, могу того мужчину с тенниса о помощи попросить.

Который со мной всегда в пару встаёт и проводить предлагает. Может, в гости пригласить? Нет, не нравится он мне. Как человек вроде ничего. А вот целоваться или ещё чего я с ним не смогу. А как интересно получается: пока была замужем, на меня никто и внимания не обращал. А сейчас на улице даже пытаются познакомиться. Может, у меня на лбу написано, что я свободна?

И всё-таки пока ещё о прежнем думаю. Говорят, время лечит. Что-то медленно лечит. На днях опять приснился...

Господи, помоги. Сделай что-нибудь. Пусть он пожалеет, что ушёл. Пусть его секретарша тоже его бросит. Другого найдёт. Фиг тогда я его назад возьму. Нет, возьму, конечно, но не сразу. Пусть помучается.

Бли-и-ин! Знакомый моего бывшего клинья ко мне подбивать начал. Мол, жену не люблю, тобой люблюсь, твой дурак, что тебя бросил. Конечно дурак. Я это и без тебя знаю. Только что тебе со своей-то не живётся? Ну почему все мужики считают, что чужая жена лучше? Интересно, а если бы я была замужем за этим знакомым, то мой захотел бы от своей нынешней кикиморы ко мне перекинуться? Не то говорю. Если его кикимора – нынешняя, то я кикимора бывшая. А я умная, стройная и красивая. Плохо ни о ком не говорю и не думаю. Господи, прости за грешные мысли, ибо слаб человек.

Вон на днях с соседкой, тоже разбитной разведёнкой, в бар сходили потанцевать. А там девок молодых – пруд пруди! Взяли по салатику и по баночке пива. Фу, гадость. Сроду пиво не пила. Зато дешевле, чем вино. А за пустой столик тоже не сядешь... Так ведь мужики не девчонок молодых приглашали, а нас с соседкой. Ни одного медляка не пропустила. И провожатый нашёлся. Всё паспорт пытался показать, что свободен. Спросил, не можем ли мы встретиться ещё раз. Сказала, что нет. Может, зря отказалась? Может, надо было повстречаться, посмотреться, притереться... Да кого я обманываю! Не ёкнуло. Пофлиртовать, конечно, приятно. Может, грех это? Пусть на моего бывшего этот грех ляжет! Это он молодую жену бросил. Я же не в монастыре живу! Опять же лишнего себе ничего не позволяю. Хотя надо кого-нибудь найти для души и тела. Для тела, наверное, проще. А вот для души...

Так, хватит. Завтра с утра на работу. Надо ещё кучу дел переделать. Уроки у детей проверить... Математику не тяну уже. Надо репетитора поискать. Тогда и себе подработку найти, чтобы было чем платить. Всё, завтра подумаю. А сейчас за дела!

Спусти ещё три года

Сегодня бывшего встретила. Изменился. Постарел. Полысел. Поправился. Хорошо поправился. Что-то не заметила, чтобы у него глаза от счастья светились. И как только могла мечтать, чтобы вернулся? Нет уж, «умерла так умерла». Это анекдот такой есть. Когда муж сильно горевал, что жена умерла, а ему предложили её оживить. Так и у меня.

Дети подросли, у них всё хорошо. У меня всё просто замечательно: не надо думать, придёт муж вовремя или заявится под утро. Нет больше недовольных лиц и претензий на пустом месте. Красота! Сама себе хозяйка. А ведь как убивалась!

Опять программы на телевизоре сбились. Дети, что ли, накрутили чего? Ха! Я уже без инструкции всё могу сама наладить.

Так, некогда думать о постороннем. Щи сварила, блины испекла, курочка в духовке. Детям записку написать, чтобы поели. Сейчас на теннис, а в выходные вместе с детьми в бассейн.

Господи, ты сам знаешь, что мне надо. Наказывай и прощай по твоему усмотрению, только не оставляй меня.

Побежала...Голову вверх, живот втянуть, походку от бедра – и вперед!

Спустя ещё четыре месяца

Господи, спасибо тебе за всё! За то, что освободил место. Я уже и не мечтала. И за то, что я всё-таки согласилась пойти на этот юбилей нашего офиса. А ведь не хотела...Какой мужчина! Стройный, видный и, главное, свободный! А какая шевелюра на голове! Главное, что меня выше. Теперь смело смогу каблучки надеть. И кто бы мог подумать, что из такого количества женщин он выберет именно меня! Какое счастье, что его жена нашла себе другого! Вот дура! Только бы не одумалась. А как он на меня смотрит...И должность хорошую занимает, и с машиной, и с квартирой – сразу понятно, что ко мне не из-за жилплощади подошёл. Не из-за того, что ему приткнуться надо хоть к кому-нибудь. Как там в фильме? «В сорок лет жизнь только начинается». Это точно! И двое моих детей его не напугали. Ну, я, конечно, хороша была. И не дашь моих тридцати восьми. Вот что значит жить спокойно. Это с бывшим я нервничала. Всё ему не так было и не этак. А почему я опять его вспомнила? А, да, не узнала вчера. Надо же...Господи, дай и ему счастья. Если бы он не ушёл тогда, я бы не была такой, как сейчас. Счастливой. Было бы как в скороговорке: «Цапля чахла, цапля сохла, цапля сдохла!» Спасибо ему. И ей, что забрала его. И тебе, Господи. Господи, пусть все будут счастливы. Будьте счастливы, люди!

Из будущих книг

Роман КУШНЕР

Родился в 1946 году в Уфе. Окончил Сызранское военное авиационное училище летчиков, служил в Приморье в полку им. В.И. Ленина, затем был направлен в авиацию пограничных войск в Хабаровск, потом служил в Арктике – Воркута, Тикси, Черский. В 1985 году уволен в запас по ограниченному состоянию здоровья. В 1992 году эмигрировал в Израиль, затем к детям в Канаду.

В 2021 году в издательстве Super (Санкт-Петербург) издан роман «Ночные витязи», в 2022 году изданы мемуары «Инструкция вертолётчику». Живет в г. Суррей, Канада.

«ОЙ ТЫ, РУСЬ, МОЯ РОДИНА КРОТКАЯ...»

*Отрывок из романа «Милосердие» **

Июль 1916 год. Царское Село.

Феодоровский городок

Исполнение обязанностей председателя эвакуационного комитета отнимали у Вильчковского много сил. Мало того, будучи назначенным главным уполномоченным Красного Креста по всем учреждениям Царского Села, ему приходилось ежедневно контролировать и обеспечивать работу госпиталей и лазаретов Павловска, Гатчины, Луги и окрестностей. От частого недосыпания глаза постоянно слипались. Крепко потерев ладонями лицо, Сергей Николаевич взял в руки доставленную от Ломана официальную бумагу, мысленно укоряя чрезмерную инициативу полковника. Объявление гласило:

На 22 июля в лазарете № 17 в день тезоименитства великой княжны Марии Николаевны назначались увеселения. Концерт будет состоять:

1) из дивертисмента и 2) маленькой пьесы «Вечер в тереме боярыни».

На втором листе прилагался список участников концерта, среди которых значился известный ему Василий Андреев, руководитель первого Великорусского оркестра. Будучи ещё пажом при Высочайшем дворе, Вильчковский впервые посетил выступление кружка любителей игры на балалайках в зале Городского Кредитного общества в Петер-

* Роман «Милосердие» посвящен женщинам России – врачам и сёстрам милосердия, трудившимся в госпиталях и лазаретах в годы Первой мировой войны. Данный отрывок – об участии Сергея Есенина в концерте в день тезоименитства великой княжны Марии Николаевны.

бурге. Виртуозная игра на балалайках потрясла будущего подпоручика, а по прошествии времени он с радостью узнал о пожалованном Андрееву титуле надворного советника и звании «Солиста Его Императорского Величества».

Желая передохнуть, он вызвал помощника и попросил принести крепкого чая. Немного взбодрившись, окинул взглядом остальной список, среди которых с удовольствием увидел имя Владимира Сладкопевцева, заведовавшего делопроизводством в канцелярии лазарета. Вместе с чтецом-импровизатором вести концерт назначался Сергей Есенин. Фамилия показалась ему знакома. Подумав, Вильчковский вспомнил, как по делам службы заглянул к Ломану в Фёдоровский городок. Подъехав к Дому диаконов, он поднялся на второй этаж и вошёл в канцелярию начальника лазарета № 17. Ответив на приветствие и обсудив насущные вопросы, Дмитрий Николаевич с лёгкой улыбкой кивнул ему на лежащее перед ним раскрытое письмо:

– От Ключева прошение, взгляните-ка.

– От Ключева? Николая? – с удивлением переспросил Вильчковский и поднял к глазам лист.

Сергей Николаевич уважал этого стихотворца, пишущего в традициях новокрестьянской поэзии. Как-то заглянув в потрёпанную книжонку «Новые поэты», очевидно забытую кем-то из персонала в обеденном зале лазарета, он вычитал и даже запомнил одно четверостишие, поразившее его своеобразной прелестью:

Въ златотканные дни сентября –
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ла́донь куря,
Надъ твоей опустелой избушкой.

Письмо начиналось несколько нетривиально: «Полковнику Ломану о песенном брате Сергее Есенине моление». Далее следовала просьба похлопотать о вызове Есенина в поезд вскорости.

– Кажется, я недавно видел его на дебаркадере у санитарного поезда, такой худой, стриженный наголо. Выгружал какое-то имущество. Выходит, вы удовлетворили просьбу Ключева?

– Разумеется, Сергей Николаевич. Отказать таланту невозможно. Я послал ему уведомление о зачислении Сергея Есенина на военную службу. Пришлось и свидетельство выдать, – потянувшись к ближайшей полке, он вынул из папки лист с машиннописным текстом и протянул гостю:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие крестьянину Рязанской губернии и уезда Кузьминской волости села Константинова Сергею Александровичу Есенину в том, что он, согласно уведомлению Мобилизационного Отдела Главного управления Генерального Штаба от 11 февраля с. г. за № 9110 с Высочайшего соизволения назначен санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, а потому прошу направить Есенина в г. Царское Село в мое распоряжение.

Уполномоченный Ея Величества по поезду полковник Ломан.

900/556 апреля 5 – 1916. г. Царское Село.

Поднявшись со стула, Вильчковский поправил мундир:

– Чуть не забыл, Дмитрий Николаевич. Помнится, на праздник «Торжество православия» я посетил лазарет великой княгини Марии

Павловны и имел недолгую беседу со вдовой графа Нирода. Мария Дмитриевна порадовала меня первой книгой Есенина «Радуница». Попросил на время почитать. Никакого сомнения, это подающий надежды крестьянский поэт-самородок.

Ломан смущённо улыбнулся:

– Не хотелось бы афишировать, но и Григорий Ефимович почти такого же мнения.

– Это вы о Распутине?

Не отвечая, Ломан достал из ящика стола свёрнутый вчетверо лист серой бумаги:

– Дело в том, что в прошлом году ко мне прибыли Есенин и Клюев и передали письмо от Григория Ефимовича с просьбой посодествовать им. Можете ознакомиться.

Развернув лист, Вильчковский внимательно прочитал текст. Письмо было малограмотное, написанное неровным корявым почерком:

Милой, дорогой, присылаю к тебе двух парешков. Будь отцом родным, обогрей. Робяты славные, особливо этот белобрысый. Ей Богу, он далеко пойдёт. Распутин

На вопрошающий взгляд Вильчковского начальник лазарета № 17 пожал ему протянутую руку и как бы выдавил из себя:

– Вы же знаете какая молва идёт о нём. Я же не верю никаким слухам и отношусь с уважением к Григорию Ефимовичу, как и сама государыня... – вполголоса, но твёрдо проговорил он.

* * *

В дверь неожиданно постучали и на пороге появился писарь Долومانов из лазарета княгини Урусовой:

– Приношу свои извинения, господин полковник, что явился без вызова, но у меня обстоятельства, – со смущённым видом сообщил проситель.

Зашедший следом помощник поставил на стол стакан в подстаканнике и блюдец с сахаром. С рассеянным видом хозяин кабинета предложил просителю присесть на свободный стул и кратко изложить суть дела. Он не забыл, как в начале года государыня попросила его сыскать хорошего писаря для канцелярии лазарета. В короткий срок Вильчковский нашёл молодого человека, обладавшего хорошим почерком и не ошибся с выбором. С первых же дней Александра Фёдоровна была довольна Долومانовым и, как он знал, милостиво и ласково к нему относилась.

– Слушаю вас, – усталым движением Вильчковский помешал ложечкой в стакане.

– Господин полковник, я не нахожу возможным продолжать более свою работу в лазарете, – твёрдым голосом заявил писарь.

– Изъясните, голубчик, что за причина? – удивлённо поднял брови Сергей Николаевич.

– Господин полковник, я слишком тронут вниманием и лаской Царицы, но оставаться не могу, так как я принадлежу к одной из социалистических партий и мои политические убеждения не позволяют мне долее исполнять обязанности, – слотнув ком в горле, выпалил на одном дыхании Долومانов.

Вильчковский не ожидал такого оборота дела и не знал, что ему предпринять и как ему самому, рекомендовавшему Долومانова, выйти

из столь неловкого положения. Однако он решил действовать прямо и, попросив писаря обождать в приёмной, не откладывая, поднял переговорную трубку:

– Ваше величество, у меня тот самый писарь из лазарета княгини Урусовой. Считает, что по политическим убеждениям он не может здесь далее оставаться.

– Что же тут такого, что Долومانов принадлежит к политической партии, – в ответ раздался решительный голос Александры Фёдоровны. – Каждый может иметь свои убеждения, и это нисколько не мешает нашей работе. Я Долмановым довольна и сегодня же с ним сама поговорю.

Вечером у входа в лазарет остановился автомобиль. Усталым шагом государыня поднялась на крыльцо, где её ожидали выбежавшие на шум мотора сестра милосердия Николаева и фельдшер Икоников. Ответив на приветствие, Александра Фёдоровна попросила фельдшера пригласить в комнатку для отдыха письмоводителя.

– Мне полковник Вильчковский передал о причине вашего нежелания работать у меня, – благожелательный взгляд государыни произвольно вызывал у него доверие, – Мне это кажется странным, так как вопросы помощи ближнему не зависят от политических убеждений. Вы поработаете здесь, присмотритесь, и я уверена, что вы измените ваше решение.

– Ваше императорское величество, я был бы счастлив работать на этом месте, но моя жена не вполне здорова, и мне необходимо быть при ней.

Крайняя взволнованность Долманова настолько отразилась в его глазах, что у Александры Фёдоровны немедленно сложилось впечатление, что писарь явно что-то недоговаривает.

– Это тем лучше, – как можно более сочувственным тоном успокоила его государыня, – пусть ваша жена придёт в лазарет Большого дворца, быть может, она сможет немного там работать и быть под присмотром доктора.

– Ваше величество, это совершенно невозможно, так как моя жена... еврейка, – осиплым голосом пробормотал Долманов.

Ответ писаря подтвердил её догадку. Сочувственная улыбка отразилась на её лице:

– Ну так что же, что еврейка? Национальность не имеет никакого отношения к нашему общему делу. Передайте вашей жене, что я её приглашаю работать в Екатерининском дворце, ухаживать за больными, и вы её всегда можете там видеть.

Нежданное предложение обезоружило Долманова. Ранее получить место писаря они с женой даже не помышляли. Он подрабатывал на разных работах и едва сводили концы с концами, но тут на них свалилась болезнь супруги по женской части. Вздуродженный до крайности, он нерешительно приподнялся со стула:

– Ваше императорское... ваше величество, благодарю вас за сердечное участие и поддержку! За... за предоставление места сиделки моей жене, – срывающимся голосом едва выговорил он. – И смею заверить, что работу свою продолжу с ещё бóльшей энергией.

Отпущенный государыней и уже будучи в дверях, писарь неожиданно повернулся к ней и под недоумённым взглядом дважды склонился в глубоком поклоне, бормоча под нос нечто неразборчивое. Александра Фёдоровна расслышала лишь обрывок последней фразы, что-то вроде

о величии души. Удивлённо пожав плечами, она на прощание пожелала здоровья супруге и ещё раз поблагодарила писаря за правильное решение.

Доломанов шёл домой, взбудораженный до крайности. Государыня права, рассуждал он, помощь ближнему не зависит ни от каких убеждений.

20 июля 1916 год. Феодоровский городок

Завсегдатай Городка виртуоз-баянист Федя Рамш с утра пребывал в мрачном настроении, вот уже более получаса бродя по обширному двору Городка. Уныло меряя шагами от Дома для нижних чинов до Дома причетников, он вновь возвращался назад, нетерпеливо бросая взгляд на двухэтажное Здание служащих лазарета. Фёдор упорно ожидал обещанную мастером обувку. Сердито глянув на дверь одноэтажной пристройки, он наконец с облегчением выдохнул. Подмастерье из сапожной мастерской нёс ему пару новеньких, перешитых по ноге казённых сапог, в которых давно уже щеголяли, ему на зависть, почти все солдаты Городка. Федя недоверчиво огладил высокие голенища, сдул с обеих головок невидимые соринки и без колебаний дал мальчишке на чай.

Чей-то разговор заставил его заглянуть за угол. В проёме Белокаменных ворот некий субъект лет тридцати в светлом костюме разговаривал с сестрой милосердия. Федя невольно испытал этакий укол ревности. Ему давно нравилась Евдокия Дмитриевна, но светлейшая княжна была ему определённо не по чину, к тому же являлась крестницей императрицы Марии Фёдоровны. Испустив горестный вздох, Фёдор поспешил удалиться в Каретный сарай к старому знакомцу.

Прижимая к белому переднику с нашитым на груди красным крестом конверт с документами, Голицына направлялась в канцелярию Феодоровского собора, когда в воротах столкнулась с высоким господином. Покрытый капельками пота открытый лоб, полурастёгнутый белый жилет и малость сбившийся набок галстук в горошек явно указывали на то, что мужчине очень жарко. Он утирался скомканным платком и обмахивался, как успела заметить Евдокия, модной, светло-кофейного цвета касторовой шляпой.

Усмотрев перед собой симпатичную барышню в форменном холщовом платье сестры милосердия, незнакомец учтиво поклонился:

– Позвольте представиться, журналист и издательский работник Мурашёв Михаил Павлович.

Зарумянившись лицом, княжна представилась в свою очередь:

– Голицына Евдокия, служу здесь в Доме священников, в отделении для раненых офицеров, – и чуть поколебавшись, спросила: – Вы, сударь, кого-то разыскиваете?

Не отводя взгляда от миловидного личика, Мурашёв подтвердил её догадку:

– Ищу своего друга, сударыня. Вы случайно не знаете санитаря Сергея Есенина?

Голицына кротко улыбнулась:

– Конечно знаю, в лазарете мне знаком весь младший персонал, в том числе и Сергей. Его военно-санитарный поезд № 143 уже как неделю вернулся с фронта.

– Так он сейчас в лазарете? – обрадовался Мурашёв.

Княжна слегка задумалась:

– Этой ночью они на пару с Наумовым, из художников, работали в отделении для нижних чинов, а потом, кажется, занимался в канцелярии поезда.

– Так где его найти, уважаемая Евдокия? Ведь давненько не виделись. С Сержем встречались на нынешнюю Пасху, дня за три до Христова Воскресения, как его отправили сюда.

Полуобернувшись, Евдокия Дмитриевна махнула рукой на красновато-коричневый угол двухэтажного здания с башенкой из такого же кирпича:

– Обойдёте справа и увидите одноэтажную пристройку. Это домик для нижних чинов, но он как-то в разговоре обмолвился, что в комнате ночует только в дни концертов.

Поблагодарив сестру милосердия, Мурашёв отправился в указанную сторону. Войдя в настежь распахнутую дверь, он попал в тёмный коридор. Выругался, зажёл спичку и стал искать хоть какой-то вход в помещения. Дверей оказалось несколько. Заглянул в первую комнату – никого, только стояли солдатские кровати. Во второй комнате тоже никого. Вошёл в третью.

Из правого угла с койки вскочил Сергей и бросился на шею:

– Миша! А я думал, что ты не приедешь! Вовремя застал. Были в Вологде с Ганиным, только вчера вернулись из Питера.

Отдышавшись от крепких объятий, Мурашёв спросил:

– Значит, переговоры в Вологде удались? Ты писал, что поэму «Галки» в Петрограде не желают печатать.

– Не так всё просто. Заведующий типографией дал сведения о стоимости издания и посоветовал направить рукопись в цензурный комитет Москвы, там легче проходят рукописи, чем в Петрограде.

– Что ж, будем надеяться, – пробурчал задумчиво Мурашёв и принялся разглядывать мрачную продолговатую комнату с окном под потолком.

Конечно же, это не острог, а такой стиль постройки для слуг, мелькнула мысль. Вдоль стен теснились четыре кровати, покрытые солдатскими одеялами. В изголовье на одной из них успел заметить дощечку с надписью «Писарь Кукушкин», на другой – «Рядовой Прибытков». Койка друга оказалась подле окна, возле стоял табурет и небольшой столик. На кровати спинке чернела такая же чёрная дощечка, на которой знакомым почерком было тщательно выведено мелом: «Рядовой Сергей Есенин». Ниже на перекладине приятно радовало глаз полотенце, расшитое огненными петухами.

– Что же это – казарма?

– Почти.

Где ж твои белокурые вьющиеся волосы? Мурашёв с грустным удивлением разглядывал друга, одетого нынче по-военному: в гимнастерку защитного цвета, русские сапоги и черные шаровары.

– Угостил бы тебя, да денег нет, – поняв его по своему, печально покачал головой Сергей.

Крайне смутившись от собственной недогадливости, Михаил достал портмоне и протянул ему пятнадцать рублей.

Сергей оживился:

– Хорошо бы ещё поймать полковника, – повеселевшим голосом заметил он, – Ломан непременно дал бы записку на вино в госпитальный магазин...

Едва закончил фразу, как в дверь постучали, и без ответа на стук, вошел этот самый полковник, как успел догадаться Михаил. Не растерявшись от неожиданного визита, Есенин обрадованно заявил:

– Господин полковник, это мой близкий друг из Петрограда, Мурашёв Михаил, журналист «Биржевых ведомостей».

Ломан представился:

– Весьма рад познакомиться, – он приветливо протянул руку, – Дмитрий Николаевич.

Не давая опомниться, Есенин с улыбкой обратился к нему:

– Господин полковник, дайте записочку, я хочу угостить друга.

Ломан засмеялся:

– Только поаккуратней.

Он подошел к столику, сел на кровать Сергея и, перевернув какой-то исписанный листок бумаги, набросал:

*Отпустить Есенину за наличный расчет 1 бут. виноградного вина
и 2 бут. пива.*

Полковник Ломан

Уже в дверях с лёгкой улыбкой повторил:

– Только поаккуратней.

Мурашёв успел приметить, что полковник написал записку на обороте какого-то стихотворения:

– Серж, глянь, это же твои вирши, перепиши.

– Я и так помню.

Надев фуражку, он было пошел, но вернувшись от двери, присел к столику, исправив на записке из одной бутылки вина на 4, а из 2 бутылок пива – 12.

– Я на все деньги возьму.

– Бери, но пить будем немного, – ухмыльнулся Михаил.

– Там видно будет!

Минут через пятнадцать он пришел в сопровождении солдата с двумя корзинами. Друзья чувствовали себя достаточно уверенно, когда Сергей предложил осмотреть Феодоровский собор. Собор был открыт. Готовились к всенощной. Хранитель собора привел обоих в нижний этаж, где находились собранные по всей России старинные иконы. Показал узкую, точно застенок, комнатку, в которой Николай II обычно исповедовался у своего духовника. Выпитое накануне давало знать, становилось слишком жарко. Собравшись уходить, они поблагодарили хранителя и выбрались на улицу.

– Взгляни, какая красота! – Сергей толкнул друга в плечо, указывая на Царский вход собора.

На арке крыльца был сделан мозаичный архангел Михаил на коне. На золотом фоне белый вздыбленный конь с юным седоком. Огненный меч. Пунцовый развевающийся хитон на голубой тунике.

Простились на станции. Ступив на подножку уже отправляющегося вагона, Михаил вдруг неожиданно обернулся:

– Серж, а что у тебя со вторым сборником «Голубень»?

– Да вот, готовлю к печати. Не знаю только, когда выйдет, – с унылой улыбкой Есенин помахал ему рукой.

Подъезжая к Петрограду, Мурашёв похлопал себя по карманам, достал портмоне. Он вспомнил, как на прощание Серж торопливо что-то сунул ему в руку, сказав, чтоб в дороге не было скучно. Развернув

сложенный вчетверо листочек бумаги, Михаил пробежался глазами, улыбнулся:

НА ПАМЯТЬ МИШЕ МУРАШЁВУ.

Любишь ты, любишь, знаю,
Нежные души ласкать,
Но не допустит нас к раю
Наша земная печать.

Вечная даль перед нами,
Путь наш задумчив и прост.
Даст нам приют за холмами
Грязью покрытый погост».

22 июля 1916 года. Феодоровский городок. Дом священников

В день тезоименитства великой княжны Марии Николаевны Кукушкин, служивший писарем в канцелярии полковника Ломана, едва успел к назначенному времени. Проживая в Петрограде, он после службы всегда норовил хоть на последнем поезде, но уехать к своей семье. К началу дивертисмента у входа в офицерский лазарет № 17 почтеннейшей публики собралось изрядно. Все приглашённые взволнованно ожидали прибытие императорской семьи. Насилу отдышавшись, Кукушкин с грехом пополам протиснулся к братьям Прибытковым.

– Юрий, когда они приехать-то должны? – тронул он за плечо сына Ломана, десятилетнего мальчика, одетого в военную форму, замершего в ожидании возле старшего из братьев.

– Да, кажись, едут, – не оборачиваясь, бросил ему через плечо Фёдор.

В четыре пополудни к зданию Белокаменной палаты подъехал огромный императорский «Делоне-Бельвиль». У автомобиля, с большими медными фонарями, вместо номера на жестянке была нарисована буква А под императорской короной.

Покуда Юрий выглядывал сидящего за рулём знакомого шофёра в кителе офицерского покроя, в пальто песочного цвета и фуражке, выездной лейб-казак в высокой меховой шапке с алой суконой выпушкой проворно выскочил наружу. Открыв заднюю дверцу, он помог императрице и детям выйти из машины. Юрий прежде видел всех лишь в простых одеждах, но сегодня высочайшие особы выглядели нарядно. Впереди шествовала государыня в изысканном платье сиреневого цвета, следом шли младшие княжны. Вид Марии и Анастасии поразило его, привыкшего до этого видеть их в довольно затрапезном виде. По Феодоровскому городку девочки в прохладное время часто разгуливали в шерстяных вязаных кофтах, с такими же шапочками на головах и с намотанными вокруг шеи шарфами. Летом же длинные шёлковые кофточки со стороны спины выделялись заметно выгоревшими на солнце светлыми подпалинами.

Инспектируя свои многочисленные лазареты, Александра Фёдоровна и в этот праздничный день не изменила жёстким правилам, начав с осмотра палат, операционной, перевязочной и прочих хозяйственных помещений. Оставшись довольна, она выразила благодарность обслуживающему персоналу за качественный порядок.

Заметив, что княжны остались болтать с ранеными офицерами, супруга Ломана, пребывающая здесь в должности заведующей хозяйством, пригласила государыню на маленький балкончик, выходящий на пруд Феодоровского собора. На нём был сервирован чай на две

персоны. Какое-то время они беседовали, делясь своими женскими воспоминаниями, и с удовольствием пили чай с пирожными от кухмистра Анисимова. Неожиданно для себя, Александра Фёдоровна разоткровенничалась:

— Ольга Васильевна, я родилась в день святого Иова многострадального и не только сама обречена на мучения, — дрогнувшим голосом изливала она душу, — но я приношу несчастья людям. Чем больше я люблю человека, тем больнее приношу ему несчастья...

Некстати явившийся на балкон Ломан, тактично кашлянул:

— Ваше императорское величество, всё подготовлено для концерта.

Концерт открывал хор балалаечников. Ожидая начала развлечения, Юрий примостился на ступеньках, ведущих из биллиардной в столовую. Рядом расселись офицеры, коим нехватило сидячих мест. Под управлением Василия Андреева оркестр Собственного Его Императорского Величества сводного пехотного полка с успехом исполнил музыкальную пьесу «Слава».

Едва смолкли рукоплескания, как на импровизированную сцену вышли двое ведущих, назначенных вести концерт. Сладкопевцева, известного чтеца-импровизатора, зрители узнали сразу. Рядом с ним стоял, смахивающий на подростка, юноша в голубой рубаше, плисовых шароварах и желтых заливчатских остроносых сапогах на каблуке.

— Да не наш ли санитар? — мальчика слегка толкнул в бок знакомый поручик из авиационного отряда Царского Села. — Я его видел недавно, помогал Ольге Васильевне бельё по палатам разносить.

— Это Есенин, наш крестьянский поэт-самородок! — с гордостью повторил Юрий слова отца. — Сергей при военно-санитарном поезде № 143 служит.

— Довольно-таки своеобразный юноша, — задумчиво пробасил Астафьев, внимательно разглядывая приятное лицо с мягким овалом, — ну вылитый отрок Варфоломей с картины Нестерова...

Хорошо поставленным голосом любимец петроградской публики громко объявил:

— Ваше императорское величество! Мой молодой друг и поэт Есенин обращается к вам и великой княжне Марии Николаевне со стихотворным приветствием, сочинённое им по случаю тезоименитства.

Сладкопевцев протянул Сергею небольшой прямоугольный лист ватманской бумаги, очевидно с текстом, но тот, уже сосредоточившись на своих мыслях, слегка откинул назад голову в белом картузе:

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах...

Тихий гул зала стал затихать. Простые и близкие сердцу слова постепенно завладевали вниманием слушателей:

Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час...

Юрий не шибко прислушивался к содержанию стиха, поскольку в силу возраста его занимали другие интересы. Рассеянно разглядывая зрителей, он с нетерпением ожидал выступления маленького и юр-

кого Сладкопевцева. Однажды с отцом он присутствовал на застолье в новоселье. Под азартные выкрики Владимир Владимирович в лицах изображал монастырь, где игуменом был Клюев, а послушником Есенин. Затем он рассказал сказку о том, как ожила васнецовская птица Гамаюн, в роскошном хвосте которой золотое перо – Клюев, серебряное – Есенин, и медные перышки – остальные, сидящие за столом. Импровизации Сладкопевцева прерывались громким хохотом, а костистый, высоченный художник Нарбут выкрикивал какие-то холодные слова, вызывавшие ещё больший смех.

Как сквозь вату, до мальчика доносился голос стихотворца, читавшего так, будто вокруг никого не было. Он словно молился, раскачиваясь из стороны в сторону:

На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь...

Взгляд Юрия неожиданно наткнулся на застывшую женскую «троицу». К могучим плечам его тётки Евгении Петерсон с обеих сторон тесно прислонились двоюродная сестра Вера Басова и его бывшая учительница Вера Адамова. Сёстры милосердия то и дело подносили свои платки к глазам.

Заключительные строки в затаившейся тишине зала поэт прочитал почти шепотом:

Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.

Не обращая внимания на рукоплескания и одобрителный гул, Есенин шагнул вперед. Все вновь притихли.

– Стихотворение «Русь», – чуть хрипловатым голосом объявил он и, потряхнув головой, принялся читать по детски с чистым проникновением:

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса...

Возвращаясь в приятные воспоминания, мальчика вдруг неожиданно привлекли знакомые строки. Юрий напряг слух. Верно, он слышал их совсем недавно среди гостей отца. Как и тогда, голос поэта звучал надрывно и казалось, он даже размахивал руками не в ритм стихов:

Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь – везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мглистые
На березках висят галуны...

Краем глаза Юрий заметил шевеление. Сидящий с краю рядовой Подгорный, с кем он был коротко знаком, безуспешно пытался отереть глаза рукавом халата. По изрядно покрытому морщинками лицу санитаря, кое-где отмеченному рябинами, текли слёзы. Близкий женский всхлип отвлёк его внимание, Юрий обернулся. Обхватив плечи руками, сестра милосердия чуть раскачивалась в такт стихов. Он хорошо знал

близкую подругу Анастасии Катю Зборовскую и однажды заметил, как княжна настойчиво и тихо о чём-то выпрашивала её. Выразительный отклик на стихи заставил мальчика вслушаться в содержание строк:

Припаду к лапоточкам берестяным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха.

– Слышь-ка, Юра, достань мне почитать его книжонку, – Астафьев сызнова толкнул мальчика в бок. Заметив удивлённый взгляд соседа, добавил с печальной улыбкой: – Я и сам из деревенских, уж больно душу дерёт...

Подобно перелётным рязанским щуркам, взметнулись под своды последние строки:

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу!

Буря оваций долго не смолкала. На лице Есенина появилось выражение счастья. То не было простым откликом на радостный гул, которым слушатели встречали его выступление. Он почувствовал, что собравшимся понятно и дорого то, что творится в его душе.

Уже после финала мозаичных сцен, в палатах лазарета раненые и сёстры милосердия ещё долго продолжали обсуждать запавшие в душу стихи. В девятом часу вечера разошлась основная часть зрителей, и начальник лазарета призвал артистов пройти на балкон, где их ожидали государыня и младшие княжны. Дождавшись, пока все рассядутся по стульям, Александра Фёдоровна обратилась к приглашённым:

– Господа, благодарю за доставленное мне удовольствие вашим участием в концерте. Замечательные номера по достоинству оценили и все наши гости.

Стоящий у стола Ломан, протянул ей красочно оформленный лист с поздравлением. Внимательно просмотрев текст, писанный акварелью, древнерусской вязью и окруженный орнаментом, Александра Фёдоровна с видимым удовольствием передала его Марии как главной виновнице торжества.

– Должна признаться, уважаемый, э... Сергей, – она обратилась к сидящему на краешке стула голубоглазому юноше с отрастающим светлым ёжиком волос, – меня приятно поразила ваша поэзия.

– Может, прочтёте что-нибудь ея величеству? – воспользовался благоприятным моментом полковник.

От смущения Есенин не знал куда спрятать руки: то край пиджака тербил, то мял в руках картуз. Всё же, овладев собой, начал читать:

Тебе одной плету венки,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую...

Выслушав стихотворение до конца, императрица тихо заметила:

– Стихи ваши красивые, но очень грустные...

– Такова вся Россия, ваше величество. Бедность, климат неласковый, да и всякое... – всё ещё испытывая неловкость, просто и наивно ответил Сергей.

– А что-нибудь ещё? – просительным тоном полюбопытствовала княжна Мария Николаевна.

При работах в лазарете он почти ежедневно встречал там обеих княжон, которые постоянно были заняты, то готовя индивидуальные пакеты или присматривая за тяжелоранеными, то играли с выздоравливающими в настольные игры, а Анастасия частенько и музицировала им на рояле. Тем не менее именно Мария привлекала его внимание. Высокая, полная, с соболиными бровями, с ярким румянцем на открытом русском лице. При каждом удобном случае Сергей тайком разглядывал семнадцатилетнюю молоденькую девушку, мысленно примеряя на ней то русский боярский сарафан, то крестьянскую душегрею из малинового бархата.

В ответ на просьбу виновницы торжества Есенин, нарочито окая, с озорной улыбкой объявил, что прочтёт ей стихотворение о корове:

Дряхлая, выпали зубы,
Свиток годов на рогах.
Бил ее выгонщик грубый
На перегонных полях...

Заканчивая стих, он с неподдельным удивлением заметил, как нахмурились её насупленные брови и помрачнело лицо. Стихи явно затронули её душу, и девушка переживала за дряхлую, с выпавшими зубами кормилицу, вероятно представляя, как та вот-вот разделит судьбу своего белогоного телка. Ругая себя, что невольно огорчил княжну, Сергей тут же прочёл несколько весёлых строк из незаконченного стихотворения о котёнке:

Я еще тогда был ребенок,
Но под бабкину песню вскок
Он бросался, как юный тигренок,
На оброненный ею клубок...

Это несколько рассеяло её грусть и Мария, тут же вспомнив предыдущие стоки о корове, по-детски заулыбнулась:

– Повторите, как вы сказали: ко-ро-ва? Нет, это замечательно! Что за прелесть!

Все пришли в шумный восторг. Наконец по знаку Ломана Сладкопевцев преподнёс государыне сборник рассказов, а Есенин с таким же поклоном вручил ей подносной экземпляр книги «Радуница» с дарственной надписью.

– Благодарю вас, господа, за милые подарки.

Государыня встала, с радостным удивлением разглядывая книги с черно-белым переплётом набойки. Сопровождаемая дочерьми, у дверей обернулась:

– Обещаю вам в скором времени вернуть сторицей, а порукой послужит Дмитрий Николаевич, – она хитро улыбнулась, – полковник, как и я, впечатлён концертом и не успокоится, покуда не выбьет подарки для всех участников.

Евгения КОРЕШКОВА

Родилась в 1963 году в селе Владимирском Горьковской области. По образованию ветеринарный врач.

Автор ряда книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живет в деревне Овсянка Нижегородской области.

ЕЗДОВОЙ

Отрывок из книги

Мы возвращались. Все до единого возвращались. Задание было выполнено успешно. Линию фронта разведгруппа пророскочила весьма удачно, даже лыж не снимая. Стреляли нам уже вдогон, издали и мимо. Мы весьма лихо показали фашистам хвост и почти летели полем, над низкой снежной порошей, из последних сил уходя к своим. До мелкого кустарника в ложбинке я домчалась предпоследней, уже на последнем издыхании. Там-то нас и накрыли прощальным минометным приветом с вражеской стороны. И откуда резвость у меня, загнанной, взялась! Я свалилась сначала набок. На лыжах ужасно неудобно! А уже потом ничком, комочком, под ненадежное, но укрытие заснеженного кустика. Рацию с плеча и под себя, обнимая. Слева и сзади бабахнуло почти рядом. На спину посыпались комья земли, снега и срезанные веточки. Сейчас и убьют! Там не достали, так здесь, сейчас. Жмусь лицом в снег, стремясь сделаться маленькой, как точка на бумаге. И еще меньше! А оно вновь бабахает и еще.

Мама! Вот жуть!

И тишина. Я слышу, командуют:

– Встаем!

Это и мне вставать? А вдруг сейчас снова? А может, я лучше тут пока полежу?

Из всей группы не повезло только Николаю, который Ник. Пока я поднималась, отряхивалась, снимала лыжи и подходила, на нем уже порвали маскхалат, задрали ватник до лопаток и быстро бинтуют. И я вижу, как бинт сразу промокает ярко и обильно по левому боку. Ник в сознании, он, криво вздернув губу над стиснутыми крупными зубами, заглядывая, смотрит на перевязку. А остальные целы. Даже я. Что удивительно.

Ник после перевязки даже сам идет на лыжах. Медленно, но идет. Почти до самой дороги дошел, где и свалился все-таки. Снимаем лыжи. Дорога – зимник наискосок, через поле или луг, под снегом не поймешь. Короче, по открытому пространству. Она взрыта колесами и гусеницами и поэтому неправдоподобно широка. Мы идем по краю, накатанным

санным следом. В поле не суемся больше, ибо на входе из той низинки табличка предупредительная торчит. Немецкая еще. «Мины!» – гласит она. Идти удобно. Ника ведут под руки. Нужно будет – понесут. Но все, даже он, понимают, что группа устала. И тянется в сторону своих уже на одном упорстве. Рваная и непонятная, еще не оформившаяся линия фронта позади. Осталось одно: Дойти. В сторону фронта колонной проходят танки. Наши. Постоять бы, посмотреть бы на них, помахать веселым танкистам, но я еле плетусь, таща рацию за спиной и лыжи на плече. Я смотрю только себе под ноги, количество танков отсчитывая лишь по лязгу гусениц и реву моторов.

– Эй, разведка! – окликают нас бодро и почти весело. – Давайте сюда вашего раненого. Я все равно в санбат еду. Потеснятся немного мои пассажиры.

Оказывается, нас нагнали две лошадки, запряженные в щедро застеленные соломой розвальни. Одна, рыжая и крупная, проехала не оставиваясь. В тех санях лежали трое раненых, больше некуда. Возчик что-то еще прокричал, обернувшись к напарнику, вроде: догоняй. У нашего ездового, с виду деревенского растетехи, ушанка сбита на один бок, открывая лохматый, спутанный, слегка рыжеватый чуб. Ему чуть за тридцать примерно, не мальчишка уже, молодой мужчина, крепкий и коренастый. Он шуруется на снег из-под светлых бровей домиком. И весело улыбается толстыми губами. У него в санях тоже раненые, двое. Один с почти полностью замотанной кровавыми бинтами головой и левой рукой. Другой без одной ноги по колено и в двух местах забинтованной другой. Наши парни аккуратно пристраивают к ним под бок совсем обессилевшего Ника вместе с его лыжами. А ездовой, хлопчущий вокруг своих саней, вдруг видит меня.

– Эй, командир, сажай уж и мальчишку, недомерка своего. Еле идет ведь. Чай, Ромашка вывезет, бог даст. – Это – я-то недомерок?! Ну вот за что?

– То девушка, земля!

– Ох ты ж! Все равно, чай, пусть садится. Прокачу, не обижу. А ты откуда сам-то, коль поговору узнал!

– Лысково. Слыхивал?

– А то! Мы чай сколько раз туда со стеклом ездили, Волгой, через Макарий. А я с Воскресенского. Про озеро Светлояр, чай, слыхал? – И, не дожидаясь ответа, чмокает толстыми губами. – Давай, Ромашка, вывози.

И мы едем. Мои лыжи тоже Нику под бок. Санная дорога, в отличие от разбитой основной, наезжена гладко. Пестрая, нелепая такая лошадка, бело-рыжая, с темной гривой и хвостом, словно из отдельных крупных лоскутов сшитая, тянет розвальни бойкой рысью. И перед моим лицом близко качается тщательно расчесанный хвост.

Наша группа потихоньку отстает. Ладно, санбат они отыщут. Это несложно. Я их там подожду. И прослежу заодно, куда и как Ника определят. Я сижу слева, на корточках возле высокого санного передка, перед головами лежащих раненых, пристроив рядом мешок с рацией. Ехать куда приятнее, чем пешком топтать. А ездовой, счастливый такой, смотрит в сторону и вверх, в никуда. Он долго и мечтательно улыбается сам себе всем своим простецким деревенским лицом. А ветерок справа так и тянет, колющий, зимний, ядреный. Поэтому я поднимаю воротник свитера до верхней губы. Если подбородок прижать, и нос спрячу. А капюшон и так по самые брови резинкой стянут. Холодно. Вспотевшая

от бега спина начинает остывать. Сколько-то едем молча. Лишь раненый, который без ноги, то и дело мычит, в беспамятстве перекатывая голову со стороны на сторону.

А потом ездовой поворачивает ко мне веселое, румяное от ветра лицо.

– Ну что, давай знакомиться, что ли? – И представился первым: – Я Санюха. А ты

– Анна, – буркаю я, не разделяя его радости.

– Вот так раз! – не прячет крупные зубы мужчина. – Анна! Ишь ты! Вот как твои родители с именем промахнулись?! Анна, оно ведь как – имя сильное, мощное, солидное. Оно ведь ровно колокол звенит. А ты с виду – мелочь недокормленная. Совсем как моя теща. Та тоже Анна да еще и Осиповна. Послушаешь не видя – красиво звучит. А глянешь на нее – мышь мышью. Мелкая, тощая. Мне до плеча ростиком если только. А ребятишек двоих родила. Жену мою, Веруху, и брата ее, Павла. Но так и не раздобрела после родов. Как была фитюлькой, так и осталась. И ты такая же. Ну вот не тянешь ты на Анну, так... Нюрашка.

Я не обиделась на Нюрашку. Мне было не до поддевок. Потому что холодно. Вроде недавно сию неподвижно, а морозец уже настойчиво так лезет под одежду и в мокрые варежки. Пальцы коченеют. Ездовой заметил. Снял с рук огромные овчинные рукавицы.

– Погрейся хоть пока, вояка.

Я ныряю белыми, плохо гнущимися пальцами в жаркое меховое блаженство.

– Тепло! Благодать какая!

– Ты, Нюрашка, на меня не сердись. Я ведь, это, соскучился по разговору. Весь день один да один. Разве на погрузке да разгрузке с кем словом перекинешься. А то хоть с Ромашкой говори. Она чай, конечно, кобыла умная, понятливая. Только ведь разговаривать-то не умеет. Она третья уже у меня. Вот та-ак.

Он помолчал недолго и продолжил уже весело.

– А сегодня мне письмо из дому пришло. С утра почту отдали. Вот и радуюсь. Жена прислала, Веруха. Подробное письмо. Все описала, что дома творится. Даже сынок и тот мне написал. Ему ведь в школу только осенью. Но написал сам. «Папа бей врага». Печатными буквами. Крупно написал. Чтоб я обязательно увидел. И меня нарисовал вместе с Ромашкой. Даже звездочку красную под дугой изобразил, куда колокольчик вешают. – Ездовому было радостно.

Я старательно отмалчивалась, но вежливо улыбалась в ответ, периодически вставляла в его речь свои «угу» и «ага», участливо кивала. Но ездовому моих кивков было уже мало, он норовил вызвать меня на разговор. Я пересела по-другому, на колени. Потому что ноги затекли. Я старалась не задеть винтовку, что лежала у ездового в ногах.

– А ты что безоружная? – спросил он ехидно так. – Потеряла, поди, что ль, или вовсе ничего не доверили?

– Ничего я не теряла. Что положено, все при мне: и пистолет и гранаты.

– И стрелять, что ли, умеешь?

– Умею.

– Ну-ну. Поверю, – насмешливо так.

И тут сзади и снизу подает голос Ник. Хрипло, с перерывами на болезненные вдохи:

– Ты это... мужик... нашу девочку не цепляй... что она умеет... что нет... не твое дело...

– Да я чё? Я ничё... – сразу идет на попятную ездовой. – Просто больно мелка фитюлька. Разведчик из нее...

– И опять не твое дело, – защищает меня Ник. И я ему благодарна.

Ездовой замолкает ненадолго, аккуратно чуть трогает вожжи, не давая лошади перейти на шаг, и продолжает, мечтательно прикрывая глаза:

– Домой бы сейчас на денек. В ба-аньке попариться, с дубовым веничком! А потом самовар на стол и пироги прямо из печи, горя-ячие, вкуснущие. Таких рыбных пирогов, дева, как у нас во Владимирском, нигде больше не поешь. Поджаристые, открытые. И чтоб рыба вся крупными кусками да на луковой подушке. Ум отъешь! А еще с ягодой ватрушки, с творогом опять же... Хотя... – он умолкает, шумно сглатывая слюну. Видимо, наяву почти представил те пироги. И продолжает уже совсем другим, серьезным голосом, но не прерывая свой монолог: – Время такое сейчас. Не до пирогов. Веруха писала, летом детишек эвакуированных в село привезли. Из Ленинграда которые. Много привезли. Вот где страхи божьи! Тощие, одни глаза да уши разве, напуганные. Которые и на ногах уже не стояли. Ночью спать боялись. Все бомбежку ждали. Школу, что у Люнды на берегу, под детский дом отдали. Народу сразу надо было много работать туда, вот и Веруха пошла. Их ведь, детишек тех, всех обиходить надо, обстирать, накормить, отогреть каждого возле сердца. За одних этих ребятишек, войной искалеченных, фашиста этого бить надо нещадно. Я вот как представляю, что сына моего единственного фашист тиранит, сердце кровью плачет. Но я, так получилось, больше вот с Ромашкой... Всё возим. И раненых, и снаряды, и продовольствие... Мало мне доводится, чтоб самому в атаку. Эх! – вздыхает он. – Мы ведь еще до войны с женой в город уехали, в Горький. А у нас просто говорили: «в город». Там автозавод. Думали горожанами стать. И сын там родился, Виталий. А перед самой войной, в июне уже, призвали меня на переподготовку военную. В лагеря, в Гороховец. Многих знакомых там встретил. Оттуда и на фронт ушел. А жена в деревню уехала. Сложно в городе одной с ребенком. Да и бомбили. Вот ждет меня теперь. Пишет, что с тещей вместе за меня молятся. Хоть и церковь, деревянная которая, закрыли совсем. А в новой, каменной, что на въезде в село, так служб и совсем не было. У нас ведь в селе место особое. Озеро у нас там недалеко, Светлояр называется. Место намоленное, непростое. Вот если вокруг него с молитвой трижды обойти, то Бог тогда человека бережет. И от пуль тоже. Многие туда сейчас ходят, за своих мужей, что на фронте молятся. Помогает. – Он суеверно плюет через левое плечо. – Тьфу, тьфу, второй год пока ни царапинки.

Я слушаю его, периодически кивая и поддакивая. Ну что хотите – не могу я просто так, перед незнакомцем всю себя выворачивать. Да и не положено мне трепаться лишнего. А ездовой может, вот и тарабанит, не переставая. Периодически поглядываю на раненых. Те, двое, лежат с закрытыми глазами. Ник смотрит в небо, изредка морщится. Наверное, думает, что я не вижу. А то бы не стал. Я его знаю, тихушника. Лошадь то идет недолго шагом, то опять бежит рысью. И тогда снежная крошка летит из-под копыт в меня и ездового. Мы почти уже догнали ту, вторую лошадь, запряженную в такие же сани-розвальни. Слева нас быстро обошла колонна из трех грузовиков, тоже в тыл торопятся. За грузом, наверное. И ездовой, так же радостно, показал на них рукой.

– Вот! Вот такие машины у нас на автозаводе делали. Вот они, газики, полуторки родненькие пошли!

А Ник вдруг крикнул:

– Воздух!

Я увидела фашистский самолет позднее. Сначала возник звук мотора. Страшный, громкий, давящий сверху на уши. Я обеспокоенно закрутила головой, ища. А потом и сам фашист попал в поле зрения. Летящий низко вдоль нашей дороги и сеющий на нее темные, жутко воюющие бомбы. Еще только грянули первые разрывы, а ездовой заложил матом нечто заковыристое, хлестнул вожжами лошадь и закричал страшно:

– Гони! Ромашка, гони-и!

В его руке оказался кнут, немедленно взвившийся над пестрым крупом. Меня от рывка мотнуло, чуть не свалив на раненых. В последний миг удержалась. И мы погнали. На диком галопе. Вперед. По дороге. Потому что зима, и в поле не свернуть. Да и мины там могут быть. Мы пронеслись мимо перевернутого, горящего грузовика, что так недавно обогнал нас. Из его кабины свисает головой вниз водитель. Руки почти касаются алого снега. Мимо черных дымящихся воронок. А фашист делает еще один разворот и снова идет на нас. И снег взбивается вокруг частыми, маленькими фонтанчиками от его пулеметов. Впереди нас, слева, от близкого разрыва встает на дыбы и сразу заваливается на спину та, вторая, рыжая лошадь, опрокидывая сани с ранеными. Она резко и быстро дергает всеми ногами, словно продолжая бежать, но уже по воздуху. Что стало с людьми, я не знаю. Мы не могли ни посмотреть, ни помочь.

Мы летим. Мне страшно, и я ору. Громко. Дурью. Нутром. От полной своей беспомощности перед этой нависающей, ревущей смертью. Беспомощности? Ну фиг! Я выхватываю из-под ног ездового его винтовку и пытаюсь ловить в прицел проклятое брюхо фашистского самолета. Я даже заклепки на нем вижу. И эти колеса, или как их там, нелепо торчащие. И рожу летчика за стеклом кабины. Я не промахиваюсь ни разу. Я все пули всаживаю в самолет, а он летит и не падает. Понимаете?! Он не падает! Совсем. И он стреляет по нам. Он же видит, гад, и лошадь, и раненых и нарочно стреляет. Белыми мелкими щепками разлетается боковая обноска у наших саней, почти у меня под боком. Ну почему в обойме так мало патронов?! И где у ездового еще эти гремучие патроны? Я не знаю, и не спросишь. Ему не до меня сейчас. Вот сейчас этот гад фашистский еще раз развернется и... Я бросаю себе в ноги бесполезную уже винтовку и выдергиваю свой пистолет. Ну нет, тварина! Вот если постараться влупить по стеклу кабины, прямо в летчика, может, он и грохнетя тогда? Должен же он грохнуть! Должен! Я не вспомню, что именно беспрестанно кричу в диком ужасе, стоя на коленях в этих санях, несущихся по дороге в чистом поле, где ни деревца, чтоб хоть как укрыться. Может быть, и маму. Я не помню, честно. Но я смотрю в небо. Я крепко держу пистолет двумя руками. И они у меня не дрожат. Я со взаимной жадой убийства жду этого неизбежного третьего захода.

Но его не случилось. Потому что из облаков вываливаются два наших истребителя. Два! Наших! И в небе над нами завертелась стремительная, смертельная карусель. Фашисту было теперь не до нас. Ездовой натягивает вожжи храпящей кобылки. И она хоть не сразу, но переходит на шаг. Мужчина немедленно выскакивает из саней и ведет

ее под уздцы. Мокрую от пота и пены, падающей хлопьями, часто бьющую боками и храпящую. Он что-то говорит ей ласковое и гладит по морде.

А фашист вдруг густо задымил, круто пошел вниз. И грянулся оземь с шикарным взрывом!

Теперь я кричала: «Ура!», потрясая над головой зажатым в руке пистолетом. И замолчала только когда задохнулась окончательно.

– Аня, – тихо позвал меня Ник.

Господи, как я могла забыть про него? Про других раненых? Я – идиотка!

– Ты жив? – Я и спросила так же, по-идиотски. Ведь, раз говорит, значит не мертвый.

– Я-то да, – так же тихо и угрюмо отозвался он. И я посмотрела. Раненый, тот, что без ноги, лежал теперь совсем неподвижно. С белым безжизненным лицом.

– В грудь. И в руку еще, – сказал ровным голосом Ник. А я вдруг осознаю, ужасаясь, что та самая, разбитая пулей, рука неизвестного мне бойца, находилась вплотную к руке Ника. И громко икнула. А еще в трех местах был прошиблен бортик, надстроенный у розвальней. Ездовой вроде бы не пострадал. Лошадь тоже. Я убрала пистолет, вышла из саней и пошла рядом с ездовым.

– ...Вот и некому теперь тебе в правое ухо фыркать, Ромашенька, – грустно вещает мужчина, обтирая пену с ноздрей лошади. – Всё. Отбегал свое Рублик. Узнать бы, что с Никахой? Да никак мне пока. Вот когда раненых сдам... – Он вздыхает еще раз и снова тянется большой рукой к морде лошади, ласково уговаривая: – Ты же у меня у-умница, ты же у меня зо-олотце. Вот сейчас доедем, я тебе овсеца-а положу. И ве-еточек сосновых све-еженьких наломаю. Умница же ты моя! Ведь мало не запалил я тебя. Но ты ж сама понимаешь, Ромашенька. Тут, вишь, беда какая приключилась. А нам надо раненых вывезти было. Ты сейчас отдышись, маленькая, отдышись. Мы сейчас ша-агом поедем. По-другому тебе никак нельзя пока. И останавливаться нельзя тоже. Вот остынешь, тогда и напою. У меня ведь и сахаро-ок для тебя припрятан. Ты иди, Ромашенька, иди, родная... – Увидев меня, идущую рядом, он попросил: – Нюрашка, ты, это, глянь там в санях. Где мы сидели, покопайся. Там попона была свернутая. Достань. Прикрыть мне Ромашку надо. Простынет она, мокрая, на таком морозе. Ей сейчас никак простывать нельзя.

Я нашла плотный рулон (так вот что у меня под ногами мешалось) и подала ездовому.

– Подержи-ка ее пока. Веди тихонечко.

Я перехватываю лошадь под уздцы. Бархатные ноздри, раздуваясь, быстро трепещут, выталкивая жаркий воздух. Огромный, влажный, лиловый глаз недоверчиво косится на меня. Ездовой хлопчет сбоку, укрывая свою драгоценную напарницу прямо на ходу этой большой попоной и как-то хитро закрепляя ее с боков и под брюхом. А я веду лошадь. Первый раз сама. Но веду. Мы почти прибыли. Впереди – палатки санбата. Сейчас только сдать раненых, и все.

Стихи по кругу

Роман БАШКАРДИН

Йошкар-Ола

* * *

Не бойся, моя хорошая, страха нет.
Есть плач матерей у церковной большой свечи
Под рокот снарядов. И кроткое имярек,
Что тихой молитвой до первых лучей звучит.

Есть рык автомата, рубиново-красный лист,
Упавший с рябины, свинцовым дождём задет.
На нашей земле убивает детей фашист,
Но страха, моя хорошая, страха – нет.

Немецкими «кошками» в Суджу прошупан путь,
Но видит в прицеле наводчик фашистский крест:
И в этот момент что-то русскую щемит грудь –
Поэтому, моя нежная, страха – нет!

Поэтому, моя милая, страх – труха,
В глазницах пустынных домов – за селом – село,
И будет ещё украинская ночь тиха,
Когда их Россия укроет своим крылом.

Потом, через многие годы, придёт весна,
В полях васильковых, под небом, совьёт букет,
И вспомнит страна, что сегодня была война,
Поэтому, моя милая, страха нет.

И детские слёзы покуда горчат в груди,
И ждёт тишины над полями брусничный цвет,
Мы выстоим, сможем, прорвёмся и победим...

Ведь смерти, моя хорошая...
Смерти – нет!

* * *

Летний вечер разлился по зыбким ладоням реки,
отражаясь пожаром
на шатком витражном стекле.
И едва уловимым движением
горней руки
день упал в камыши,
продолжая над ними гореть.

Из закатной парчи, серебристой,
как звёздная нить,
выткан сизый туман
и нисходит к медвяным лугам.
И ночной ветерок,
осторожно ступая по ним,
росных трав самоцветы тихонько
роняет к ногам.

Над Артёмовской далью раскинута
Божия тишь –
Берега и луга!
И бескрайняя Волга долга!
Ты под звёздным крылом,
как под сводами храма стоишь,
Словно маленький принц,
замеревший у стана цветка.

Ты стоишь на траве
и осанну возносишь в тиши –
«Отче Святый, храни эти земли,
даруй им покой...
Сбереги их мелодией сердца на струнах души,
Сохрани их на сердце огромною русской душой!»

Петр РОДИН

р. п. Воскресенское, Нижегородская область

Тихон Кузин

Господи, верни ты имя мне,
без вести пропавшему в войне.
Я устал завидовать убитым,
найденным по спискам и открытым.

Извещения синюю печать
пусть и не увидит моя мать,
правнукам, быть может, или внукам
попадёт листок бумаги в руки.

Имя моё правнуки прочтут,
Тихоном их прадеда зовут.
Был такой красноармеец Тихон,
из деревни нашей Погатиhi.

Сталиным был призван на войну,
Гитлера угробить сатану
мы за месяц или два хотели.
Провожали – плакали и пели.

А на фронт попасть мне не пришлось –
эшелон был пущен под откос.
Взрывы. Пламя. Заживо сгорали,
горсткой пепла стал тогда едва ли.

И душе приходится страдать.
Могут люди и предполагать,
что героев к юбилейной дате,
что я есть какой-нибудь предатель.

Может, я безвестный тот солдат,
у Кремля чьи косточки лежат?
Сколько же нас – без вести пропавших,
ни в живых не числились, ни в павших?

Мается душа на небе тихо.
Тихон Кузин я, из Погатиhi.
Не герой я в той большой Войне.
Господи, верни ты имя мне.

Покров

На проулке утром-ранником
Расхвалил петух зарю.
Я у осени в охранниках.
Постою да покурю.
Над избой дымочки блинные,
Иней пал. Хрустит трава.
У крыльца дары рябинные
В честь святого Покрова.
Тишина над речкой стылою
Серым парусом плывёт.
Осень птицей златокрылою
Завершает свой полёт.
Не спеши, заря пригожая,
Лист последний, покружись.
Разгляжу летящей всё же я
Мою осень – мою жизнь.

Наталья ФИЛИМОНОВА

Санкт-Петербург

* * *

Ловила бабочек, те – прятались в цветах:
Веселый ужас наступал и страх –
Самой не наколоться на иглу,
С которой мне не слезть, сыграть в игру,
Где жизнь, свою оправдывая смерть,
Не чувствует себя, не знает меры!
Лимонниц, фей я не слыхала крика.
Стремление владеть судьбой – двулико.

С моим пытливым взглядом и умом
Я жаждала их видеть под стеклом,
Но мысль о том была настолько дикой,
Что я, схватив одну за край крыла,
От явной смерти, отпустив, спасла...

Олег РЯБОВ

Нижний Новгород

По Покровке

По Покровке гулял сам Пушкин,
В планах было зазорное что-то.
Вот бы если б его подслушать,
Вот ему бы наши заботы.
Он идет – мазурку насвистывает,
И жует бутерброд с бужениной.
Пушкин, Пушкин, твой голос чистый
Над Покровкой витает былинной.

На Покровке жил, пусть недолго,
Замечательный Саша Дюма.
Он как плыл сверху вниз по Волге,
Так зачем-то заплыл и к нам.
Сапожком мушкетерским протопал
По брусчатке Покровки косою,
А народ ему хлопал и хлопал,
И катилось его колесо.

Витя Хлебников тоже горланил
На Покровке, пугая людей.
И не высказать это словами,
И, конечно, нельзя подглядеть.
Его клич был задорным и свежим,
И слетело с его языка:
Нашу нижегородскую нежность
Он прославил уже на века.

По Покровке идёт Адрианов –
Он сорвал сегодня джек-пот,
Гонорар жжет его карманы,
Ждёт его ненасытный народ.
Нет такой на Покровке точки,
Где б не знали его по стихам.
Мне б поставить тут многоточие –
Не хочу писать про стакан.

А пройдуся-ка я сам по Покровке,
Проплыву с весёлой толпой,
В своих мысленных остановках
Продираясь во тьме вековой.

Все слова и все мысли живы,
И приходят они ко мне,
И уж если совсем без нажима –
На Покровке всё как во сне.

Ирина МОЛОЧКОВА

г. Асбест, Свердловская область

* * *

Сжимает клещи одиночество,
Пустеет время, обезлюдев.
И ничего уже не хочется,
И ничего уже не будет.

Ещё ветрами вёсны мечутся,
Ещё ручьями земли плачут.
Ничем от возраста не лечатся,
От одиночества тем паче.

А всё ж от солнца сердце нежится,
Глаза прищурил кот Василий.
Смеётся на асфальте рожица:
Её мелками угостили.

* * *

Я читаю, читаю, читаю
Для ума, для души,
Просто так.
И слова, как пернатые стаи,
Прилетают, устав, на уста.

Сколько вкусов у каждого слова!
Горький, сладкий,
Невнятный, как бред.
Это счастье – отсеять полову,
Чтобы слово сияло, как свет.

Фарид ХАЙРУЛЛИН

Казань

Счастье

Какое счастье,
что жизнь конечна,
что снег не будет
лежать здесь вечно,
что всё исчезнет,
как не бывало,

что невозможно
начать сначала,

что Бог не дьявол
и не святоша,
что, как ни падай,
не расшибешься,
что прав был Корчак,
а не Мисима,
что жить не так уж
невыносимо,

что есть сигналы
из ниоткуда,
что были Моцарт,
Ван Гог и Будда,
что стать подонком
не получилось,
что ты, по сути,
не изменилась,

пусть ненадолго —
не в этом дело.
Всё преходяще,
не только тело,
но если это
тебя согреет —
самое главное
уцелеет,

вернее, станет
неоспоримым,
что этот ужас
всего лишь ширма,
и миром правит
любовь без края,
и ты уходишь во тьму,
сияя.

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

Балашиха, Московская область

Зачем?..

Не ведает вины
Весенняя стихия.
Зачем мне эти сны,
Счастливые такие?

Успеешь чуть прилечь —
И сном опять одарит,

Не в силах пренебречь
Правдивостью деталей.

Уж эти мне дары!
Чтоб за обман минутный
Потом, глаза открыв,
Как в прорубь,
Падать в утро!

Обычная история

... Уже и закат за плечами,
Другим покоряется высь.
Когда-то они повстречались,
Но в чём-то, увы, не сошлись.

Он пил и закусывал салом,
Порою совсем пропадал...
Она всё спасала, спасала,
А он всё чего-то считал.

Былое по швам затрещало,
Лишь не было сносу вещам...
Она всё прощала, прощала,
А он обещал, обещал...

Леонид СЛАВИН

Нижний Новгород

Гончар

Станет шалаш у поля раем для нас двоих.
Пахнет овечьим сыром, жарко трещат дрова.
Как ты звонка сегодня – кость от костей моих.
Я же – сосуд из глины. Я обращаюсь в прах.

Прах разнесет по полю. Серп хлебороба остр,
Срежет ячмень цветущий, будет чернеть жнивье.
Прах превратится в глину. В поле, где колос рос,
Станешь искать потерю, но не найдёшь ее.

После весенних ливней в поле придет гончар,
Комья промокшей глины глухо падут на круг,
Пальцы обнимут комья, будет гореть очаг,
Слепит сосуд из глины, не отпуская рук.

Масла долей в светильник, слово во тьму скажи.
Колос весной пробьется через земную твердь.
Если она не вечна, то для чего мне жизнь.
Если она навечно, к черту такую смерть.

Не кори

Ты сегодня меня не кори,
И меня ни о чём не расспрашивай,
Просидим мы всю ночь до зари
У окна, что морозом раскрашено.

Я согрею дыханьем стекло,
Через малую эту проталину
Стану ночью глядеть на село,
На дорогу, что снегом завалена.

И увидится в свете окна –
Застит землю колючей порошею,
Мне дорога вперед не видна,
Только здесь я подарок непрошенный.

Так оставь ты обиды свои
И молчанье своё нарочитое,
В мире много страниц о любви,
Только наша еще не прочитана.

Синий купол родных палестин
На Руси – как покров Богородицы,
Будет вьюга узоры плести,
Белым снегом деревья укроются.

Посмотри, у застывшей ветлы
Ветки стонут от буйной метелицы,
Но бредут со дарами волхвы
И звезда Вифлеемская теплится.

Роман СЕНЧИН

Родился в 1971 году в Кызыле, Тувинская АССР. Работал монтажником, дворником, грузчиком. По окончании Литературного института вел в нем семинар прозы (2001–2003).

Публикуется в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Нижний Новгород», «Урал» и других. Автор ряда романов и сборников рассказов. Роман «Елтышевы» в 2011 году вошёл в шорт-лист премии «Русский Букер десятилетия» и принес автору Премию правительства РФ (2012). В 2015 году за роман «Зона затопления» удостоен третьей премии «Большая книга», в 2017-м – премии «Писатель XXI века» в номинации «Проза» (за книгу «Постоянное напряжение»).

Живет в Санкт-Петербурге.

ПИСАТЕЛИ СОВЕТСКОГО ВЕКА

Биографические зарисовки

Советскому строю история отвела немногим более семидесяти лет – почти столько же, сколько составляла средняя продолжительность жизни человека в СССР. За это время была создана советская литература, явление неоднородное, многогранное, сложное, к тому же прошедшее несколько этапов своего то ли развития, то ли деградации. А вернее, были всплески и подъемы, были спады и провалы.

В этой подборке я представляю краткие биографии и свой взгляд на творчество нескольких писателей. Жизнь одних целиком уместилась в период с 1917 по 1991 годы, другие же родились до Октябрьской революции, но работали уже в советское время, третьи, родившись в первые десятилетия советской власти, творили и в период так называемой новой России. А открывает подборку биография Леонида Леонова, дебютировавшего в литературе в 1915-м и скончавшегося в 1994-м, вскоре после публикации своего романа «Пирамида».

Заметки писались в разные годы. Одни – к юбилеям и круглым датам со дня рождения, другие – после прочтения книг, которые заставляли узнать об их авторах подробнее. Я многое узнавал, работая над этими текстами, надеюсь, они станут кому-нибудь полезны и интересны.

Выпавший из обоймы. Леонид Леонов

Октябрьская революция и гражданская война дали нам не только новый государственный строй, но и новую литературу. В прозе ее олицетворяли и совсем юные, встретившие 1917-й подростками или гимназистами (Фадеев, Шолохов, Гайдар), молодые, но с уже накопленным дореволюционным опытом жизни (Булгаков, Катаев, Зазубрин, Зощенко), пожилые, но вдруг удивительно и страшно помолодевшие в сво-

их произведениях, подобно Александру Серафимовичу с «Железным потоком».

Среди порожденных теми событиями писателей одним из самых могучих был Леонид Леонов. А может, и самым могучим. Именно его прочили в наследники Горькому, в неполные тридцать возводили в классики советской литературы.

Судьба Леонова схожа с судьбами многих его сверстников. Совсем молодым был призван в Белую армию, потом перешел в Красную, начал публиковаться еще до революции, но раскрылся неповторимым талантом в начале 1920-х. Слава сменялась опалой и угрозой ареста, книги то издавались сотысячными тиражами, то изымались из библиотек, спектакли по пьесам снимались, все время маячило страшной тенью происхождение, месяцы у белогвардейцев.

В сухом изложении биография Леонова отличается разве что этим: прожил почти сто лет, увидел Россию без коммунистов у власти. Вернее, с перекрасившимися коммунистами. Потому, наверное, и не приветствовал их...

Это действительно писатель огромной силы. Замес художественности в его прозе 20-х – начала 30-х настолько густой, что меня до сих пор, сколько бы ни открывал те произведения, начинает лихорадить. Так бывает, когда ешь икру или сливочное масло без хлеба...

Хорошо жилось Бурье в зеленом приволье леса. Там по утрам солнце ласково встает: оно не жжет затылка, не сует тебе клубка горячей шерсти в глотку, оно свое там, знакомое. Там затянет по утрам разноголосая птичья тварь на все лады развеселые херувимские стихеры, там побегут к болотному озерку неведомые, неслыханные лесные зверюги... Ранними утрами поет там лес песню, а над ним идут, идут, идут алые облака, клубятся, сталкиваются: то не ледоход небесный – то земные радости плывут.

Выходит из своего логова детеныш Бурьяга, – он летом в норке мшистой живет. Он спросонья на пни натывается, зеленый, в зеленом крадется кустарнике, он похрамывает по кисельным зыбунам, шустро сигает через мертвые пни, кубарем катится, вьюном идет... Вот он сядет на прогалинке, он хихикает и морщится, он сидит-прискакивает, греет спинку, сушит шерстку под солнышком, а солнышко теплой лапкой его гладит, – жмурится и щурится, мурлыкает незатейную песенку, язык мухоморам кажет... А те нарядились, как к обедне, выстроились толстые и тонкие в ряд... Шесть их по счету, и весело им поэтому.

...А уж и вечер. Солнце спряталось, по небу обсосанная карамелька, луна, ползет. Тут и начало развеселой гулянке ночной.

Так писал двадцатидвухлетний Леонов. Густо, сытно!..

Поколения сменяют друг друга, и сейчас о Леониде Максимовиче Леонове знают немногие. Читают мало. Если бы не яркая книга о нем Захара Прилепина, написать которую его «надоумил» Дмитрий Быков; не переиздание его сначала ранних вещей, а потом и основного корпуса произведений в составе шеститомника (опять же при участии Прилепина), о Леонове знали бы еще меньше.

Такова, наверное, закономерность: тех, кого при жизни издавали предостаточно, о ком писали монографии одну за другой, забывают, тех же, кого издавали скудно, кого много ругали или о ком вовсе молчали, изучают на протяжении десятилетий, как случилось с Булгаковым, Платоновым, Бабелем.

О, на первый взгляд, благополучном Леонове (кроме прочего – шесть орденов Ленина!) в последние лет двадцать, кроме разве что

литературоведов, вспоминали редко. Приходят на память очерки Солженицына, Алексея Варламова, Дмитрия Быкова, и вот Прилепин, вынесший фигуру Леонова из вод беспощадной Леты...

В нашей домашней библиотеке были три леоновские книги. Две достаточно тонкие – «Барсуки» и «Соть» и одна толстенная – «Русский лес». Однажды, мне было тогда лет пятнадцать, возникло любопытство, о чем можно написать целый роман под названием «Барсуки». Открыл...

Прикатил на Казанскую парень молодой из Москвы к себе на село, именем – Егор Брыкин, званьем – торгаш. На Толкучем в Москве ларь у него, а в ларе всякие капризы, всякому степенству в украшение либо в обиход: и кольца, и брошки, и чайные ложки, и ленты, и тесемки, и носовые платки... Купечествовал парень потихоньку, горланил из ларя в три медных горла, строил планы, деньгу копил, себя не щадя, и полным шагом к своей зенитной точке шел. Про него и знали на Толкучем: у Брыкина глаз косой, но меткий, много видит; у Брыкина прием цепкий, а тонкие губы хватки, – великими делами отметит себя Егорка на земле.

А за неделю до Казанской нашел Брыкин стертый пятак под водосточным желобом. С пятака и пристала к нему тоска. Осунулся и помертвел, вся скупая пища, какую принимал, на раздражение его тоски пошла. Тут как-то, сидя на койке у себя со свечкой, сосчитал Брыкин сумму богатства своего и задумался. Причудилось ему, что уже настало время удивить мир деянием большого человека Егора Брыкина, а тоску за предвестье славы своей счел. Парень он был коммерческого смысла, знал потехе меру, деньгам счет, высшему чину лукавый почет, а себе истинную цену. Пораздумав вдоволь и дело обсудив с городским своим приятелем Карасьевым, порешил Егор к жниту домой жениться ехать.

Над текстами Леонова не паришь, по ним медленно ползешь, ощущая каждую фразу, как камешек. Его читаешь не только с душевным напряжением, что свойственно при общении с настоящей прозой, но и умственным. И главное – ум в случае леоновских произведений напрягать хочется, в отличие от многих других вроде бы сложных и глубоких вещей.

Помню, я прополз «Барсуков» и «Соть» и совершенно зачарованный перешел к «Русскому лесу». И через несколько страниц отбросил. Почувствовал досаду – не верилось, что это написал тот же человек. Казалось, кто-то подделывается под него, местами умело, а чаще так, что получается пародия.

Тогда я не знал – можно писать не только по вдохновению, но и для пользы дела, можно упрощать свой художественный язык, чтобы было доходчивей; можно конструировать, а не сочинять или переносить на бумагу живую жизнь.

«Русский лес» принес тогдашнему советскому обществу – времен первой, 1950-х, оттепели – пользы куда больше других произведений Леонова. Через сбережение деревьев пришло осознание необходимости сбережения людей, народа; Леонов в этом романе показал страшные будни недавнего прошлого (а когда писал, эти будни были настоящим), где слежка друг за другом обычное дело, где дети пусть с мукой, но искренне и решительно отрекались от отцов, которых государство объявляло врагами, или же сами, опережая государство, указывали на отцов.

Леонов создавал свой «Русский лес» еще при Сталине, поэтому многое ему приходилось давать иносказательно или же не слишком в лоб,

в надежде, что умный читатель поймет. Я, ребенок так называемой перестройки, в то время понять не смог. И Леонов на долгие годы перестал меня интересовать... В 1990-е попытался прочесть только что изданную «Пирамиду», но не осилил. Опять же – не понял, воспринял как усложненную до предела вариацию «Мастера и Маргариты» с отголосками «Доктора Живаго».

Вернулся благодаря книге Захара Прилепина в серии «Жизнь замечательных людей». Прочитал почти всего Леонова: «Дорога на океан», «Вор», «Петушихинский пролом», «Метель», «Нашествие», «Саранча», роман-наваждение «Пирамида», «Evgenia Ivanovna»... Обогатился, но и расстроился от того, что все же вряд ли Леонов вернется к читателю так же широко и громко, как вернулись или открылись его сверстники Булгаков, Набоков, Газданов; что будет жить в истории русской литературы рядом с Шолоховым, Катаевым, Зощенко.

Как это ни печально, но Леонов когда-то – скорее всего в брежневские времена, когда его не читали, но зато обильно награждали, да и сам он десятилетиями не публиковал художественное (а ведь это до сих пор не разрешенная загадка: молчание Леонова, Шолохова), – выпал из обоймы *необходимых* писателей. А вернуться в нее практически невозможно. Но, с другой стороны, чего не случается...

Умирал Леонов, как и многие старики, с мыслью о скором наступлении последних времен, ущербности человеческой природы. В коротеньком предисловии к «Пирамиде» есть такие слова: «Спешность решения (публиковать роман. – Р. С.) диктуется близостью самого грозного из всех когда-либо пережитых нами потрясений – вероисповедных, этнических и социальных – и уже заключительного для землян вообще. Событийная, все нарастающая жуть уходящего века позволяет истолковать его как вступление к возрастному эпилогу человечества: стареют и звезды».

В 1994 году такой прогноз мог вызвать улыбку, но нынешние процессы, очень напоминающие возможный кризис человеческой цивилизации или жестокие игры потусторонних сил, заставляют лично меня вновь обратиться к огромному роману-наваждению. Многое там предсказано, предвидено. Быть может, и ответы на необходимые сейчас вопросы найдутся.

Распылённый талант. Александр Фадеев

«Я постоянно увлекаем стихией так называемых “неотложных”, т. е. суетных дел. Сейчас я уже вполне дospel до Канатчиковой дачи...» Это горькое признание принадлежит автору романов «Разгром» и «Молодая гвардия», генеральному секретарю Союза писателей СССР Александру Фадееву.

Одна из самых трагичных фигур сталинской эпохи. Нет, Фадеева не уничтожили физически, как Бабеля или Пильняка, не вычеркнули из советской культуры, как Булгакова или Грина, не отправили в лагерь, как Заболоцкого или Мандельштама. Он был обласкан и востребован властью – Сталинская премия первой степени, два ордена Ленина, членство в Центральном комитете компартии, депутатство в Верховном Совете, множество должностей в общественных организациях...

Но в первую очередь Фадеев был писателем, призвание у него было – писать. А на это времени и сил почти не оставалось. Да и словно какое-то

проклятие сопутствовало его работе над романами «Последний из удэ-ге», «Молодая гвардия», «Черная металлургия». Вскоре после начала борьбы с культом личности Сталина, Фадеев застрелился, оставив предсмертное письмо со словами:

Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено.

«...Загублено... и теперь уже не может быть поправлено». Слишком категорично даже для предсмертной записки? А по-моему, справедливо – русская литература так и не поднялась на ту высоту, на какой была при «царских сатрапах» в XIX веке и в 20-е годы века XX. В те 1920-е, когда в литературу пришел двадцатилетний бывший комиссар стрелковой бригады Александр Фадеев.

Его творческая жизнь началась необычайно ярко. Первая же повесть «Разлив» показала – автор, пусть совсем молодой и малоопытный, обладает несомненным талантом. И это подтвердил вышедший следом страшный рассказ о Гражданской войне «Против течения», который позже Фадеев переработает и переименует в «Рождение Амгуньского полка». В 1926-м опубликован маленький роман «Разгром» – лучшее, а для многих и последнее настоящее, искреннее его произведение.

Александр Фадеев родился в селе Кимры недалеко от Твери. Когда ему было семь лет, семья переехала в Южно-Уссурийский край, и с тех пор Фадеев считал себя дальневосточником. Несколько раз приезжал туда, мечтал вернуться навсегда, но дела не позволяли – замены ему на посту руководителя огромной писательской организации не находилось...

В Москве Фадеев оказался в марте 1921-го как делегат Десятого съезда партии большевиков. После ранения – участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа – поступил в Московскую горную академию. Затем пошли публикации, и он всерьез занялся литературой.

Да, именно литературой, а не просто писательством. Стал одним из активистов Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), которая пыталась создать «советского писателя» и «советскую литературу», агрессивно нападая на «попутчиков» вроде Булгакова, Замятина, Пильняка.

Существует такая то ли байка, то ли исторический факт. Когда в 1932 году РАПП была распущена, ее идейный вождь Леонид Авербах с этим не согласился, а Фадеев оказался в числе тех, кто роспуск принял. Между ними возник конфликт, дошедший до разрыва отношений. И на одной из встреч с писателями Сталин предложил им пожать друг другу руки. Фадеев, после некоторой внутренней борьбы, протянул Авербаху руку, а Сталин поморщился: «Слабый ты человек, Фадеев». И, видимо, понял, что он будет послушно выполнять любые его распоряжения. И Фадеев выполнял.

Он не оставил мемуаров и дневников, в письмах был сдержан. Но короткое предсмертное письмо, наверное, исчерпывающе показывает, что творилось в душе Фадеева в последние годы:

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожили, идеологически пугали и называли это – «партийностью».

«Необъятные силы» Фадеева были растрочены на борьбу с явными или мнимыми врагами, на написание сотен обличительных, духоподъемных, юбилейных речей и статей, на решение нескончаемых административных вопросов жизни Союза писателей, который, по свидетельству некоторых современников Фадеева, он в начале 1950-х предлагал распустить.

Большую часть жизни он писал, правда, с громадными перерывами, книгу «Последний из удэге». Книга должна была стать эпической, но автор сразу увяз в описании классовой борьбы, Гражданской войны на Дальнем Востоке. И получилось это не лучше десятков текстов, писавшихся и издававшихся в то время. По-настоящему сильны лишь несколько последних страниц, где Фадеев обратился к самим удэгейцам, и слог его изменился, стал сказовым, гипнотизирующим.

Когда-то народ был велик. В песне говорилось, что лебеди, перелетая через страну, становились черными от дыма юрт.

Племя удэге кочевало в широкой и очень длинной полосе лесов и рек, протянувшейся между хребтом Дзуб-Гынь и океаном, и по ту сторону хребта, по течению рек Бикина, Хора, Имана, Улахэ, Даубихэ – рек, получивших эти названия много позже от китайцев. Эти реки впадали в одну большую реку, за которой жил народ маньчжуры. А эта большая река впадала в еще большую реку, из-за которой приходили гиляки, солоны и еще десятки племен, а откуда и куда она текла, эта самая большая река, об этом никто не знал.

Сам Фадеев горько шутил, что со временем и название книги сделалось неточным – вымиравший в начале XX века народ при советской власти начал заметно увеличиваться...

«Молодая гвардия» имеет два варианта. Первый был опубликован в 1946-м и подвергся критике за отсутствие коммунистов, которые бы руководили юными подпольщиками; Сталин, как сообщают современники, назвал молодогвардейцев в изображении Фадеева махновцами. И автор сел переписывать, опять же горько шутя: «Переделяваю молодую гвардию в старую».

Но поистине ужасно то, что прототипы тех, кого Фадеев вывел в романе как предателей, таковыми на самом деле не были. Чего стоит судьба Ольги Лядской...

В 1951-м он приступил к работе над романом «Черная металлургия». Побывал на комбинатах Магнитогорска, Челябинска, изучал теорию и практику производства, находил героев и антигероев. Работал, по собственному определению, «с аппетитом». А потом оказалось, что прототипы героев романа на самом деле антигерои и наоборот. И Фадеев остановил работу. «Мне остается одно – выбросить рукопись. Да и себя – новой книги я уже не начну...»

Муза словно смеялась над ним, иногда отрывавшимся на общение с ней от других дел. Подсовывала непроверенные факты, как в случае с «Молодой гвардией» и «Черной металлургией», диктовала не то, о чем он хотел писать в случае с «Последним из удэге».

Фадеев распылил свой талант в общественных нагрузках, идеологической борьбе, административной работе. Это для художника трагедия. И для нас – мы видим в Фадееве лишь контур большого писателя. И фигуру несчастного человека.

«Это жизнь придумала»... Гавриил Троепольский

Создать произведение, которое останется, будет жить после твоего ухода – мечта любого писателя. Чаще всего несбыточная. Гавриил Николаевич Троепольский такое произведение создал – «Белый Бим Черное ухо», и ему можно только позавидовать. С другой стороны, обидно, что он известен сейчас только этой повестью...

Для большинства из нас Троепольский ассоциируется с 1970-ми. Тогда была опубликована повесть «Белый Бим...» и следом снят по ее мотивам трогательный фильм с Вячеславом Тихоновым в главной роли. Гавриил Николаевич стал часто появляться на телевизионных экранах, говорил о сельском хозяйстве, об охране природы, о друзьях наших меньших.

Сложно поверить, что Троепольский почти сверстник своего земляка Андрея Платонова. Но пришел в литературу уже после смерти автора «Чевенгура», в 1950-х. Главным на протяжении многих десятилетий для Троепольского была агрономия.

Вообще, интересная параллель двух уроженцев воронежской земли – Платонов одушевлял механизмы, Троепольский – растения. Вроде бы полярные взгляды, но в то же время очень близкие, и в произведениях обоих писателей есть много общего. Сочувственная жалость к несовершенству мироустройства, что ли...

Гавриил Николаевич не ходил в школу. Получил домашнее образование. Это не помешало ему поступить в сельскохозяйственное училище, затем поработать учителем, а потом стать агрономом и селекционером. В конце жизни самым значительным своим достижением Троепольский считал не повесть «Белый Бим...», а один из выведенных им сортов проса, который спасал от голода людей во время и после войны.

Около двадцати лет он проработал в райцентровском городке Острожске на западном краю Воронежской области. Там пережил оккупацию. Умел договариваться с гитлеровцами, нескольких человек уберег от расстрела. После войны компетентные органы искали факты предательства Троепольского, но выяснилось, что он помогал нашей разведке и партизанам.

Всерьез писательством Гавриил Николаевич занялся уже взрослым, много повидавшим человеком. В мартовском номере журнала «Новый мир» за 1953 год появились рассказы из цикла «Записки агронома» – одна из первых ласточек грядущей «оттепели». Как написал позже в очерке о Троепольском критик Игорь Дедков: «Он вышел в это поле позже сверстников, но – *в свой* срок, со своим крепко обдуманном, *необходимым* словом, когда пришло время, и место его в литературе было свободно, ждало его».

В сатирической форме (не путать с юмористической) Троепольский показал жизнь современного ему колхоза, связанного по рукам и ногам распоряжениями, планами, сроками, сыплющимися сверху – от районного, областного начальства. А колхоз, нужно напомнить, хозяйство автономное. Правда, в реальности так никогда не было...

По предложению главного редактора «Нового мира» Твардовского Гавриил Николаевич написал продолжение, которое срочно, в августовском номере, опубликовали. А в 1955 году вышел художественный фильм Станислава Ростоцкого под не очень-то притягательным названием «Земля и люди», начинающийся с многозначительной надписи: «Пришла весна 1953 года».

Фильм почти забыт ныне. Впрочем, как и вся та цивилизация с секретарями райкомов, партийными собраниями, производственной темой. Но идея фильма для России извечная: власть (государственная, помещичья, партийная, воровская), отстань от мужика, дай ему землю пахать, и он тебя накормит. Чуть позже она станет главной у тех, кого будут звать сначала издевательски, а потом уважительно, «деревенщики».

С 1954 года и до конца жизни Троепольский жил в Воронеже. Написано им не так уж много – почти всё уместилось в три поджарых тома собрания сочинений. Но это настоящая русская проза. Даже если написано в жанрах выдавливаемого в публицистику очерка или вовсе из словесности – драматургии. «В камышах», «Митрич», «Кандидат наук», «У крутого яра», «Один день», «Постояльцы», «О реках, почвах и прочем»...

Но каков язык в очерках Троепольского:

Ночь. Белая луна над рекой, еще недавно такой красивой, чистой, прозрачной, как слеза. Ни рыбы, ни дичи – ничего! Не рябит месяц, не играет в реке. На весле вошел в прокоп: как в могиле – тихо, безжизненно-черные отвесы стен. Луна теперь провалилась в этот жуткий проем, поэтому теряешь ощущение неба вверху; весло глубоко вязнет в тине – дно постепенно заиливается; кажется, вот сейчас въеду под землю, но это – обман зрения: обвалился вертикальный «берег» прокопа и образовал зияющую рваную «дыру». Ночью она представляется черным гротом... Я люблю ночь на реке. Люблю эту реку, как близкого человека. Она еще жива!.. Неподалеку слегка ухнуло, как будто послышался протяжный стон со вздохом: то обвалился где-то берег. В глубокой ночи слышу немой укор, просьбу о пощаде. Река стонет!

А вот здесь была трехметровая глубина, теперь тут на моторке не проехать. Кто виноват? В ответ ухнул еще обвал или оползень – тоже со стоном.

Как и многие писатели, выросшие в деревне, Троепольский попытался осмыслить произошедшее с русским крестьянством в 1920-е–1930-е годы. Итогом стал единственный роман «Чернозём». Не самое сильное его произведение. Впрочем, как и многих других его собратьев по перу. Может быть, тема эта вообще неподъемна для литературы.

Лебединой песней Троепольского оказалась повесть «Белый Бим Черное ухо». После нее он писал всё меньше и реже. И возраст брал свое, и, видимо, исчерпанность нажитого, а может быть, и отчаяние – ничего ведь по-настоящему не исправлялось, не налаживалось, не улучшалось. Тогда отчаивались многие. Стоит вспомнить позднюю прозу Тендрякова, Абрамова, Шукшина. Горькая проза.

Ударом для Троепольского стал конфликт с его старым товарищем Станиславом Росточкиным, взявшимся за экранизацию «Белого Бима...». Режиссера сценарий не устроил, и он внес туда много исправлений вопреки воле автора. В результате Гавриил Николаевич снял свою фамилию с титров, осталось лишь «по мотивам».

Во время перестройки его хотели сделать обличителем советского прошлого. Тем более биография этому способствовала. Мало того что одним из первых выступил с критикой творящегося в колхозной жизни во времена Сталина, так еще и сын репрессированного – его отца, священника, расстреляли в 1930 году как врага народа.

Но Гавриил Николаевич повел себя неожиданно для обличителей. Как вспоминал журналист Эдуард Ефремов, однажды Троепольского пригласили в областную библиотеку Воронежа, где проходил «суд над КГБ». Послушав обвинительную речь, в которой упоминался

следователь, ведший дело отца, Гавриил Николаевич поднял и потребовал: «Прекратите! Нельзя по документам писать историю, тем более – давать характеристики человеку... Я своим детям и внукам завещал, чтобы они молились о следователе НКВД Степанове... Он предпринял всё возможное, чтобы представить священника Троепольского ни в чем не виновным... Когда отца расстреляли, следователь Степанов покончил с собой, оставив записку, что он не может пережить позора».

Этот поступок, по-моему, очень точно рисует характер писателя. Может быть, Троепольский не обладал сознанием «исторического масштаба», но старался быть честным и справедливым на том пространстве, которое видел и знал. И писал об этом пространстве. Вернее, записывал. Недаром он часто повторял: «Это не я придумал – это жизнь придумала».

Советский писатель с опасной фамилией. Сергей Голицын

Помню, в советское время нам, пионерам, говорили, что Шереметевы и Шереметьевы, Меншиковы и Меньшиковы, в общем, люди с «опасными фамилиями» – это не внуки и правнуки дворян-помещиков, а потомки крепостных, которых записывали так же, как и их владельцев.

Может, это и правда, но встречались и настоящие графы и князья. Вроде бы обычные советские люди, но с *прошлым*, которое стало открываться только в годы перестройки. Тогда появились и мемуары, а вернее, художественная автобиография Сергея Михайловича Голицына «Записки уцелевшего», и я узнал, что один из моих любимых писателей – князь, внук московского губернатора, сын предводителя дворянства. Так вот почему персонажи его повестей про пионеров так запросто произносят «изволь», «держать экзамен», «не угодно ли»...

В нашей семье было много книг, в том числе и так называемых «детских». Большую их часть я так и не прочитал, рано увлекшись научно-популярной литературой, хрестоматиями по истории.

На томик Сергея Голицына «Сорок изыскателей. За березовыми книгами» клюнул из-за заманчивого названия – «березовые книги», это наверняка про что-то древнее, когда писали на бересте, – и вкусных иллюстраций Станислава Забалуева. До сих пор, открывая эту книгу 1969 года издания поражаюсь, что картинки не мешают чтению, как случается очень часто, а наоборот – тянут узнать, какому эпизоду произведения они соответствуют.

Может быть, я нахожусь в плену своего первого, подросткового, впечатления, но эти две повести и сегодня считаю лучшими в богатом и разнообразном наследии Голицына. Впрочем, перечитав их, вижу: они действительно замечательные. Ключ писательской удачи – счастливо найденная фигура повествователя. Хотя Голицын такого повествователя не изобрел, а скорее всего, позаимствовал, например, у Герберта Уэллса, который любил рассказывать о необыкновенном от лица немолодого, не очень любопытного, флегматичного человека.

Так и в повестях Голицына: повествователь – отец семейства, «пожилой детский врач», жизнь его размеренна, встрясок и приключений он побаивается, но без них тоскует. И приключения его находят, и ему приходится отвечать не только за себя, но и за ребят, которые его в эти приключения втянули. Хотя кто за кого больше отвечает и кто кого вы-

ручает и спасает – еще вопрос... Голицын в этих повестях очень точно поймал психологию подростков – им приятно видеть слабоватого, неуклюжного, не очень быстро соображающего взрослого.

Ну и язык – вроде бы простой, неяркий, зато сразу вызывающий ощущение, что всё это было на самом деле. Вот завязка повести «За березовыми книгами»:

Сын мой, Миша, улетал в вулканологическую экспедицию на Курильские острова, а дочка, шестиклассница Соня, собиралась в туристский поход в Крым.

И никому не было никакого дела, где я, пожилой детский врач, проведу свой летний отпуск. Неужели придется отправиться в подмосковный Дом отдыха? Это значит: с утра до вечера стучать в домино с чересчур болтливыми соседями или дремать с удочкой у заросшего тиной пруда...

Я поделился своими грустными мыслями с соседом по квартире, работником исторического архива Тычинкой.

Так его прозвал Миша за малый рост и небывалую худобу.

Пытливые глазки Тычинки ласково засветились сквозь толстые очки.

– Я вам давно хотел предложить одно дельце, – чуть улыбаясь, сказал он и тотчас же скрылся за дверью, а через десять минут легонько постучал в мою комнату.

– Не угодно ли взглянуть на сию статеечку? – Он показал тускло-зеленый журнал «Библиограф» за 1889 год. Полистав пожелтевшие от времени, пахучие страницы, он ткнул пальцем.

– «Об остатках библиотеки тринадцатого века», – прочел я заглавие.

Статья была о найденных автором в башне одного монастыря четырех рукописных книгах на пергаменте. На заглавных листах удалось прочесть, что эти книги принадлежали князю Василько Ростовскому.

– А кто такой был Василько? – робко спросил я.

– Василько был сыном Константина Мудрого – владельца самой богатой библиотеки того времени. В ней кроме книг на пергаменте несомненно, имелись также березовые книги.

Ну и как после этого «пожилому врачу» не отправиться на поиски библиотеки, а нам не прочитать об этих поисках?..

Термин «шестидесятники» размыт. Обычно шестидесятниками называют молодых людей, пришедших в культуру, науку, общественную жизнь с наступлением «оттепели». В конце 1950-х. Но можно встретить в перечислении шестидесятников и людей старших поколений. Окуджава, Солженицын, Слуцкий, Галич, Гранин, даже Шаламов. В этом случае и Сергей Голицын, родившийся в 1909 году, вполне подходит под определение шестидесятника – его писательский талант, свежий, романтический, раскрылся как раз в конце 50-х – начале 60-х.

А что было до этого?

Сергей Михайлович Голицын появился на свет в селе Бучалки Епифанского уезда Тульской губернии в родовом имении Голицыных, в семье юриста, земского деятеля князя Михаила Владимировича Голицына и Анны Сергеевны Голицыной, в девичестве Лопухиной. В семье было двое сыновей и пять дочерей.

Октябрьская революция застала Голицыных в Москве, и в книге «Записки уцелевшего» подробно рассказывается, как жилось им в Белокаменной, во флигелях реквизированных усадеб, крестьянских избах во время Гражданской войны. Рассказывается без ожесточения, без звенящей обиды; автор явно хочет быть объективным, беспристрастным. На первой же странице он дает и себе, и нам такую установку: «Буду

стараться писать объективно, как летописец, “добру и злу внимая равнодушно”, буду передавать факты, надеясь в первую очередь на свою память. А выводы пусть сделают историки XXI века». Впрочем, беспросветная тьма не царствовала – случались даже балы, лето на даче...

К писательству у Голицына лежала душа с ранней юности. После школы по настоянию родителей он попытался поступить на биологический факультет Московского университета, учился на бухгалтерских курсах, ходил на лекции вольнослушателем, подрабатывал чертежником карт, но в итоге сдал экзамены на Высшие литературные курсы, которые через два года были закрыты – слишком много «бывших» там училось. Жуковские, Гагарины, Дурново...

Летом 1928-го Голицын со своим другом совершил первое большое путешествие – по Русскому Северу. Позже походы, путешествия станут главной темой Голицына-писателя.

Вскоре после закрытия курсов его арестовали по ордеру, подписанному Ягодой. Обыск в квартире ничего не дал, допросы – тоже. Через несколько дней он был освобожден. На прощание следователь посоветовал: «Сейчас по всей стране началось грандиозное строительство. А вы фокстроты танцуете. Вам следует включиться в общенародный созидательный процесс. Мой вам совет: уезжайте, уезжайте из Москвы на одну из строек, усердным трудом вы докажете свою приверженность Советской власти».

Голицын внял совету, и с тех пор началось его кочевание по стройкам социализма. Пригодилась специальность, полученная в школе: последние два класса были преобразованы в землемерно-таксаторские курсы. Работал Голицын и на юге страны, и в Горной Шории, на строительстве Куйбышевской ГЭС... Увольнения, болезни, угрозы ареста. Но, как заметил он в книге «Записки уцелевшего»: «Могу сказать: в течение моей жизни благодаря различным чудесным совпадениям мне поразительно везло».

После очередного увольнения он написал книгу «Хочу быть топографом». Написал не просто так, а по заказу. В ГОНТИ (Государственное объединенное научно-техническое издательство) был план научно-популярных книг, предназначенных для детей. Автора для книги «Топография школьнику» найти никак не могли, и тогда брат Сергея Михайловича Владимир, книжный иллюстратор, предложил попробовать написать книжку ему. «Хочу быть топографом» вышла в 1936-м.

«Честно говоря, мне ею нечего гордиться. Но зато с нее начинался мой литературный стаж, много лет спустя она мне пригодилась для оформления пенсии. После войны ее дважды переиздавали в Детгизе, и я даже получил за нее премию, кстати, единственную в своей жизни».

Но дальше начались неудачи: «Понес я в ОНТИ заявку на следующую книгу “История дорог”, начиная с Персии и Ассирии, но мне сказали, что редакция для юношества ликвидирована, Берман перешел на другую работу. Толкнулся я в издательство “Молодая гвардия”, но там мне ответили, что тема моей заявки неактуальна, и отказали».

Голицыну симпатизировал писатель Борис Житков, даже отвез в журнал «Чиж» два его рассказа. «Я все ждал ответа, а потом узнал, что редактора Чиж и Ежа – Олейникова посадили, решил, что рассказы пропали. А много позднее мне прислали письмо в Дмитров на адрес родителей, что мои рассказы обнаружены в архиве журнала “Чиж”, спрашивали меня, кто я такой и оба рассказа – “Олененок” и “Чайник” были напечатаны в 1940 году».

Незадолго до начала войны Голицын написал пьесу «Московская квартира», работу над которой продолжал и после Победы. Мечтал, что ее поставят в Малом театре, давал читать актеру Игорю Ильинскому. «Восемь лет я мучился с пьесой, столько времени потерял зря, в конце концов рукопись сжег!»

В 1946–1948 годах написал воспоминания о войне «Записки беспогонника» (с 1941 до 1946 года Голицын служил в военно-строительном отряде), которые были опубликованы только 1990-х. В 1953-м вышла полностью переработанная книга «Хочу быть топографом», а в 1959-м издана повесть «Сорок изыскателей», которая принесла автору настоящую известность.

«Сорок изыскателей» появилась именно в нужное время – когда у людей возникла потребность в походах, странствиях, манили новые места, возник острый интерес к прошлому. Романтические были годы, и повесть Голицына стала их яркой иллюстрацией.

Новые повести, очерки, биографии известных людей посыпались как из рога изобилия. «Городок сорванцов», «За березовыми книгами», «Страшный Крокозавр», «Сказания о белых камнях», «Тайна старого Радуля», «Слово о мудром мастере. Повесть о художнике В. А. Фаворском»... Поражает работоспособность пожилого человека. Но, видимо, давала силы накопленная энергия задуманных два-три десятилетия назад произведений...

Умер Сергей Голицын в ноябре 1989-го, редактируя «Записки уцелевшего». Книги его продолжают переиздаваться. 2017 году вышло собрание сочинений в двух томах, в 2021-м – отдельными изданиями повести «Городок сорванцов» и «Сорок изыскателей». Мало кому из авторов книг «для детей и подростков» сопутствует такая долгая популярность. Но именно ли для детей и подростков писал Сергей Голицын? Скорее, и для них в том числе. В этом я, пятидесятилетний дяденька, в последние месяцы смог убедиться – открыл одну книгу и не смог оторваться, пока не прочитал всё, что сумел найти. И чувствовал себя во время чтения одновременно и взрослым и подростком. Это чудо может сотворить только большой талант.

Сверстник советского века. Даниил Гранин

1 января 2019-го Даниил Гранин мог бы отметить 100 лет. Да, вполне мог бы. Он не дожил до юбилея всего полтора года.

Известно, что бессмертных людей не бывает. У каждой жизни есть предел. Но некоторых мертвыми представить невозможно – в сознании держится твердая уверенность: они будут всегда. Для меня таким являлся писатель Даниил Гранин.

Я познакомился с ним в 2006 году. По возрасту Гранин должен был оказаться глубоким стариком, дряхлым и немощным, а предстал молодым, румяным дяденькой с острым умом, и в голосе ничего старческого не слышалось, была этакая петербургская плавность. Помню, вернувшись домой с литературного мероприятия, я раскрыл энциклопедию, чтоб удостовериться, что родился Гранин действительно непостижимо для меня давно – во время Гражданской войны. И вот, почти девятидесятилетний, он стоит без всяких палочек, улыбается, отвечает на вопросы писательского молодняка, в руке рюмка водки...

В начале 2017-го я видел Гранина в последний раз, и он почти не изменился за десять лет. Разве что немного ссохся и говорил уже

несколько с трудом. Но для 98-ми лет это мелочи. Ничего особо не указывало на ту глубинную усталость, которая, собственно, и называется старостью.

И тем неожиданней стало известие, что летом того же года он попал в больницу, а через несколько дней скончался. Последний, кажется, из известных писателей, родившихся до образования СССР.

Имя Гранина я слышал с детства. Родители обсуждали его книги, по телевизору часто шел фильм «Иду на грозу» с Василием Лановым, Александром Белявским, Жанной Прохоренко – фильм для поколения моих родителей, что называется, культовый.

Подростком я пробовал читать Гранина, но было сложно. Наверное, не по возрасту. Хорошо, что в очередной раз попытался лет в шестнадцать – и на несколько недель провалился в «Иду на грозу», «Зубра», «Искателей». Проза об ученых. Лаборатории, научные споры, открытия, неудачи, вражда, любовь не просто мужчины и женщины, а коллег...

Да, вовремя провалился, потому что буквально через полгода-год были сметены приоткрытые цензурные шлюзы, и хлынул поток запрещенного, «возвращенного», андеграундного, и для меня, да и большинства моих сверстников, знакомства со многими советскими писателями или не случилось вовсе, или было отсрочено на многие годы. Некоторых я узнаю лишь сейчас, после сорока, в пятьдесят плюс.

До сих пор встречается уничижительное слово «совписы». Расшифровывается оно просто – «советские писатели», но значение имеет такое: приспособленцы, лгуны, конъюнктурщики, конформисты. И ведутся бесконечные споры – являлись ли, скажем, Окуджава этим самым совписом, или Шукшин, или Трифонов...

Все они, жившие и издаваемые в СССР, были, конечно, советскими писателями. И все в той или иной степени вынуждены были держаться в определенных идеологических рамках. Но, быть может, эти рамки не только сдавливали писателя, но и заставляли писать действительно *полезные* – а не только талантливые, высокохудожественные, сильные – произведения?

Я то время почти не застал, поэтому и задаюсь этим вопросом. Ведь в отличие от последних трех десятилетий, давших, конечно, немало замечательных авторов, 50-е – первая половина 80-х – время литературы именно *полезной* для жизни.

Слово «полезное» может показаться в отношении художественной литературы неуместным, употреблю «нравственное». Даже самые честные, самые безжалостные произведения были направлены на то, чтобы сделать человека лучше. Сегодня эта задача литературы не видна.

Даниил Гранин – советский писатель. Талантливый, наверное, честный в своих книгах, ставящий героев в сложные положения, но, скажем так, в воспитательных целях. Читатель после его книг, я уверен, становился сильнее. Даже если герои книг терпели крах, как в романе «Иду на грозу».

В его книгах советского периода много примет того времени. Комсорги, парторги, обкомы, бюро, рассуждения о социализме и капитализме. Понятны ли эти рассуждения, приметы времени новым поколениям? Не уверен. Но лучше ли писать такую вневременную прозу? По-моему, нет. Нужно запечатлевать эпоху в том числе и в ее мелочах. Впрочем, эти мелочи зачастую очень сильно влияли на жизнь людей, а то и ломали судьбы.

Я давно от корки до корки не перечитывал те его книги. Иногда заглядываю, чтоб восстановить в памяти стиль, не особенно, скажу, своеобразный. Но удивительное свойство гранинской прозы – он писал в основном об ученых, многие страницы посвящены научным спорам, а читается это довольно легко и увлекательно... Сегодня наука, медицина, спорт и многое другое – очень редкий гость в литературе. «Кто будет читать о физиках?» Да будут. Если писать художественно. Гранин писал, его читали.

Читают его книги и сейчас. Но в основном другие – поздние. «Причуды моей памяти», «Все было не совсем так», «Мой лейтенант».

Это иной Гранин. Впрочем, не совсем и не во всё. У него есть небольшая повесть «Наш комбат», изданная в конце 1960-х. Страшная повесть о том, как штурмовали высоту, торопясь взять ее к дню рождения Сталина, и сколько людей положили в лобовых атаках. Почти весь батальон...

Позже страшные подробности военных лет появились в документальной «Блокадной книге», которую Гранин написал (а вернее, собрал) вместе с Алесем Адамовичем. Полностью «Блокадная книга» вышла только в 2000-е.

Не так давно я впервые прочитал роман Гранина «После свадьбы», опубликованный в 1958 году. Главные герои, молодожены Игорь и Тоня, уезжают из Ленинграда в деревню, устраиваются работать на МТС. Это не оператор сотовой связи, а машинно-тракторные станции. Игорь пытается навести на МТС порядок.

Комсомольцы по очереди группами дежурили у табельной доски. Они встречали опоздавших целым оркестром: били в рельсу, стучали по железной пожарной бочке, провожали с частушками до бригадира. Самые упорные противники табеля и те не выдерживали дружных насмешек. С каждым днем на доске появлялось все больше номерков, они победно блестели за проволоочной сеткой, как выбитые мишени.

Но, по мере того как табель налаживался, возникали другие непредвиденные трудности. При малейшей заминке с деталями бригадиры поднимали шум: какой толк в ваших гудках, если потом простаиваем часами! Раньше бригадиры как-то сами изворачивались, добывали, выпрашивали, выменивали детали друг у друга, теперь они дружно надели на Игоря: подавай, обеспечивай, мы вовремя приходим на работу, так и ты, будь добр, покрутись.

А на складе царил неразбериха, инструментального хозяйства не существовало, поводы для простоев возникали ежеминутно. Игорь сам носился и за раздатчика, и за контролера, и за наладчика, а главным образом за добытчика.

Он ничего не успевал, ему казалось, что работа шла еще хуже, чем в первые дни по приезде. Во всяком случае, тогда он не чувствовал себя виновным во всех беспорядках. Теперь же все упиралось в него, все сводилось к нему, он становился главной причиной всех задержек, всех перебоев.

– Стоим, товарищ начальник! – кричал ему через всю мастерскую Анисимов. – Осей нет, уплотнителей нет! Номерок повесили, разрешите домой идти?

Игорь с бессильной, но непримиримой ненавистью смотрел на багровое лицо Анисимова и бежал в кузницу выяснять насчет осей.

Не знаю как другим, а мне читать об этом интересно. И полезно...

Поэт в России, как известно, больше чем поэт. И Гранин не только писал книги, но и участвовал в общественной, политической жизни, был «литературным начальником», народным депутатом СССР.

Одни не могут простить ему, что не встал грудью за Иосифа Бродского, когда над тем нависла угроза судебной расправы, другие

восхищаются смелостью, что воздержался при голосовании об исключении Солженицына из членов Союза писателей. Третьи проклинают за подпись в так называемом «Письме 42-х» в октябре 1993-го, четвертым не понравилось выступление Гранина в Бундестаге в 2014-м, пятые считают эту речь великим событием, настоящей точкой во Второй мировой войне.

Историк литературы Михаил Золотоносов раскопал, что биография Гранина, особенно военного периода, не соответствует той, какая создана им в автобиографических книгах «Причуды моей памяти» и «Всё было не совсем так»; несколько лет назад вышла книга Золотоносова «Гадюшник», состоящая в основном из стенограмм заседаний Ленинградского отделения Союза писателей СССР, где Гранин предстает в неприглядном свете.

Да, он фигура неоднозначная, сложная, противоречивая. Но кто из его сверстников по советскому веку простой, однозначный, консистентный?

Многие поступки и слова Гранина со временем канут в Лету, а некоторые книги, уверен, будут жить. Это для писателя самое главное.

Трагедия советского моралиста. Юрий Нагибин

По степени настоящей популярности у советских читателей второй половины XX века Юрия Нагибина мало с кем можно сравнить. Были писатели модные, были авторитетные, были полузапрещенные, а Нагибин был именно популярен – его книги расхватывали с прилавков, его героям старались подражать, его слогом упивались...

Теперь о нем почти не упоминают, новое поколение его не знает, а читатели старших поколений при упоминании о Нагибине часто морщатся. Почему?

Удивительно, но о Нагибине-человеке до самых последних лет его жизни почти ничего не знали. Москвич, студентом ушел на фронт, был тяжело контужен (от контузии так и не оправился), стал писателем, сценаристом, много говорил с экранов телевизоров о нравственности, долге, честности...

Да, в 1960-е–1980-е он был чуть ли не «совестью народа», причем не навязанной сверху, а выбранной самим народом. Даже не читавшие его книги, Нагибина уважали: ведь это он написал сценарий самого, пожалуй, народного фильма – «Председатель». Лично я застал время, когда старики смотрели и плакали. И шептали: «Так и было, так оно и было...»

Нагибин писал очень много и так же много издавался. Прижизненное собрание сочинений составило одиннадцать томов, посмертное – двенадцать, но оно далеко не полное. Писал он в самых разных жанрах и направлениях. Городская проза, деревенская, военная, историческая, производственная, школьная повесть, охотничьи рассказы, рассказы для детей, «современные сказки», очень близкие к фэнтези, даже детективные рассказы есть... И всё – или почти всё – у Нагибина получалось блестяще.

Очень талантливый, работоспособный профессионал – недаром критик Валентин Курбатов сравнил его с «ученым и инженером». Такое сочетание в нашей литературе встретишь нечасто: очень многим какого-то из этих качеств не доставало и недостает. Может быть, к счастью...

В середине 1970-х, в годы так называемого застоя, Нагибин опубликовал рассказ «Огненный протопоп» об Аввакуме. Вернее, это краткая художественная биография. Автор показывает нам, каким прямым и твердым в своих убеждениях был вождь староверов. Даже на костре не отрекся, не попросил пощады.

Протопоп горел с ног, на низком, вялом пламени. Он стонал, ревел, закидывал косматую пегую голову с желто обгорелыми от искр кончиками длинных волос. И стрелецкий десятник, как некогда воевода Пашков, царь Алексей и патриархи вселенские – о чем, разумеется, ведать не мог, – томительно ждал, чтоб страдалец запросил пощады. Почему неправая власть так нуждается даже в мнимом изъяслении покорности, мнимом раскаянии тех, кого считает виновными в тяжких против нее, власти, прегрешениях? Может, потому, что власти нужна не преданность, не союзничество, основанное на единоверии, а только слепое послушание, пусть даже неискреннее, обманное, но полное и безоговорочное, проще – рабье. Тогда власть сознает себя силой. Для десятника покаянный вопль Аввакума означал бы возвращение бранного поля, сабли и бердыша. И когда терявший себя от боли протопоп заходилась волчьим воем, десятнику мерещились седой ковыль, серые гладкие валуны на южном пределе Руси и золотисто вскипающая даль под копытами вражеской конницы. И он приподымался на крепком седле, вбирал в грудь пьянящего, мятой и полынью пахнущего воздуха, принимал в правую руку тяжесть сабли и посылал коня вперед. Из косо завалившегося глаза на шрам, заросший диким мясом, выкатывалась маленькая холодная слеза и солила уголок запекшегося рта. Но тут в лицо ударяло черным смрадным дымом, и был этот дым будто выдох Аввакумова рта.

– Ну же, сдавайся, поп! – не то про себя, не то вслух требовал десятник.

Но Аввакум не сдавался. Али боль его отпустила, али сам поборол муку, али пришло откуда-то остужение, но с дикой силой рванулось из дыма:

– Ужо будете в моих руках, выдавлю сок-то!..

Поник стрелецкий десятник, и перестало ему пахнуть мятой и полынью. И понял он, что отныне лишь этой сладковатой вонью будут смрадить его дни, остатние пустые дни жизни, в которой он все растерял, неведомо где и как: жену, семью, дом, коня, поле и самого себя, да и этого вот корчащегося на костре старика, который один мог дать ему что-то взамен утерянного. Но кругом были шиши государевы, шиши патриарховы и самые кровожадные – шиши добровольные – навадники, были стрельцы, а среди них тот, кто только и ждал случая, чтобы занять место своего начальника. Как бы низко ты ни стоял, всегда найдется нижестоящий, алчущий заместить тебя, а рубленный в боях воин – он знал это теперь прозревшим и навек съезжившимся сердцем – не обладал мужеством. Он не мог раскидать костер и спасти мученика.

Своего пика популярность Юрия Нагибина достигла в самом конце 1980-х – начале 1990-х. Но эта популярность оказалась недоброго свойства. Тогда срывались маски, вынимались из шкафов скелеты. Не стал исключением и Нагибин. Он сорвал маску с себя сам, сам вынул скелеты из своего шкафа. И сделал это как писатель – в повестях и романах.

Первая повесть «другого Нагибина» – «Встань и иди» – появилась в журнале «Юность» в 1987 году. Помню свое впечатление: я долго был ошеломлен. Строго говоря, повесть о сталинских репрессиях. Тема в то время чуть ли не модная, но ошеломила меня не тема, а сам герой, благополучный, устроившийся в той жизни молодой человек, которому ссыльный отец, некогда лучший и главный человек, стал мешать.

Повесть была написана настолько исповедально, что невозможно было отделить героя от автора. Сам автор настаивал: это я, отца предал именно я, а не вымышленный персонаж. Но ведь автор написал когда-то

такие светлые, даже в трагизме светлые, повести и рассказы о том же времени – «Переулки моего детства», «Лето», «Школа», «Чистые пруды»... А оказалось, что всё было не так, как у героев тех повестей.

Уже после смерти Нагибина его вдова Алла Григорьевна рассказала, что «Встань и иди» была написана в 1950-е и тридцать лет пролежала, зарытой в саду...

Года через три-четыре после этой повести мне попался сборник Нагибина «Любовь вождей». Я был тогда совсем молодым и, как большинство молодых, падким на чтение так называемой клубнички. Но это была не клубничка, а нездоровые фантазии – явно фантазии – о сексуальных извращениях Берию, Брежнева, Сталина, не имеющего половых органов Гитлера. Сначала я не мог поверить, что это написал Нагибин, потом оправдывал его тем, что ему нужны деньги, и вот он решился так заработать, что это дань тогдашней моде...

А следом повалились его книги подобного рода, но теперь уже вовсе не фантазии – в них он, Юрий Нагибин, был и главным героем. Он это подчеркивал, на этом настаивал. «Тьма в конце туннеля», «Моя золотая теща. Автобиографическая повесть», «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя», «Дневник», сданный в печать за несколько дней до смерти, в июне 1994-го...

Отправляя рукопись повести «Моя золотая теща» издателю Александру Рекемчуку (моему мастеру в Литературном институте), Нагибин писал: «Я вдруг подумал: а что, если ты не прочь прочесть нечто в игривом роде, хотя тоже достаточно мрачное. Русский Генри Миллер, хотя и без малейшего подражания автору “Тропика Рака”».

Да, эта повесть о любовных отношениях героя со своей тещей, женой директора крупнейшего в Москве автозавода, не подражание Миллеру, но... В этом «но», наверное, вся трагедия позднего Нагибина: но Генри Миллер «Тропиком рака» начал свой путь в литературе, а Юрий Маркович подобными вещами свой путь закончил.

Лет сорок воспитывал читателей быть нравственными, честными, сам же держал в надежно запертом шкафу настоящий ящик Пандоры. Когда стало можно и безопасно – он этот ящик открыл.

Люди бросились читать, прочитали, ужаснулись и отбросили эти книги. А вместе с ними и остальное написанное им.

Да, в советское время никто из литераторов не мог опубликовать всё, что писалось. Остались непроходные вещи в архивах Владимира Тендрякова, Федора Абрамова, не доживших до перестройки. Но их посмертная судьба куда завидней судеб тех, кто дожил и написал «всю правду» именно в то время. И дело не в теме, а в эстетике конца 1980-х – начала 1990-х. А эстетика эта была не правды и не созидания, а разрушения. И последние книги Нагибина, его почти сверстников Владимира Солоухина, Виктора Астафьева этому разрушению здорово поспособствовали. Лирики, моралисты вдруг сделались обличителями, ниспровергателями ими же созданных идеалов.

Это, конечно, их трагедия. Изломанные судьбы, семейные тайны... Юрий Нагибин, например, уже в зрелом возрасте узнал, что его отец не Марк Яковлевич Левенталь (прототип отца в повести «Встань и иди»), а дворянин Кирилл Александрович то ли Нагибин, то ли Калигин, расстрелянный большевиками в 1920 году как участник крестьянского восстания.

Мы, литераторы «новой России», с первых строк можем писать все, что считаем нужным, рубить правду-матку. Впрочем, наверное, поэтому нас так мало читают...

Деревенщик-производственник. Виль Липатов

Однажды, довольно уже давно, мы заговорили с родителями о советской литературе времен так называемого застоя. Я, помню, утверждал, что с конца 1960-х до начала 1980-х мало что появлялось стоящего, почти ничего не пережило испытание временем, многие и многие забыты, в том числе и Виль Липатов. С чего я упомянул именно его? Наверное, потому, что незадолго до того прочитал в старенькой, истрепанной «Роман-газете» его роман «Игорь Саввович», был впечатлен не столько сюжетом, сколько слогом, интонацией, какой-то тяжелой и крепкой авторской поступью. До «Игоря Саввовича» я читал повесть «Серая мышь» и видел два фильма по липатовским произведениям. Но ощущение прошлого, которое уносит река времён, было сильно.

«Почему это забыт? – возмутилась мама. – Мы отлично помним и перечитываем».

Хотелось ответить: «Отлично», но остановило то, что родителям далеко за семьдесят. Может быть, отлично помнят шестидесятилетние, но для моего поколения, людей в районе пятидесяти, Виль Липатов и его сверстники – или неизвестны вовсе, или смутно знакомы по пионерско-комсомольской юности.

А ведь их книги могут быть интересны и полезны и сегодня. Не стоит сдавать их в утиль или прятать в чулан. Лучше – полистать, а то и зачитаться...

Виль Липатов – знаковый писатель 1970-х, на его книгах выросли последние советские романтики, его героев и антигероев искренне горячо обсуждали на собраниях; экранизации собирали миллионы зрителей. Теперь книги почти не переиздают, фильмы почти не показывают, об авторе очень редко вспоминают историки литературы. Творческое наследие Липатова напоминает закрытую бронзовую книгу на его могиле...

Как и большинство писателей первого ряда семидесятых, Липатов дебютировал в «оттепельные» 50-е. Одна из первых публикаций состоялась в журнале «Юность» в 1956-м. Два рассказа – «Самолетный кочегар» и «Двое в тельняшках». Вот самое начало первого рассказа:

Он появился в конторе лесозаготовительного пункта в середине июня. Шло важное заседание. Час тому назад у дизельного трактора расплавили подшипники, и теперь начальник пункта Сухов, покрасневший и взъерошенный, искал виновных.

По сути, это и стало главной темой прозы и очерков Вилия Липатова: случаи на производстве, но не на больших заводах, а в леспромпхозах, в бригадах рыбаков, лесосплавщиков; действие происходит в основном в деревнях и рабочих поселках. Наверное, поэтому автора часто причисляли к деревенщикам. Прочитую дневниковую запись литератора Георгия Елина от 29 мая 1979 года:

«Звонит Коля Булгаков: чем занят? Говорю, что пишу заказной текст про деревенскую прозу (ворчливый), перечисляю авторов. Коля даёт совет:

– Только Вилия Липатова не ругай. Не совсем удобно, когда он в таком положении.

– А в каком он положении?

– Да в общем-то в незавидном – он умер».

А Александр Бурьяк в своем, мягко говоря, нелицеприятном по отношению к Липатову очерке из серии «Критические портретики» называет его «деревенщик и... производственник». По-моему, очень точно...

Родился будущий писатель в 1927 году далеко от литературных столиц – в Чите. Родители (отец – журналист, мать – учительница, оба большевики времен Гражданской) вскоре разошлись, и Виль (В.И. Ленин) вместе с мамой попал на Дальний Восток. Затем были села Новокороткино и Тогур в Томской области. Учился в Новосибирском институте военных инженеров транспорта, затем поступил на отделение истории Томского педагогического института. Работал журналистом в разных городах страны – Томск, Асино, родная Чита, Брянск... В 1967-м, уже известным писателем, осел в Москве. Умер в 52 года...

Да, книги Вилия Липатова почти не переиздают в последние десятилетия. Некоторая известность поддерживается фильмами, которые время от времени показывают по телевизору – «И это всё о нем», «Инженер Прончатов», «Деревенский детектив» и его продолжения «Анискин и Фантомас» и «И снова Анискин», благо в них снимался актерский цвет того времени: Евгений Леонов, Эммануил Виторган, Игорь Костолевский, Людмила Чурсина, Альберт Филозов, Валентина Талызина, Михаил Жаров, Татьяна Пельтцер, Михаил Глузский, Тамара Сёмина, Инна Макарова...

Но время меняется всё сильнее, поколения, помнящие реалии 1960–1980-х постепенно уходят, и наверняка книгам и фильмам по сценариям Вилия Липатова скоро тоже выйдет срок.

Это ведь большая проблема: срок годности литературы. Единичные произведения живут столетия, в основном же – в том числе и очень талантливых авторов – уходят в небытие. Я сам не раз критиковал обилие вневременных романов, повестей, рассказов, то есть тех, где действие происходит непонятно когда, герой работает неизвестно где или обладает профессией, которая может существовать и в наши дни, и двести лет назад; нет бытовых, социальных подробностей, а темы поднимаются поистине вечные... Может, таким способом авторы хотят продлить жизнь своим детищам.

У Вилия Липатова, конечно, можно увидеть вечные темы, но они почти всегда строго увязаны со временем, проблемы поднимаются насущные и актуальные. Но – для того времени. Нынешней молодежи почувствовать его, а не то что понять, практически невозможно. Для них эти книги почти такие же путешествия в сумрак прошлого, как книги Диккенса, Золя, Писемского, Глеба Успенского...

В первых рассказах и повестях Липатова больше романтики. «Шестеро», «Капитан “Смелого”», «Своя ноша не тянет», «Глухая Мята», «Смерть Егора Сузуна», «Стрежень» – о трудовых подвигах, которые подаются именно в романтическом ключе. Это роднит их с ранними произведениями сверстников Липатова Василием Аксеновым, Анатолием Кузнецовым, Александром Рекемчуком, да и с Василием Шукшиным, пожалуй, тоже. Повесть «Чужой» 1964 года выглядит несколько нехарактерной для того периода – главным героем (а вернее, антигероем) в ней выступает тогдашний современный мещанин. Этакая крепкая поуха на пути к скорому коммунизму.

Под конец 1960-х романтизма и лиризма в прозе Липатова становится всё меньше. Начиная с цикла рассказов «Деревенский детектив» (1967–1968) отчетливее начинает проявляться тема воровства, корысти, которые точат и сельских жителей, и городских.

Фильмы о сельском участковом Анискине сняты в несколько ироничном, порой даже юмористическом ключе. Способствует этому и игра Михаила Жарова. Впрочем, кажется, за некоторую ироничность прячется и автор. Но на самом деле это трагические рассказы и повести. Люди, которых «оттепель» и порожденные ею книги должны были сделать честными, открытыми, совестливыми, стали совсем другими.

После выхода книги «Деревенский детектив» возникла довольно бурная полемика. Одни видели в Анискине диктатора, который держит всю деревню в кулаке, другие называли его «совестью деревни». Так или иначе, вывод из тех статей и рецензий делается однозначный – не всё благополучно в нашем обществе. Строили, строили и вот к чему пришли – ворует, химичим, а то и убиваем.

Характерно, что в те же годы были написаны очень горькие рассказы Шукшина «Волки», «Охота жить», «Материнское сердце», «Свояк Сергей Сергеевич», вышли повести Распутина «Деньги для Марии», «Кончина» Тендрякова...

Фигур, подобных Анискину (необязательно милиционеров) вообще, по-моему, не хватало и не хватает ни нашей литературе, ни нашей реальной жизни. Вспоминается разве что герой Бориса Екимова Кобытин, председатель полуразворованного колхоза, пытающийся остановить разор и получающий от земляков прозвище Пиночет (так и называется сама повесть, вышедшая после краха перестройки, которая опять же, как и «оттепель» должна была сделать людей лучше, а получилось наоборот).

За «Деревенским детективом» последовали повести Виля Липатова «Лида Вараксина», где деревенская жизнь показана тоже без былого романтизма, а следом «Сказание о директоре Прончатове», роман сложный и по конструкции, и по идее. И если в этом произведении герою, человеку пусть и не очень симпатичному, но активному, талантливому в своем деле (а речь идет, как часто у Липатова, о сплаве леса), удастся победить, то в следующих больших вещах – «И это всё о нем» и «Игоре Саввовиче» – такие герои, достаточно еще молодые люди, проигрывают приспособившимся, укоренившимся. Гибнут – в случае Столетова – физически или в случае Игоря Саввовича – духовно.

В общем, наступивший застой Липатов не только увидел, но и подробно, честно описал. Создал и образец человека, которому в застой хорошо и уютно – мастера Гасилова, который буквально изводит и гнобит горящего новым Женю Столетова. Помнится, тогда возник термин – «гасиловщина». С гасиловщиной боролись, но, как оказалось, безрезультатно.

Самой страшной вещью Виля Липатова стала повесть «Серая мышь». Прочитав ее еще в доперестроечное время (нашел номер журнала «Знамя» с ней в домашней библиотеке), я был удивлен, как такое могли опубликовать в 1970-м. Ведь тогда еще пытались показать советского человека как передового, лучшего. А в повести... Наверное, публикации помогла очередная антиалкогольная кампания.

А сюжет повести такой – четверо мужиков, жителей сибирского поселка, проводят воскресный день, выпивая. Ну, это мягко сказано, выпивая... Они разных возрастов, но все еще крепкие, алкоголя, чтобы напиться, им нужно много. И вот колесят по поселку, просят взаймы, ругаются с земляками, слушают советы, оправдываются... Это еще не те алкаши, которые не в состоянии работать, которые превращаются в бомжей. В поселке бомжом и не станешь, трудиться, хотя бы на своем

подворье, нужно. Но и не пить они уже не могут, не могут остановиться. Потому так часто и звучит в деревнях придуманная народом причина смерти: сгорел от водки.

Сам Виль Липатов этого недуга не избежал, лежал в больницах. Подобно Высоцкому, попробовал излечиться от алкоголизма с помощью наркотиков. Не получилось. Тоже сгорел...

Его последним романом стал «Лев на лужайке», опубликованный через десять лет после смерти автора. Главный герой, талантливый журналист Никита Ваганов, делает на своем поприще успешную карьеру. Сначала в сибирском городе, а потом и в столице. Для Липатова роман необычен тем, что в нем почти нет примет времени, нет примеров работы его героя. И становится понятно, что роман-то не о журналистике, а о газетном производстве, вернее, этаким конвейере печатных материалов. Ваганов был одним из лучших работников, но именно конвейера; он не захотел нарушить порядок вещей. И очень точно критик Генрих Митин назвал его «удобным правдолюбом». Да и название романа говорящее – много тогда было львов, но оказались они не в саванне, а на лужайке. Аккуратной, ухоженной, вегетарианской.

Виль Липатов, конечно, не был «несогласным», «инакомыслящим» – тем, кого принято называть диссидентами. Но в его прозе несогласие, разочарование, всё сильнее принимающее форму то иронии, то грусти, усиливалось от одного произведения к другому. Впрочем, как и у большинства тех, кого мы условно можем причислить к его кругу (хотя о степени личной близости судить не могу), – Федора Абрамова, Владимира Тендрякова, Юрия Трифонова, Юрия Казакова. Это были по-настоящему советские писатели, советские люди, видевшие, что страна, созданная их отцами, ими или их старшими товарищами, спасенная во время Великой Отечественной, движется к гибели. Все они (и не только они) пытались предупредить, исправить и умерли, этой гибели не увидев. Природа словно специально выкосила их накануне перестройки, избавила от искушения свободой. Многих из доживших это искушение погубило – советские становились антисоветскими, коммунисты – монархистами, моралисты – порнографами.

Да, книги Вилия Липатова вряд ли снова войдут в читательскую моду. Во многом они устарели. Но плохо не столько это, а то, что в последние десятилетия почти не появляется писателей, которые бы попытались отобразить, а то и осмыслить в своих книгах своё, ими проживаемое, время.

Это непросто, рискованно. И слова Липатова из одного интервью тому подтверждение:

Писателям, работающим над темами сегодняшнего дня, зачастую приходится нелегко, на этом пути мы набиваем себе немало шишек, случается делать и ошибки... Удачно или неудачно, но я ишу, постоянно ишу, а ведь известно: не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

Он делал.

Осип ФУФАЧЕВ

Родился в 1985 году в Лесосибирске, Красноярский край. В 2001 году переехал в Нижний Новгород, учился в Нижегородском художественном училище и Нижегородском театральном училище. Работал грузчиком, строителем, археологом, преподавателем рисунка и живописи. Дипломированный фотохудожник, дизайнер.

Автор романа «Стекло» (под псевдонимом Осип Бес). Издатель и составитель сборника «Плохое время для героев» (2011), сборника «Души прекрасные порывы» (2017) и сборника прозы и поэзии «Мои лабиринты» (2021). Печатался в журналах «Нижний Новгород», «День и ночь», «Идель», «Невский проспект», «Перископ-Волга», в альманахе «Земляки» и других изданиях. Лауреат премии журнала «Нижний Новгород» (2022) в номинации «Проза». Первое место в номинации «Проза» на Слёте молодых литераторов в Большом Болдине и на Всероссийском форуме молодых писателей в Челябинске в 2024 году. Вошел в короткий список премии «Болдинская осень» в номинации «Проза» (2024).

Живет в Нижнем Новгороде.

УБЕЙТЕ МЕНЯ В ГОРОДЕ

Памяти Надежды Селезневой

Я вернулся сюда в декабре.

Город встретил меня похожим на покрытую ледяной глазурью новогоднюю игрушку. Еще не опавшие листья сковало прозрачной коркой, они блестели и, казалось, звенели чуть слышно, словно серьги в ушах женщины племени мурома.

Огромный рюкзак за спиной придавал мне устойчивости, но ноги все равно разъезжались, поэтому я, будто попав в зону шагового напряжения, засеменял к такси, стараясь вовсе не отрывать от земли подошвы.

Таксист, выведав у меня, что я журналист, заломил какую-то совсем нереальную цену. Но торговаться я не стал, а, вздохнув про себя: «Добро пожаловать в самый дорогой город страны», – отправился на снятую для меня друзьями квартиру. Про самый дорогой город я тогда только смутно догадывался, окончательно убедившись в этом уже позже.

Микрорайон мой, несмотря на то что территориально находился в центре, оказался довольно печальным местом. Серые, как грызуны, пятиэтажки теснили панельные девятиэтажные дома. То тут, то там из однородной массы, теряясь в тумане, торчали синеватые, призрачные высотки, а между ними реликтовыми грибами проросли покрытые сайдингом ржавые ларьки.

Давно переполненные мусорные баки, метелки американских тополей, вечные ямы перерывов коммуникаций, громадина торгового центра посередине.

Все увиденное мною было вполне обычным зрелищем для любых российских городов, но микрорайон находился под обстрелом, и обстрелы существенно усугубили его внешний вид.

Синеватые высотки были полностью необитаемы, в стенах темнели дыры выгоревших квартир. Колониям пятиэтажек повезло меньше, прямыми попаданиями им отрывало углы, ломало кровли, или же сразу по несколько квартир сгребло в никуда невидимым ковшом чудовищного экскаватора. Уцелевшие же дома стояли щербатые, исцарапанные, причась под посеченными осколками крышами.

Коммунальщики почему-то не спешили сюда наведываться, и срезанные сталью ветви, ввалившиеся внутрь квадраты балконных рам, пробоины в асфальте продолжали тревожить глаз. Обрывки полиэтилена трепетали на ветру, в тех местах, где когда-то были окна, а мусор из неприбранных баков раздувало по пустым дворам.

Возможно, коммунальщики считали, что микрорайон давно пуст, и в своих предположениях оказывались недалеко от истины — людей здесь проживало действительно мало.

В основном пенсионеры одиноко бродили вдоль домов или по одному топтались у подъездов. Молодежь мне не попадалась.

Зато здесь обитало множество собак, и к ночи они, видимо, чувствуя себя законными владельцами улиц, принимались разноголосно тявкать. Когда-то оставленные своими уехавшими хозяевами, собаки расплодились и одичали. Днем они проходили мимо потупив глаза, но с наступлением темноты смелели, а когда люди исчезали в квартирах, собирались группами и делили между собой спорные территории.

Мой подъезд также оказался практически необитаем. Темный и пыльный, он вызывал гнетущее чувство тревоги тишиной закрытых дверей, нарушаемой только моими шагами. Стекол в окнах, как и везде, не было, а полиэтилен давно оторвало ветром. Единственное уцелевшее пластиковое окно зачем-то было приоткрыто, а на подоконниках топорщились из горшков веники засохших цветов. Позже выяснилось, что из восемнадцати квартир заселены всего три, включая мою. Соседей я никогда не видел, но как раз этот факт меня полностью устраивал.

Открыв дверь, я пощелкал выключателем — свет загорелся. Газ тоже работал, а вот воды не было уже две недели, но риэлтор предупреждала меня об этом.

На счастье, прошлые арендаторы оказались весьма хозяйственными людьми и оставили мне в наследство огромное количество самых разных пластиковых емкостей, наполненных водой.

Батареи не грели, отчего в квартире было ощутимо прохладно даже в куртке, но этот вопрос я быстро решил, включив все четыре конфорки на газовой плите. Предстояло выбирать: дышать продуктами горения или дрожать от холода декабрьскими ночами. Я предпочитал первое.

В целом, квартира меня устраивала. Незатейливый ремонт, неприхотливая мебель, но все, что мне было нужно, в ней присутствовало. А главное, меня устраивала цена.

Цены на аренду недвижимости — вот то, что после расценок на такси неприятно меня удивило. Вопреки всякой логике оказалось, что снять квартиру в прифронтовом городе ничуть не дешевле, а то и дороже, чем в моем мирном и комфортном мегаполисе. Можно было запросто сидеть без воды и света, и платить ровно столько же, сколько и на «материке», как называли в республиках остальную Россию. И это при

том, что, как я уже говорил, только в моем подъезде пятнадцать квартир стояли пустыми.

Огромные площади бесхозных квадратных метров пустовали в городе. Жилые, торговые и хозяйственные помещения, оставленные без присмотра, быстро ветшали, а попав под обстрел, без надлежащего ремонта стремительно приходили в негодность. А то немногое, что было доступно, стоило баснословных денег.

Та же проблема касалась рынка услуг, продуктов питания, медикаментов и многого другого. Почему так происходило, я еще не знал и просто радовался своей, на какое-то время, небольшой, заурядной квартирке.

За окном слышалась канонада отдаленного боя. Пол под ногами завибрировал от залпов тяжелых орудий, звякнула тревожно посуда на кухне. Я вспомнил, как знакомый журналист, находившийся в городе довольно давно, узнав, где я поселился, мрачно пошутил: «Тебе нужен будет броник, чтобы сходить за хлебом». «Лучше танк», – мысленно ответил я ему и выглянул в окно.

Установленный в раме надежный двойной стеклопакет в одном месте уже дал трещину, пропустив сквозь нее внутрь тоненькую дорожку льда. В девятиэтажном доме напротив обычные стекла в окнах оказались выбитыми налетевшей когда-то взрывной волной, но стеклопакеты еще продолжали держаться.

Фасад противоположного дома напоминал лоскутное одеяло или же витиеватую дизайнерскую мозаику. Былую, еще советскую облицовку местами посшибало осколками, местами постарались сами жильцы или рабочие, в попытках утеплить помещения. Ремонт застыл на разных стадиях. Бежевые участки относительно свежей штукатурки граничили с холодным бетоном ободранных стен, кусками оригинальной плитки и голым, бурым утеплителем, углы которого трепал ветер.

Белые квадраты окон ПВХ соседствовали с заколоченными фанерой и ДВП окнами, затянутыми полиэтиленом балконами и темными зевами выбитых окон заброшенных квартир.

Странно, но смотреть на это пугающее разнообразие было приятно, и, полюбовавшись им какое-то время и поставив чайник на «вечный огонь», как я уже успел обозвать свою газовую плиту, я стал набирать номер друга.

Денис

Дениса я знал несколько лет и, собственно, по его приглашению уже второй раз приезжал в этот город. В первый раз формальным поводом для приезда послужил рок-концерт.

Конечно же, такое событие не могло стать для меня достаточным основанием, чтобы ради него трястись в автобусе почти двое суток. Я ехал собирать материал и собрал его достаточно для рассказа, но официальной версией моего появления на воюющей территории стал тогда именно концерт.

На обратном пути, когда я проходил КПП, услышав о цели моего визита, изумленные менты прямо назвали меня придурком и собирались сдать меня на освидетельствование на наличие в крови запрещенных веществ. Но, к счастью, обошлось.

Именно Денис и организовал тот самый концерт. Вообще, он являлся некоторым движком неформальной донецкой культуры. Собирал концерты, возил альтернативных музыкантов, поэтов и писателей, сам писал и издавал журналы и книги.

На освобожденные территории бросились, толкаясь локтями, по-исполнители прошлого века и новые рок-герои, седовласые писатели и молоденькие поэтессы, журналисты-правдорубы и модные блогеры. Получилась странная мешанина. Каждый пытался кричать громче всех остальных, и хотелось спросить, перефразировав Летова: «Кто здесь самый главный патриот?»

Через несколько дней от этих воплей устал даже я, что говорить о молодежи города. Позже я спросил у одного бойца, нужна ли ему такая поддержка? Он, молодой парень двадцати трех лет, ответил, что не только не нужна, но порой даже вредит, а всю подобную деятельность назвал «криками в пустоту».

Я и сам недолюбливал отечественных артистов с отличной от моей политической позицией, но, подчеркну, именно политической.

Город нуждался в воздухе, Денис воздух по возможности давал.

В первый свой приезд я был приятно удивлен местной альтернативной жизнью. Концерт проходил в клубе «Андеграунд», и название это звучало особенно точно в краю шахт и бомбоубежищ. «Если услышите подозрительные свисты, трески и шипение – сразу спускайтесь вниз, – предупредил ведущий еще до начала концерта, – у нас есть замечательный вместительный подвал. Там стоят большие железные сейфы. Они вам никак не помогут, но рядом с ними чувствуешь себя в безопасности».

Я, потолкавшись у стойки бара, заказал себе пива и, усевшись за столик, принялся изучать публику.

К наводнившим город военным всех мастей я привык достаточно быстро, сам ходил по гражданке и с видом обывателя, которому все до фени, не обращал на них никакого внимания. Но на концерте военных почти не было, пара-тройка горок терялись в обилии кожаных курток и черных бомберов. Косухи вместо разгрузок, высокие тяжелые ботинки вместо берцев и треккинговой обуви. Тут и там в слэме мелькали разноцветные гребни высоких ирокезов, а гитарные рифы глушили отступивший, казалось, в нерешительности, грохот канонады.

Стоило выйти за дверь – и обстановка сразу менялась. Мимо по пустым улицам мчались армейские грузовики, редкие прохожие жались к подъездам, и катился над крышами домов непрерывный раздражающий гул.

Совсем недавно мы сами, я, Денис и его подруга Надя, спешили в такси на этот концерт мимо обложенных мешками с песком заправок, а таксист нервно крутил баранку и сетовал на то, что заехал в «плохой» район.

Теперь же волнами накатывала музыка, а местные панки угощали пивом приезжего меня. Полярность сменилась, в который раз доказав, что в этом городе уживаются совсем уж чуждые друг другу вещи.

Неподалеку от моего дома расположился внушительных размеров китайский ресторан. Соседняя от него пятиэтажка, стоящая буквально в сотне метров, была разворочена прямым попаданием почти до основания, досталось и другим домам в округе. Но, несмотря на это, ресторан переливался неоном, как новогодняя елка, освещая своими огнями порой совсем темную улицу, электричество на которой время

от времени вовсе отключали. По залу ресторана пробежали обряженные в китайские халатики официантки, а за высокими, во всю стену, окнами непринужденно трапезничали пары.

Еще один оазис мирной жизни – торговый центр, находившийся всего лишь через дорогу от моего изрядно потрепанного двора. Впрочем, не только моего. Все пространство улочек и дворов вокруг ТЦ носило следы обстрелов. Однако сам ТЦ нисколько не пострадал. Он, словно гигантский атлантический лайнер, светясь, нависал над окрестностями, укрытый незримым силовым куполом. Там работали супермаркеты и маленькие бутики, кафешки и кинотеатр были всегда открыты и повсюду звучала тихая ненавязчивая музыка. Складывалось впечатление, что невидимая рука рынка существует в реальности и ревностно охраняет ТЦ от вредных для торговли боеприпасов, хватая их на подлете.

Я и сам частенько торчал там с планшетом, пользуясь халявным вай-фаем, пока не подключился к местному мобильному оператору и не провел в квартиру интернет. Но и после этого я нередко появлялся там. В те дни, когда электричество в округе отключали, а на дорогах не работали даже светофоры, свет в торговом центре не пропадал. Очевидно, ТЦ питался от каких-то своих, автономных генераторов, и там, прикупив кофе и устроившись на мягком диване, можно было зарядить необходимую электронику.

В свой первый визит много полезной информации для рассказов я узнавал именно от Дениса, ведь его опыт являлся действительно уникальным. Он, уроженец Донецка, видел развитие событий с самого начала, в отличие от моих товарищей, которые появлялись в городе наездами и аборигенами считаться не могли.

Чтобы увидеть изнанку местной жизни, чтобы понять и разобраться в ней, следовало хотя бы на время и самому стать местным. Именно этим я и собирался заняться в свой нынешний приезд.

Договорившись с Денисом о встрече, я стал собираться в магазин. Огульно брошенная на кассу супермаркета еда еще в день прибытия, подходила к концу, и нужно было основательно наполнять холодильник. К тому же необходимо запастись алкоголем, поразмыслив, решил я.

Денис не пил совсем, считая, что переусердствовал с градусом во время бурной молодости, но поддержать меня кружкой чая не отказался. Я же хотел как следует набраться, проспаться, возможно, повторить, а уже потом начинать жить своей новой прифронтовой жизнью.

Надя

Должен сказать, что я очень щепетилен в выборе продуктов на длительный срок, невзирая на свою безалаберность. Кочевой образ жизни учит практичности, а жизнь в съемных квартирах, общагах и коммуналах диктует свои законы.

Со временем привыкаешь обходиться малым, не нанося вреда своему желудку. Если кто-нибудь считает, например, что брикеттики лапши быстрого приготовления – это пища бедняков, то он очень ошибается. Так называемые бич-пакеты, или бэпэшки, – дорогой, вредный и совершенно бесполезный относительно калорий продукт. Проще обычный кипяток пить. И полезней. Один мой приятель до язвы желудка на такой диете из лапши досидел.

Или же, скажем, тушенка. Вещь несомненно удобная, но неоправданно дорогая. Гораздо выгоднее купить курицу или вовсе пойти на рынок, где выбор будет значительно больше.

Пользуясь этими нехитрыми правилами, я обычно не сильно тратился на еду, умудряясь готовить себе и первое, и второе и закусывать перечисленное простеньким салатом. На небольшую сумму денег я мог продержаться достаточно долго.

Непреодолимым барьером в размеренном и экономном образе жизни становились сигареты. Можно, казалось бы, снизить качество табачных изделий, уменьшить тем самым их стоимость и вскоре выплюнуть легкие, но даже такие радикальные меры не слишком помогут. Можно бросить курить, но об этом я даже не помышлял.

Здесь, в этом городе, проблема решилась сама собой. Вначале я был обескуражен выбором табачной продукции в здешних магазинах. Дело в том, что продукция оказалась мне совершенно незнакома, на витрине она представлена не была, и покупать сигареты приходилось, ориентируясь исключительно на стоимость. На кассе я бормотал неизвестное мне англоязычное название, тыкал пальцем в ценник, указанный в списке никотиновых товаров, и задерживал всю очередь, нередко получая взамен за свои старания пачку тонких дамских сигарет. Вдобавок в магазинах цены все-таки кусались.

Решение пришло само собой. Я бродил по округе в районе своего дома в поисках необходимых мне магазинчиков бытовой химии и посуды, мясных и овощных киосков. В общем, всего того, что требовалось мне в моем нехитром хозяйстве.

Маленькая будка табачного ларька привлекла мое внимание. Совсем крошечная, привалилась она к остановке. Таких ларьков я не видел, пожалуй, с детства. Немногим больше сельского туалета, такая же деревянная и неказистая постройка манила россыпью пестрых коробочек из-за грязного стекла витрины.

Большинство сигарет мне также не были известны, но встречались и знакомые марки. Станным образом здешние сигареты стоили в два, а то и в три раза дешевле, чем на Большой земле.

Позже я выяснил, что вся хитрость заключалась в акцизах, а точнее, в их отсутствии. Ну и само собой, половина сигарет была паленкой. Набитым соломой суррогатом с комком ваты вместо фильтра.

Но вскоре я обнаружил, что здесь есть чем поживиться. Желтая пачка с неприметным дизайном стоила как раз втрое меньше моих привычных сигарет, а на вкус ничем им не уступала. Прикупив сразу десять штук, я, весьма довольный, отправился дальше. Предстояло решить еще несколько бытовых проблем.

Проблема с посудой стояла особенно остро. В квартире, что я снял, необходимой посуды оказалось крайне мало. Кружка, несколько тарелок, сковородка и хрустальная советская салатница с толстыми стенками.

Вначале я подумывал запихнуть салатницу в микроволновку и приготовить что-нибудь съестное прямо в ней, но вовремя передумал. Стало понятно, что придется обзавестись хотя бы простенькой кастрюлей. Питаться одними бэпэшками из местных магазинов выходило слишком дорого, бутербродами и полуфабрикатами тем более.

Как-то раз, решив побаловать себя, я купил батон бюджетной, по тутошным меркам, вареной колбасы, рассчитывая, что стану есть ее на «десерт» несколько дней. Но на следующее утро колбаса в холодиль-

нике буквально разложилась и растеклась по белым полкам розовой липкой жижей.

К таким экспериментам я больше не прибегал, на готовую еду и, тем более, на доставку мне не хватало денег, а наварить себе, скажем, кастрюлю макарон я не мог, так как никакой кастрюли у меня не было.

Поход в магазин посуды только расстроил.

Однажды, еще до приезда сюда, в своем городе, на барахолке, мне попала немецкая каска времен Второй мировой. Стальная, в хорошем состоянии. Каска стоила гораздо дешевле эмалированной емкости для варки еды. Выходило, что макароны выгоднее варить в трофейной каске, а не в драгоценной покупной кастрюле.

Был еще вариант найти комиссионку или нечто подобное, но я еще слишком плохо ориентировался в городе и не знал, существуют ли они здесь вообще. Клянчить посуду у приезжих товарищей оказалось занятием бесполезным, они и сами жили на чемоданах, пользуясь самым необходимым.

Выбор падал на моих местных друзей, а их на тот момент в Донецке у меня было всего лишь двое. Денис, тот самый товарищ – музыкант, писатель и организатор рок-концертов, и его хорошая подруга Надя, у которой я останавливался в первые дни своего пребывания в городе.

Предпочтение, само собой, я отдал Наде. У девушки вполне могла завалиться кастрюлька, а после телефонного обещания подыскать мне подходящую посудину я стал собираться в дорогу.

Надин район считался гораздо опаснее моего. Из окна невооруженным глазом можно было наблюдать, как в сторону Авдеевки работают «Грады». Канонада круглые сутки стояла такая, что мешала говорить. Подобрать на земле, если не получить «на память» в голову, осколок снаряда не составляло труда. А в припорошенной снегом траве газонов притаились мины «лепестки».

«Лепестки» в моем микрорайоне не попадались, но газоны все равно огораживала колючая проволока, намотанная в несколько рядов. Здесь же с тротуаров лучше было вовсе не сходить и всегда следить за каждым своим шагом.

Существовали и другие неприятности.

Собаки из ближайшего частного сектора, не в пример дворняжкам из центра, собирались в свирепые зубастые стаи и легко терроризировали прохожих среди бела дня.

В этот раз обошлось. Под надзором многочисленной собачьей стаи я целым добрался до дома и вскоре, сидя на кухне, делился с подругой своими размышлениями.

– Как так? – спрашивал я, глядя, как хозяйка нарежает бутерброды. – Что у вас с ценами?

– На что? – Надя перестала резать колбасу.

– Да на все! На нее, – я указал на круглые ломтики, – колбаса в два раза дороже, чем у нас. На остальные продукты, на жилье, на такси, на другие услуги. Я таких цен даже в Москве не видел.

– А что ты хотел? Город полон военных и строителей-вахтовиков. Ты серьезно думаешь, что они на автобусах по городу ездят? У нас же нет какого-нибудь Яндексa, перевозчики сами по себе. Если пассажиру без разницы, сколько платить, то и перевозчик цены задерет.

– Ладно, с этим понятно, а с остальным?

– Так во всем – конкуренции нет. У нас только одна сеть продуктовых магазинов, бороться за покупателя им не надо. Покупателю просто

некуда идти. Продукты доставлять сюда накладно. Да и принадлежит вся эта сеть... – Надя, не договорила, но многозначительно подняла глаза к потолку. – Конкурентов они тут не потерпят.

С ее слов выходило, что колоссальный финансовый разрыв между приезжими и основным населением является главной проблемой. Я же полагал, что это только одна ее сторона. Но во многом Надя была права.

Военный или строитель, обладая невероятной, по сравнению с доходом местного жителя, суммой, мог легко позволить себе все, что угодно. Снимать дорогое жилье. Ездить на такси в булочную. Пользоваться всеми благами. Отчего цены неуклонно росли, а доход простых людей оставался прежним. Это, конечно, не могло объяснить разницу в стоимости товаров и услуг, да и в других сферах жизни, между республиками и остальным «материком».

Я задумался, наблюдая, как Надя моет посуду в кухонной раковине. Воды у нее в этот день тоже не было, но в их районе воду давали два раза в неделю, а у меня в квартире вода не появлялась уже давно.

Одной рукой Надя наклоняла над раковиной шестилитровую пластиковую баклажку, другой рукой мыла посуду под вытекающей из баклажки струей. Приходилось попотеть, чтобы вымыть даже пару тарелок.

– Слушай, хочешь, бизнес-идею подскажу?

– Давай, – ответила Надя, не отвлекаясь от своего занятия.

– Нужно скупать на «материке» умывальники... ну, такие... которые в деревнях висят, и везти сюда. Озолотиться можно.

Посмеявшись, мы еще немного поболтали, и я, сунув в пакет кастрюльку, засобиравшись домой.

Собаки к тому времени куда-то подевались, я без опаски шагал к остановке, когда над головой грохнуло так, что уши мои заложило. Я инстинктивно присел, вместо того, чтобы рухнуть, как положено, мордой в замерзшую грязь. «Я же лицо себе, падая, расшибу», – остановила меня неуместная и глупая мысль. Разгибаясь, я наблюдал, как беззвучно катится и подпрыгивает на льду выпавшая из пакета кастрюлька.

Юра

Мои друзья стали прибывать на Донбасс, начиная с четырнадцатого года. Все они, как и я сам, принадлежали к одной и той же организации, добровольческому движению, собранному задолго до военной операции. Некоторые из друзей находились здесь с самого начала конфликта.

За десять лет организация передала в республики множество гуманитарных грузов. Медикаментов, одежды, продуктов питания. Но основной функцией движения всегда являлась помощь добровольцам, которых в самой организации становилось все больше и больше.

В разных городах Большой земли ежедневно, невзирая на времена года, жару и холод, можно было видеть синие палатки организации. В палатках молодые ребята и девчонки раздавали газеты и листовки, вели агитацию и разъяснительные беседы с дружественно настроенными гражданами (вступая порой в конфликты с недружественными) и собирали денежные средства для помощи республикам.

Все чаще члены организации уходили в ополчение, рисковали жизнью, получали ранения, погибали.

Первопроходцы. Мальчишки, не державшие оружия в руках, ехали сюда, даже не зная, что за место такое – Донбасс. А навстречу им, улыбавшимся из-под тентов газелей, тянулись вереницы машин, автобусов и просто пешеходов к границе с «материком».

Один мой товарищ, родом из Новосибирска, рассказывал, как, прибыв в расположение, они с новобранцами обнаружили во дворе абрикосовое дерево. Плоды с нижних веток давно обобрали, но выше, куда не дотянуться рукой, фрукты остались нетронутыми. Недолго думая, они принялись сбивать абрикосы прикладами автоматов, ухватив оружие за стволы, по-обезьяньи прыгая вокруг дерева. Надо же, абрикосы вот так запросто на деревьях растут!

Рассказывая мне этот случай, товарищ не скрывал восторга, казалось, что это было одним из самых ярких впечатлений за всю его поездку.

Случались и курьезные случаи, ну как курьезные – в кавычках... Другой мой приятель подорвался на mine. Не смертельно, но осколок в ногу ему угодил. Осколок достали на месте, а вот долечиваться беднягу отправили на Большую землю. Вернувшись в родной город, приятель, как положено, поковылял в больницу. На вопрос изумленного врача, осмотревшего рану, пожав плечами, ответил: «Осколок». «Откуда?» – еще больше изумился врач. «Подорвался на mine», – как есть, ответил тот. «На какой mine? Где?» – «На войне», – стал раздражаться приятель на бестолковость врача. «Мы же ни с кем не воюем... – врач задумчиво поправил очки. – Что же мне тебе в заключении написать?» Что написал врач, я не уточнял. Мне только сейчас стало интересно, как в то время оформляли раненых. Как-никак, среди них были люди и с пулевыми ранениями. Повторюсь, ни о каком СВО тогда никто даже не помышлял. Никто ни с кем тогда не воевал, ни о какой войне не могло быть и речи.

А ведь были и погибшие.

Коллега Илья Гурьев, с позывным Заяц, как и я, занимался археологией. Погиб, ликвидируя прорыв танковой колонны, остались две дочки. Через несколько лет мне довелось поработать с той самой конторой, где работал Илья. В офисе фирмы на стене висит большая фотография Ильи. Он с автоматом, улыбается, щурится на солнце.

Преподаватель русского и литературы Женя Павленко, отец двух дочерей, позывной Таймыр, погиб под минометным огнем, вытаскивая раненого товарища из-под обстрела, через полтора месяца после приезда сюда.

Оба были младше меня сегодняшнего, имели семьи, но поехали, не смотря ни на что.

Как оформляли их тела? На пьяную драку вроде не похоже. А это были только первые погибшие в организации на той «не войне».

На Донбассе к тому времени скопилась масса различных политических сил. И правых, и левых, и крайне-умеренных. В целом народ шепутной и вооруженный. Каждый имел свою точку зрения, порой радикально несовместимую с официальной повесткой. Каждый мечтал вложить свои пять копеек, а кто-то и утянуть одеяло на себя. Естественно, что множество идей бурлило под самыми разными знаменами. Звучали и совсем крамольные мысли: «Всех перебьем и заживем счастливо!»

Так прошло восемь лет. Неудобных – убрали. Неумытых – умыли и причесали. С кем-то договорились, а с кем-то не очень.

Интерес к событиям четырнадцатого года на Большой земле угасал. Взынченные на событиях рейтинги ослабли и провисли. Поток грузов обмельчал, и финансирование усохло. Людей волновали житейские трудности.

Беды с городским транспортом, мусорными полигонами, пенсионными реформами не пропали, а спрятались под волной всеобщего единства. Вода отхлынула, а беды лежали на прежнем месте серыми валунами и, кажется, под шумок только подросли.

Я и сам подумывал, что все последние годы провел как будто на другой планете, а в реальной жизни вроде бы даже женился и вроде бы даже успел развестись.

Заторопилось жить новое поколение, которому оказалось совершенно незачем вникать в чужие события в чужие для него времена.

Возможно, все бы затихло совсем, не для Донбасса, разумеется, а для всей остальной огромной страны, но однажды февральским утром наступил двадцать второй год.

Мне так показалось, что наступил он именно февральским утром. Слишком долго шел переговорный пятнадцатый.

Кто-то переобулся, кто-то перекрестился, кто-то достал чемодан, а заскучавшая было организация крепко встала на военные рельсы.

Множество добровольцев потянулись на Донбасс по линии «Интербригад», но в первые, да и в последующие месяцы, в первые особенно остро, чувствовалась всеобщая неразбериха. Заполосные вояки либо не подготовились, либо вовсе забыли на намеченный блицкриг. Не хватало то носков, то танков, то салфеток, то бронеплит. Шуруповерты выдавали, а шурупы к ним, как на любой большой стройке, не подвезли. Недоставало экипировки, теплых вещей, даже нормальной обуви; одетые как попало бойцы мерзли в окопах.

Организация не могла помочь всем, ей было не под силу серьезно влиять на весь театр военных действий – масштабы стали другими, – впрочем, теперь этого и не требовалось. Все от мала до велика, от губернаторов до ветхих старух, желали прийти на помощь вооруженным силам.

Но и в такой сумятице «Интербригады» смогли отыскать свою нишу. Если всем на свете помочь невозможно, то решено было помогать точно, отправляя определенным подразделениям необходимые им конкретно заказы.

Гражданская гуманитарка, и раньше являвшаяся только побочкой от снабжения добровольцев, вовсе сошла на нет. Вместо синих палаток организации в городах начали открываться так называемые «Цеха», в которых изготавливали массу нужных бойцам изделий. Окопные свечи и печки, маскировочные сети и носилки для раненых, а также более сложные комплекты для боеприпасов и техники. Также «Цеха» служили перевалочными пунктами или пунктами закупок необходимого оборудования.

Все полученные грузы позже стекались сюда, в Донецк, в штаб «Интербригад», а уже из него отправлялись нуждающимся в них подразделениям.

В «Цехах» на добровольных началах трудились сотни человек. Естественно, что такой механизм, включавший работу людей, множество рабочих рук, логистику, транспорт, свою бухгалтерию и кучу еще всего, не мог держаться на честном слове. За каждой отраслью приходилось следить, для чего назначались ответственные лица. Существовали

руководители на местах и люди, руководившие всей организацией – координаторы.

Одним из координаторов стал Юра.

Познакомились мы с ним много лет назад, сколько, я толком не помню, но тогда наши политические взгляды и взгляды на жизнь совпадали. Они, за редким исключением, совпадали и сейчас, а редкое исключение – моя безалаберность, упомянутая мной выше, которая никак не вязалась с обстановкой вокруг. Юра же, напротив, человек твердый, на мой взгляд, чересчур, старался держаться указанного маршрута, не нарушая намеченный распорядок.

Однажды, собирая в «Цеху» деревянный стеллаж, мы здорово поспорили над чертежами. Там, где я собирался загнать несколько длинных саморезов, скрепив ими стеллаж, Юра настаивал на пазах с обязательной проклейкой, потому что так, а не иначе, указывалось в чертежах.

Педантичность – полезная для руководителя черта – мне нередко казалась занудством. Хотя свое собственное разгильдяйство я тоже ничем хорошим не считал.

Тем не менее прошли мы вместе немало, отлично знали друг друга, к тому же были земляками, и я прекрасно понимал, какой груз ответственности носит на себе Юра. Лучшей кандидатуры на его должность было просто не найти.

В конце концов, через «Интербригады» на фронт шли не только грузы, на фронт шли люди, и от руководства зависели жизни людей. Механизм должен работать как часы, и координаторы с этим справлялись.

А вот я становиться частью часов не собирался.

Еще до поездки я поставил себе цели, которым намеревался следовать, а работа в стенах штаба мешала моим планам. Нет, я не думал вовсе отлынивать от своих обязанностей в организации, но жертвовать временем не был готов.

Жизнь в штабе движения напоминает вахту или экспедицию. По долгу службы археологом я бывал во многих старинных городах страны, но все, что мне довелось в них увидеть – это оцинкованный профнастил забора вокруг раскопок, ближайшую «Пятерочку» и иногда алкомаркет. Многомесячная гонка по кругу с короткими перерывами на сон никак меня не устраивала.

О буднях военных, добровольцев, военкоров и волонтеров написано немало, но о судьбах простых людей, о том, чем они живут, о чем думают все эти страшные годы, – практически ничего.

Я, желая исправить такую несправедливость, хотел вставать с ними по утрам, дожидаться автобуса на пустой остановке, идти по их улицам, жить их обычной жизнью.

Обычной жизнью, среди обломков стен под битыми крышами, под выходами и прилетами, обходя «лепестки» на газонах, зная о непогоде от расчета синоптиков установки РСЗО.

Я поселился отдельно. У «Интербригад» имелись свои помещения, где квартировали интербригадовцы, но я, не желая вкладывать все силы в общий труд, никакого морального права обитать там, естественно, не имел. Нет, никто меня, конечно, на улицу не выгонял, но чувствовать себя чем-то обязанным всегда неприятно.

Вскоре и вовсе выяснилось, что острой необходимости в моем содействии не было. В помощи моей особо не нуждались. Лишний винтик в отлаженном механизме оказался лишним.

Позже я обнаружил, что место моей будущей донецкой работы располагалось всего лишь в квартале от штаба, и я уже с чистой совестью наведывался туда только затем, чтобы выпить с Юрой кофе да потрепаться с другими знакомыми и друзьями.

В штабе было с кем, неспешно покуривая, обсудить обстановку и было у кого узнать последние новости. Юра, как и остальные бойцы и активисты организации, находился здесь в своей тарелке и на своем посту. Его выбор приехать в Донецк был тщательно взвешен, как, наверное, и мой, и оттого давно мне известен и не нов. Я заранее знал, какой он видит войну, но меня интересовал иной взгляд.

Все члены «Интербригад» сделали свой выбор, прибыв сюда. Все осознавали, чем такое решение может грозить, соглашались на него добровольно и выполняли свои задачи без лишних слов.

Мотивация интербригадцев была ясна, маршрут построен, известно время в пути. Но за пределами их маршрутов жил своей странной жизнью остальной миллионный город, в который стремился я.

Сухая трава меж плит на площади у ж.-д. вокзала, куда я случайно забрел, а в ней у бордюра две детские игрушки и несколько цветов. Темная труба перехода, где я испытал настоящий ужас, представив на миг, что случится, если что-нибудь тяжелое угодит в нее сверху. Внезапный мраморный Иисус в кустах у католического храма, среди каких-то гаражей и поваленных деревьев. Все те кусочки, одни из немногих, что ежедневно требовали обратить на них внимание. И попытаться понять, прежде всего для себя, что значит жить на волосок от смерти, не помышляя о медалях и орденах.

Настя

Я проснулся от журчания воды.

Уже месяц я не закрывал водопроводные краны ни в ванной, ни на кухне, ожидая, что вода появится. Но нет, ни одной капли за все время, что я здесь жил, из кранов так и не упало, а мои запасы давно иссякли.

Я спасался тем, что покупал воду в магазине. Еще одна донецкая особенность — в каждом продуктовом магазине продавалась вода.

Обычная вода, я ее для бытовых нужд использовал. Посуду помыть, постирать, самому худо-бедно помыться. Чайку мог заварить. Нормальная вода, разве что сырой ее я старался не пить. Стоила она немного, три рубля пятьдесят копеек за литр. Покупаешь литров двадцать — двадцать пять, и на пару дней хватает.

Питьевая вода в больших, пятилитровых, бутылках, к слову, в магазинах тоже имелась, но обходилась в два раза дороже, чем в моем городе. Очевидно, кто-то наживался даже на ней.

Услышав стук капель сквозь сон, я подскочил с кровати и бросился в ванную. Но надежда улетучивалась по мере того, как я крутил туда-сюда вентили безучастного смесителя. Шум воды не имел к водопроводу никакого отношения, меня затапливали соседи сверху. Мутно-бледные от извести, тяжелые капли висели по всему потолку. Влага сочилась по стенам, и обои, напившись ею, где-то уже отклеились. Кухонный шкаф набух и деформировался, и повсюду в квартире звенела непрошенная капель.

Я затаился с тряпкой, тазиком и драгоценной кастрюлькой из угла в угол, то пытаюсь собрать воду, то набирая номер риелтора. Бежать на-

верх на пятый, последний, этаж было бесполезно, там попросту никто не жил.

Но откуда взялась вода в нашем полумертвом доме?

Выжимая тряпку в кастрюлю, я зачем-то решил спросить совета у подруги, человека, с которым в последнее время общался чаще всего, и которая нередко выручала меня дельными советами, пускай и по интернету.

– Настя, привет! Меня соседи сверху заливают. Что мне делать?

Телефон тут же булькнул оповещением об ответном принятом сообщении.

– Вода – это не самое плохое, что может падать на тебя сверху. Сходи к соседям или воду перекрой.

– У меня нет соседей и нет воды.

Телефон немного помолчал и снова забулькал:

– Тогда не знаю, вызови аварийку...

– Аварийку? Здесь? Может, еще МЧС, а лучше штурмовую группу? – Я с досады чуть не плюнул в лужу у ног, но тут мне перезвонил ритор, и я, немного успокоившись, рассказал о своей проблеме.

Вскоре в дверь мою постучали. На пороге стояла усталая, пожилая женщина в спортивных подвернутых штанах и домашнем халате, халат местами промок.

– Здравствуйте. Я хозяйка квартиры наверху, – она неловко переступила с ноги на ногу. – Пойдемте, я покажу вам, в чем дело. И обуйте лучше ботинки, – добавила она, заметив, что я вышел в тапочках.

– Ничего страшного, – отмахнулся я и стал подниматься вслед за хозяйкой на пятый этаж.

– Это дочки квартира, но она в Ростове живет, – тем временем как-то бесцветно рассказывала женщина, – я тоже не здесь... плохой район, сами знаете. Иногда только захожу. Давно жду уже, а сегодня, видите, потеплело...

Дверь была открыта, и, переступив порог, я с размаху опустил ногу в холодную воду. Некогда ухоженная квартира представляла из себя жалкое зрелище. Мебель в прихожей изъела влага, покрытие кое-где вздулось и напоминало волдыри на обугленной коже. По светло-зеленым обоям кляксами ползла черная плесень. В гостиной причудливо пузырился натяжной потолок.

Дальше я заглядывать не стал. Вода, в которой я стоял, доставала мне до щиколоток, в ней плавала обувь, какие-то баночки и вездесущие пустые баклажки.

– Как это случилось? – изумился я. – Воды нет ни в батареях, ни в стояке.

– Воды нет, – все так же тускло вздохнула женщина, – и крыши тоже. А вы не знали?

Я и правда, разглядывая расстрелянные соседние крыши домов, даже не подумал о том, что творится над моей собственной головой. Я выглянул в подъезд; из стены торчала железная, крашеная голубой эмалью лестница, а над ней располагался квадрат открытого люка. Из него на лестничную клетку падал дневной свет. Слишком яркий для обычного полумрака чердака.

Когда я забрался по железной лестнице и просунул голову в люк, мне все стало ясно. Прямо над злополучной квартирой в проломленном шифере между стропилами каркаса зияла внушительная дыра.

Перевалившись через бортик люка, я, шурша керамзитом, подошел к пролomu, закурил и посмотрел вверх, на проплывающие над головой тучи.

Позавчера в городе разгулялась редкая для этих мест метель. Такая, что мгновенно встал гражданский транспорт и тротуары тут же занесло, а местная неумелая снегоуборочная техника не справлялась с сугробами.

Немудрено, что и через эту дыру на чердак намело немало снега, следы которого до сих пор еще виднелись кое-где. На улице снег растаял за считанные часы, а здесь пролежал какое-то время, дожидаясь оттепели, а дождавшись, благополучно протек в квартиру несчастной хозяйки.

Мне стало жаль пожилую женщину.

Интересно, полагается ли какая-то компенсация в подобных случаях? А если полагается, то у кого ее спрашивать? У войны?

Сунув окурок в уцелевший на чердаке снег, я вернулся к люку. Спускаясь, я обратил внимание на листочек бумаги, приклеенный скотчем к соседней от квартиры моей новой знакомой двери. «В ваш балкон был прилёт, позвоните по номеру...» – дальше синей шариковой ручкой был выведен номер местного оператора. Хозяйка гремела ведрами где-то в недрах своего жилища, и я не стал ее беспокоить, а потихоньку спустился к себе.

В холодильнике у меня оставалось полбутылки перцовой настойки. Я вытер рюмку бумажным полотенцем, налил грамм пятьдесят и выпил, затем вновь оглядел внутренности холодильника. Но ничего подходящего на роль закуски там не нашлось.

Почему-то остро хотелось обычных пельменей.

Вода на полу тем временем подсыхала, очевидно, соседка на пятом этаже как-то справилась со своим потоком, и капель в моей квартире сошла на нет. Я до отказа открутил ручки всех конфорок на газовой плите, «вечный огонь» пыхнул жаром, и тюль на окне шевельнулся в горячем воздухе.

Я прошел в гостиную, уселся в кресло, сбросив промокшие тапочки, и взялся за телефон.

– Настя, сваришь мне пельменей, когда я вернусь? Здешние пельмени – редкостная дрянь.

– Обязательно, а ты вернешься?

– Само собой. Еще скажи, ждать будешь? – Я покрутил в руке телефон и нехотя поставил скобку после вопросительного знака.

– Конечно буду, – без всяких скобок ответила она.

Гурбан

Я закрыл очередное объявление в интернете и отложил телефон в сторону. С поиском работы в Донецке почти сразу возникли проблемы.

В городе в основном требовались военные или строители. Первый вариант для меня отпадал из-за отсутствия все того же личного времени. Если я не мог полноценно заниматься работой в штабе, то сидеть в окопе тем более не мог. Второй вариант подходил идеально для интеграции в город, но с ним возникли проблемы иного рода.

Мариуполь уже освободили, но город лежал в руинах, и в него со всей страны за длинным рублем тянулись разнорабочие и профессиональные строители, одиночки и целые бригады. Интернет пестрел

объявлениями о найме на стройки Донбасса, и я наивно полагал, что по приезде сюда сложностей с трудоустройством у меня не случится. Но все оказалось не так просто.

На запрос в поисковике: «Строительство, вакансии, Донецк» на меня из ноутбука посыпалась масса объявлений о наборе на стройки Ростова, Волгограда, Нижнего и даже Сибири, но среди них не нашлось ни одного объявления о наборе на местные стройки.

Это меня удивило. Кругом все раздолбано, дырявые крыши, разбитые дороги, а строители нужны в Ростов?

Ну, пускай так. Но зачем везти людей из Ростова сюда, а отсюда в Ростов?

Также меня смутили обещанные местным аборигенам оклады на Большой земле. Если на «материке» предлагать неплохие деньги за работу в республиках оправдано – все-таки опасно, не каждый согласится ехать, – то платить дончанам за неквалифицированный труд в мирном городе больше, чем среднему менеджеру, не имеет никакого смысла. Я сам с радостью бросил бы и журналистику, и литературу, и поскакал бы таскать кирпичи за обещанные в объявлениях деньги. Но я знал, что такого не бывает, а знали ли об этом местные жители?

Дело было нечисто, пахло очередными махинациями. Зачем соблазнять донецких строителей сказочными гонорарами и отправлять неведомо куда, когда на их собственной земле работы непочатый край? Возможно, только для того, чтобы сменить на местах бесправных узбеков, которые, в свою очередь, давно освоились в «нашей Раше» и бесправными быть перестали. Между строк объявлений скрывалась ехидная рожица капитализма, адепты которого плевать хотели на бедственное положение Донбасса.

Прошло немало времени, пока среди вороха интернет-мусора я все-таки отыскал подходящую мне вакансию. На стройку в Донецке требовались люди. Неважно откуда, просто люди и просто на стройку.

Объект оказался внушительным, и бригады создавали на месте, не особо вникая в навыки вошедших в них строителей. Предстояли масштабные черновые и демонтажные работы, и начальство, видимо, решило, что сейчас важно прежде всего количество, а не качество кадров. С качеством оно собиралось определиться позже.

Люди приходили каждый день, и брали всех без разбора. Со мной пришли еще четыре человека, и нас, даже не спросив документы, приняли в коллектив. Выдали каски, посчитали по головам, записали фамилии, и мы приступили к работе.

Любая стройка – это лотерея. Никогда не знаешь, сколько и когда на ней заработаешь и заработаешь ли вообще. С большими профессиональными бригадами, как правило, заключаются трудовые договоры. В таких бригадах трудятся бывалые и тертые мужики, ссориться и кидать их на деньги опасно, они все равно так или иначе заберут свое. Вынесут с объекта материалы или инструменты и продадут, а вдобавок запросто наваляют прорабу, подрядчику, а то и начальству за неуплату. С такими, как я, одиночками, договоров не заключают, и приходится надеяться на порядочность руководства и собственную удачу.

Мне повезло – я примелькался сразу.

Во-первых, на всей огромной стройке выходцев с Большой земли оказалось всего двое, я и еще один парень из Воронежа, но он вскоре запил и куда-то пропал. Я остался один, и все остальные работяги смотрели на меня как на чудака. Большинство их знакомых, родственников и друзей,

вдохновленные чудесными объявлениями, уехали зарабатывать состояния на «материк», а я зачем-то притащился сюда, бросив мирный обетованный край. На частые вопросы о целях моего визита я отшучивался, а к моей фамилии прочно прилипла присказка: «Этот, из России».

Во-вторых, с легкой руки прораба у меня появилось довольно приметное прозвище. Услышав мое имя, он хитро прищурился и с усмешкой спросил: «Сталин, что ли?» Вскоре коллеги называли меня именно так, а я гордо подписал свою оранжевую каску псевдонимом генералиссимуса.

Прораб, которого звали Гурбан, был из числа правильного, порядочного руководства, и работалось с ним легко.

Он не только бродил по стройке, раздавая указания, но и охотно брался за любое дело, личным примером мотивируя остальных. Если ломали межкомнатные перекрытия, хватался за кувалду, если заливали стяжки, вместе со всеми ровнял раствор, бегал с канистрами солярки, заправляя тепловые пушки, и первым шел разгружать стройматериалы из прибывающих фур. Он успевал вести бухгалтерию, следить за ежедневно растущими бригадами, писать отчеты, и, находясь всегда неподалеку, легко и беззлобно разъяснял разгильдяю-рабочему, какой стороной вкручивать саморез.

Азербайджанец по национальности, Гурбан родился на Донбассе, и по этой причине имел мало общего со своими кавказскими соплеменниками. Я успел заметить, что родившиеся на Донбассе люди разных кровей приобретают общие черты, зачастую вовсе теряя свою национальную идентичность. Не стоит, как мне думается, глубоко копаться в истории в поисках происхождения данного феномена, скорее всего, здешний менталитет формировался в основном в котлах советских заводов.

Во всех дончанах, независимо от возраста, пола и национальности, было что-то общее, какой-то свой маркер. Донбасс напоминал эдакую Большую землю в миниатюре, где любят твердить, что мы многонациональный народ, но, несмотря на родное племя, – все мы россияне. А на деле на «материке» лозунг работает ровно наоборот – есть в первую очередь татары и башкиры, чеченцы и ингуши, ханты и манси, а россиянами народы считают себя уже во вторую очередь. На Донбассе же национальность ставится на второй план, если вообще учитывается, и здесь лозунг приходится к месту.

Свойствами своего характера Донбасс обязан и некоторой территориальной изолированности. Фактически проживая в составе одного государства, его жители считали себя гражданами другого, что также способствовало народному единению.

В любом случае я не специалист в таких областях, а всего лишь любопытный прохожий, которому приглянулся местный уклад, открытость и доброта здешнего населения. За всю жизнь, привыкнув к тому, что ничего хорошего от собратьев ждать не приходится, здесь, под обстрелами, я, наконец, успокоился.

Мне нравилось на стройке. Строители, люди преимущественно кочевые, имели в своем багаже целый ворох пестрых историй, которые скрашивали любой тяжелый и монотонный труд. Впрочем, монотонной работу на стройке назвать сложно.

Под байки старожилы мы ломали межкомнатные стены, радуясь, когда от пары точных ударов кувалды стена оседала, кренилась и с грохотом валилась всей массой вниз, рассыпалась по бетонному полу отдельными кирпичами. Чихали от пыли, ругались с кладовщи-

ком за каждую отвертку. Вместе курили и обедали, толкаясь в очереди, занимали выгодные места к единственной микроволновке. Матерились по утрам, роясь в куче вонючих и пыльных ботинок, разыскивая в ней точно такие же свои. Следили за работой ПВО в небе над нашими головами, когда монтировали тепляк на крыше.

В один из таких дней мы услышали об ударе по рынку в микрорайоне Текстильщик. Точнее, мы его увидели. Слышно ничего не было, но с крыши открывался хороший вид на город, и мы стояли и смотрели, как вдалеке в январском морозном воздухе поднимаются безобидные, на первый взгляд, белые дымки.

Некоторые потянулись к телефонам. Кто-то хотел пробиться к родным и близким сквозь короткие гудки перегруженной сети, кто-то судорожно листал ленту новостей, выхватывая из нее и тут же озвучивая информацию о произошедшем. Но большинство столпилось у обледелого кирпичного парапета. Люди, положив ладони на холодную кладку, молча смотрели на курящиеся в утреннем воскресном воздухе белые дымки.

– Там магазин хороший был, с телевизорами. Как раз новый себе хотел там покупать, – жуя сигарету, задумчиво протянул мужик справа от меня.

Я удивленно посмотрел на него. Только что мы узнали, что число погибших достигло восемнадцати человек. Сказанное мужиком прозвучало, мягко говоря, цинично.

Я продолжал так считать еще несколько дней и даже стал с неприязнью глядеть в сторону любителя телевизоров, пока не произошел еще один незначительный, казалось бы, случай.

Гурбан опаздывал на работу, чего с ним раньше никогда не случилось. Мы бездельничали в бытовке, потому что каждое утро именно он считал нас по головам и распределял в бригады. Когда он появился, то, не дожидаясь наших расспросов, сдержанно пояснил:

– Во двор снаряд прилетел, во всем доме стекла выбило. Пришлось окна в квартире чем-то закрывать.

– Чем закрыл? – деловито спросил любитель телевизоров. – ДВП?

– Да не, – вздохнул Гурбан, – я только недавно окна новые вставил, их и выбило. А старые у меня в подъезде хранились, я их обратно приладил.

Их привычный разговор пугал вовсе не тем, что во двор жилого дома угодил стопятидесятипятимиллиметровый снаряд, пугала та интонация, с которой они обсуждали случившееся. Словно ничего особенного не произошло. Маршрутка опоздала или погода испортилась. Эдакая досадная неожиданность, неудобная ситуация.

Люди настолько привыкли к войне, что она стала для них не больше чем насморк, простуда, больно зуб.

Война – это страшно, жестоко, неправильно. А еще война – это неудобно, узнал я тогда. Случайный снаряд то забор повалит, то тещу прибьет.

Бойцы

Везде; в углах и на полу, на столе, на продавленном диване, выпав из дверей платяного шкафа, похожие на кучи прелых листьев, громоздились ворохи камуфляжного барахла. Разгрузки, броники, каски, подсумки всех мастей и под все что угодно, обувь, раскиданная

в коридоре вокруг тактических ранцев, табачный дым и полупустые банки из-под энергетиков.

Двое парней спорили за ноутбуком о прочности бронеплит. Третий, сидя на полу, разбирал патроны от автомата, доставая их из прозрачного целлофанового пакетика, порох он высыпал в горку на газету, а пули вставлял обратно в пустые гильзы. Четвертый, утонув в кресле, внимательно изучал информацию о препаратах, разбросанных во множестве рядом с ним. Когда я вошел, никто из них не обратил на меня внимания.

Случилось так, что свою последнюю ночь в Донецке я ночевал вне дома. Риелтор забрала ключи, а на автобус из города я не успел.

Давным-давно наступила весна. Но когда она наступила, я не заметил. Однажды я отодвинул тяжелую штору, хлипкую преграду осколкам стекла, если их вдруг забросит взрывной волной внутрь моей квартиры, открыл дверь и вышел на балкон. Вечерело, и длинные синие тени деревьев обшаривали пустой неухоженный двор. Они заползли на детскую площадку, коснулись ржавчины позабытых неподвижных качелей, и те чуть слышно скрипнули цепями, отвечая на прикосновение теней. На легком ветру трепетали обрывки полиэтилена, за щербатые стены пятиэтажек, между призрачными высотками, садилось круглое закатное солнце, а темные окна оставленных квартир вспыхивали красным в его лучах, словно в дом угодил зажигательный боеприпас.

В другой раз я попал под дождь. Настоящий теплый ливень накрыл меня по дороге домой, я не стал ждать автобуса и отправился домой пешком. Под ногами, пузырясь, закипали лужи, в жестяных водосточках громыхала вода, и капли дождя ложились плотно, поражая все доступные ему цели. Но я не стремился искать укрытие в подземных переходах, под бетонными козырьками подъездов или же под навесами автобусных остановок и вскоре промок до нитки. Капли повисли на бровях, носу и подбородке, прозрачными ручейками катились за шиворот, смывая пот, пыль и усталость тяжелого дня. Прозрачные и чистые капли, пока еще чистые, сыпались с черного, угрюмого неба. Говорят, что при ядерном ударе радиоактивная пыль, поднявшись в атмосферу, выпадает на землю в виде специфических осадков – идет черный дождь.

После взятия Авдеевки обстрелы Донецка поутихли, и я понял, что пора собираться домой.

Наметив день отъезда, я убрался в полюбившейся уже квартирке, умудрился вымыть пол водой, которая так и не появилась, и позвонил риелтору, намереваясь отдать ключи, забрать задаток и вечером, прыгнув в автобус, отчалить восвояси. Но наши с риелтором пути не совпали, приехать она могла только вечером, уже после отбытия последнего автобуса, а значит, мне предстояло искать себе крышу над головой на текущую ночь. В штаб я идти не хотел, обременять местных друзей тоже, и я решил позвонить знакомому вояке, у которого, по слухам, имелись связи в военных кругах и возможность приютить путника.

– Без проблем! – ответил вояка. – Есть квартирка одна. Там парни живут, у них найдется место. Только ты это... они пришибленные чутка, внимания не обращай. Они... кто с Авдеевки только что вернулся, кто откуда, с передка, в общем. Не отошли еще. А так они хорошие пацаны. Я позвоню им, предупрежу.

Войдя, помявшись на пороге и не дождавшись никакой реакции, я отвязал от рюкзака пенку, бросил на пол и уселся в углу.

– Кури, если хочешь, – оторвался от коробочек с лекарствами парень, сидящий в кресле, – банку с энергетиком возьми под пепел. Бери любую, – добавил он, заметив, что я озираюсь по сторонам в поисках пустой банки, – там везде бычки плавают. Постал у нас любит их туда бросать.

– А чо я? – пробубнил рыжий парнишка в камуфляжных штанах и тельняшке из-за ноутбука.

– А скажешь, не ты? Банку отроешь, хлебнешь и бычок туда бросаешь. Тебе вообще по хрен! – возмутился парень в кресле. – Ты, значит, домой завтра едешь? – обратился он уже ко мне. – Бывал где?

– Не довелось пока, – уклончиво ответил я, закуривая.

– Понятно. Большой вон тоже завтра домой едет, – кивнул парень на совсем юного невысокого пацана, который ковырял патроны. – Большой, завязывай БК портить!

– Мне трассер еще нужен, – вороша кучу патронов, отозвался пацан, которого назвали Большим.

– Это он сувениры домой везет, ребенок, мля! – Парень в кресле выдавил из упаковки несколько таблеток и, не запивая, проглотил. – А вот это у нас Постал, герой Авдеевки, – повернулся он к рыжему парнишке, – а тот хмурый рядом – это Глухарь, бог войны. Глухой, как сволочь! Ну а я просто Влад, – добавил Влад и съел несколько таблеток из другой упаковки.

Я тоже представился.

– Приятно! – Влад принялся распечатывать новую коробочку с таблетками, а заметив мой заинтересованный взгляд, пояснил: – Понимаешь, спать не могу. Ищу в побочных эффектах «сонливость» и ем.

– И что? Помогает? – изумился я.

– Смотря сколько съесть.

– Надо бы в магазин, – нехотя пробасил угрюмый Глухарь, – пацанов домой проводить.

– Кто пойдет?

– Пусть Большой бежит, – Постал зевая, завалился на диван.

– Почему я? – Большой захлопал на остальных глазами.

– Ну, ты самый молодой...

– Все пойдем, и ты тоже! – Влад выбрался из кресла, недобро взглянув на Постала. – Гражданку надень, патруля нам не хватает. Авдеевку он брал! До конца жизни теперь на диване лежать будешь? Ты с нами? – Влад посмотрел на меня.

Я кивнул.

Для меня все они были молодыми. В полтора, почти в два раза младше меня, но у меня не возникало желание гундеть по-стариковски: мол, куда же вы, детишки приехали, куда же вас, родненьких, занесло? Я считал их ровесниками и надеялся, что и они воспринимают меня так же. В целом, так оно и выходило.

К своим годам я не разучился делать глупости, а в их годы спустился бы в ад только для того, чтобы проверить, насколько там жарко. Война дело молодых, в конце концов.

Мы шли по притихшему ночному Донецку, изумленные упавшей на него тишиной. В круглосуточном магазине мы купили водки, колбасы и сыра, по какой-то непонятной мне причине ночью нам хлеба в магазине не продали, и вышли по мощеной, блестящей в фонарном свете брусчаткой улице на набережную Кальмиуса. На другом берегу реки моргал огнями светофоров живой, мирный город, уперся рогами

пилонов в черное небо мост, а над кромкой темной воды маячили тени огромных камышей и вздыхал, качая их стебли, притаившийся в них ветер.

– Тихо как... – пробормотал Большой, хрустнул пробкой, открывая бутылку, сделал большой глоток из горла и передал мне.

Бутылка оказалась с дозатором, и водка, равномерно булькая, короткими толчками потекла в горло.

Я поморщился:

– Забыли стаканчиков купить...

– Зачем? – безразлично спросил Влад, тоже прикладываясь к бутылке.

Все замолчали.

– Трупы хохлов приправой карри пахнут, – подал голос Постал, жуя колбасу. – Seriously, карри! В сухпайке у них что-то такое может быть?

– А наши чем?

– Наши – курицей.

Придя домой, много орали, смеялись, делали бутерброды из сыра и колбасы. Выяснилось, что у бойцов нет ни одной нормальной кружки, чай они не пьют, а пьют исключительно энергетик. Нашли все же для меня армейскую кружку в одном из ранцев, а пацаны допили остатки из горла, сходили за добавкой.

– Слышь, Большой, – выпив, икнул Глухарь, – домой приедешь, по бабам побежишь?

– У меня девушка есть...

– Ну, девушку будешь драть два дня не вынимая, – пьяно хихикнул Постал.

– Мы, вообще-то, с ней еще не... – пробормотал Большой и осекся.

– Ну ты даешь! – буркнул Глухарь. – На войну поехал, а девке своей не присунул.

Большой потупился, а Влад, что-то заподозрив, внимательно поглядел на него.

– Большой, а у тебя вообще было?

Большой молчал, теперь уже все за столом посмотрели в его сторону.

– Вот ты долбодятел! – заключил за остальных Глухарь. – Тебе сколько? Девятнадцать? Две поездки в эту жопу, а ты девственник?

Большой продолжал молчать, а выражение его мальчишеского лица отчего-то приняло виноватый вид.

– Нет, Саня, – забыв про позывной, после долгой паузы проговорил Влад, – мы тебя такого чистенького домой не отпустим.

– В нумера? – усмехнулся Постал, вспомнив фразу из «Двенадцати стульев».

– Ну а чо? Сауну снимем часа на три, девок, водки купим, посидим...

– В нумера, – деланно вздохнув, подтвердил Глухарь.

То, что происходило в сауне, я помню плохо. Помню поразивший меня бассейн. Обычный, небольшой, невзрачный бассейн с зеленоватой, мутной, пахнувшей хлоркой водой. Но меня, несколько месяцев наблюдавшего воду только на дне своего маленького тазика, такое ее количество привело в восторг. Достать меня из бассейна долго никому не удавалось.

Помню, что в середине банкета уснул на лавочке. Еще помню, как сквозь сон слышал, как Постал кричал кому-то: «...Бежишь, наступаешь ему на ногу, на спину, на голову и не понимаешь, что он мертвый. Поворачиваешься, говоришь: “Извини, браток!” – и дальше бежишь. Не только я так делал, все так делают. Все!...»

Проснулся я уже в квартире. За окном было хмурое, как мокрый асфальт, небо, по которому уплывали прочь из города белесые куски разорванных облаков. Тело мое болело, а походный коврик прилип к щеке, оставив на ней клетчатый узор.

Кое-как поднявшись, я отыскал Большого в куче армейского барахла, у того из-под наваленных друг на друга броников торчали только ноги в грязных носках.

– Вставай, – потянул я его за ногу, – нам на вокзал надо, я такси вызвал.

– Гмхмм, – промычал Большой, из-под бронежилетов его было почти не слышно.

На автовокзале былолюдно. В торговом центре неподалеку играла музыка, обрывки облаков унесло ветром, и в пробитом асфальте неба показалось солнце.

Пока я покупал в ларьке беляши в дорогу, Большой, бросив ранец на скамейку, озибался по сторонам, а когда я вернулся, задумчиво протянул:

– В городе, наверное, умирать удобнее...

– Это еще почему? – удивился я.

– Найдут сразу, – он помолчал, подбирая слова. – Там, – Большой неопределенно кивнул за спину, – там когда найдут, то это уже и не человек вовсе. Понимаешь... я же видел. Если вообще найдут. А здесь... удобно.

Автобусы в Москву и Ростов отходили одновременно и стояли на платформах рядом. Пока салоны наполняли неторопливые пассажиры, я наблюдал за ним через окно. Он сидел на своем месте, тоже у окна, чуть ссутулившись, отчего его небольшая фигура сделалась совсем маленькой. Надвинув кепку на глаза и поставив ранец на колени, он копошился в нем, перебирал что-то и беззвучно шевелил губами. Может быть, считал свои испорченные патроны.

Вехи памяти

Андрей РУМЯНЦЕВ

Родился в рыбацком селе Шерашове на Байкале. Окончил Иркутский университет. Работал в газете «Молодежь Бурятии», затем заместителем председателя Комитета по телевидению и радиовещанию Бурятии.

Автор многих поэтических и прозаических книг, в том числе биографических повествований о Валентине Распутине и Александре Вампилове, вышедших в серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия». Публиковался во Франции, Канаде, Болгарии, Эстонии и других странах.

Народный поэт Бурятии, член Высшего творческого совета Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат нескольких литературных премий.

Живёт в Москве.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

145 лет со дня рождения Александра Блока

В первых же своих поэтических циклах Александр Блок представит перед читателем романтиком. Героиня его «Стихов о Прекрасной Даме», земная девушка, робко откликающаяся на еще неясное, зыбкое чувство юноши, окутана небесной дымкой; она не здесь, рядом, а на «том», на «дальнем» берегу:

Сумерки, сумерки вешние,
Хладные волны у ног,
В сердце – надежды нездешние,
Волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далекая,
Но различить – не могу.
Плачет душа одинокая
Там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается,
Ты ли зовешь вдалеке?
Лодка ныряет, качается,
Что-то бежит по реке.

В сердце – надежды нездешние,
Кто-то навстречу – бегу...
Отблески, сумерки вешние,
Клики на том берегу.

16 августа 1901 г.

Блок – поэт в классическом понимании этого слова. Не тот расхожий образ: человек не от мира сего, а тот божественный посланец, который соединяет «этот» и «дальний» берег, земное и небесное. Могут сказать, что «Стихи о Прекрасной Даме», «Снежная маска», «Фаина» – это поэтические феерии, рожденные молодой фантазией, юношеской, романтической любовью. Отчасти – да; но уже в них, как и в поэтических разделах поздних блоковских книг, проявилось то существенное, характерное, что составляет особенность творчества лирика: его восприятие человеческой судьбы, как соединения двух стихий, – того, что происходит с этой судьбой на земле, и того, что имеет отзвук в мироздании. Судьба поэта в этом смысле знаковая, типичная для всех братьев по разуму; в земной и – одновременно – в небесной жизни певца нет ничего мистического; бытие в двух мирах – это идеальное состояние каждого духовно развивающегося человека.

В феврале 1921 года в речи «О назначении поэта», посвященной очередной годовщине со дня гибели А. Пушкина, Александр Блок сказал:

На бездонных глубинах духа, где человек перестает быть человеком, на глубинах, недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией, – катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим вселенную; там идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир. Эта глубина духа заслонена явлениями внешнего мира... Первое дело, которого требует от поэта его служение, – бросить «заботы суетного света» для того, чтобы поднять внешние покровы, чтобы открыть глубину. ...Вскрытие духовной глубины так же трудно, как акт рождения. К морю и в лес потому, что только там можно в одиночестве собрать все силы и приобщиться к «родимому хаосу», к безначальной стихии, катящей звуковые волны.

Блок сразу, в первые же годы общения с читателем, выразил свою позицию: поэтический взгляд на все сущее – на человеческую жизнь, природу, мироздание – это взгляд не бытовой, а особенный, обогащенный духовным знанием певца. Поэт неутомим и вездесущ не только в поиске красоты, но и в поиске земной правды, всеобъемлющего знания о жизни. Не осмеивая «толпы», а лишь определяя свое отличие от нее, часто глухой и слепой, молодой Блок задорно писал:

Я вам поведал неземное.
Я все сковал в воздушной мгле.
В ладье – топор. В мечте – герои.
Так я причаливал к земле.

Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,
Но в каждом доме, в каждом крове
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летящим в облаке огня!

16 апреля 1905 г.

«Летящим в облаке огня» – это вовсе не поэтическая красивость. Это особость художника, особость творческая, а значит, наделенная Богом. Блок часто подчеркивал это:

Но ясно чует слух поэта
Далекий гул в своем пути.

Он постоянно помнил о Божьей мете на челе поэта. Счастье обывателя и проклятье художника, земные мечтания сытого и крылатые грезы певца – это неотступная тема Блока:

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пушай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, -
Я верю: то Бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Блок дал нам чудесную формулу романтики, причем вывел ее из будничного факта предвоенного времени: в Финский залив «кильватерной колонной вошли военные суда». И какой возглас вырвался у поэта:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

* * *

Круг мыслей, чувств, поэтических образов, лексика, даже интонация – все это составляет собственный мир того или иного лирика. У великих поэтов этот мир особо притягательный; он благоухает своими неповторимыми запахами, сверкает своими красками, звенит своими песенными звуками. Для меня пушкинский мир, например, мудр, одухотворен, музыкален, воздушен – нет высокого определения, которое не подходило бы к нему. В пушкинском мире все выверено: и смысл, и тон, и переливы звуков, и жест, с которым должна произноситься фраза:

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быть...

У Блока своя поэтическая вселенная. Именно вселенная: звездное пространство, небесный оком так же «обжиты» им в стихах, как невольские острова или поле Куликово. Блоковский мир чаще всего метельный, вихревой: в нем «снежные брызги», «льдиная вода», «ветер на всем божьем свете», «снеговая купель», «пляшущие тени», «крылатые глаза», «скакуна неровный топот». Таков он, наверное, потому, что в двадцатом веке метельной, обжигающе-морозной стала сама жизнь, жестокая и беспощадная к человеку. Во всяком случае, ритм блоковского поэзии – нервный, стремительно-срывающийся, бьющийся с опасными перебоями:

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

И сам поэт встает в своих стихах человеком, закаленным бурями: бесстрашным и ранимым, увлеченным и трезвым, страдающим и счастливым. Богатство переживаний, огромная энергия жизни, творческий порыв – этим привлекают нас и личность, и поэзия Александра Блока. Он знал обжигающую, губительную сладость бытия и говорил о ней с редкой прямоотой и правдивостью. Кто из поэтов называл свои книги и циклы стихов так, как Блок: «Распутья», «Заклятие огнем и мраком», «Возмездие», «Страшный мир»? Это не желание испугать или мрачно ошеломить читателя, это искреннее и правдивое слово о нашем земном мире:

Жизнь – без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами – сумрак неминуемый
Иль ясность Божьего Лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Твой взгляд – да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты –
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, – поймешь, где тьма.
Пускай же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.

1911 г.

А посмотрите, как описывает он героев своих стихотворений. Его метафору невозможно предугадать, его эпитеты неожиданны и смелы. В этом ведь тоже приметы особого, романтического видения:

Но в имени твоём – безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозных.

Или:

Она дарит мне перстень выюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге – строгий крест.

И какой он видит свою музу – ни один русский поэт не представлял ее в ореоле звездной красоты и с печатью земных мук, в том подлинном виде, в каком она является на горе и счастье творца!

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами –
Все проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого аи,
И любви цыганской короче
Были страшные ласки твои...

29 декабря 1912 г.

* * *

Александр Блок, пожалуй, последний в русской лирике поэт с обостренным ощущением трагизма земной жизни. Эту мысль можно оспорить, приведя в пример строки его младших современников – Клюева и Есенина, Ахматову и Цветаеву, Пастернака и Мандельштама. Но дело в том, что Блок выразил это свое ощущение, свое мудрое понимание жестоких испытаний, которые сулит человеку его судьба, в очень раннем возрасте – тогда, когда брожение юных сил, игра молодого воображения застилают будущее, его возможные потрясения. Среди лучших стихов, написанных поэтом в молодые годы, названная тема занимает большое место – и это выделяет Александра Блока в русской поэзии двадцатого века:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Август 1905 г.

Немногие поэты, как Блок, так часто и выстраданно писали о преходящем счастье, редкой удаче, мимолетной радости – и о долгом ожидании этих добрых подарков судьбы. Может быть, самые запоминающиеся, пронзительные стихи поэта – именно об этом. О трагизме, который переживается человеком в любви, в творчестве, в задуманном и невыполненном деле. В моей памяти такие стихи записаны, если можно так сказать, особым шрифтом:

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому,
Я бросил в ночь заветное кольцо.

Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналогом,
И звал тебя, как молодость свою...

30 декабря 1908 г.

Трагическое понимали многие поэты. Но для того, чтобы оно захватило и читателя, запомнилось им, как личное горе, нужен особый лиризм. Блок владел этим даром, как Лермонтов, как Фет, – он оставил сотни печальных строк, которые тревожат наши сердца. Он умел увидеть человеческую драму, например, в потерянном дне, в пустоте и скуке души, которая вроде бы способна к возвышенной жизни; увидеть и передать безжалостными и – одновременно – простыми словами:

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускаться на окнах шторы?
День догорел в душе давно.

Март 1909 г.

И все же самое характерное в поэзии Александра Блока – его солнечное, романтическое восприятие бытия, эмоциональная приподнятость, праздничное приятие жизни, пусть и требующей душевной работы и борьбы. Это феноменальное качество Блока: прожить короткую жизнь в самое трагическое и для России, и для всего мира время, видеть безумное истребление целых народов, полнейшую разруху отечества, гибель культуры и нравственности, душевный паралич и апатию близких по творчеству людей – и без усталости, с мужественным постоянством убеждать современников и нас, потомков, что жизнь – это свет, красота и добро!

О, весна без конца и без краю –
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха – позорного нет!

<...>

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

24 октября 1907 г.

* * *

Александр Блок открыл в русской лирике двадцатого века еще одну трепетную страницу. Я имею в виду стихи о России. Его зачин продолжили — каждый по-своему — другие поэты жестокого столетия, но первым и страстным по чувству певцом своей родины все же можно считать Блока. Он исторг такие пронзительные ноты, нашел такие благоговейные слова, что после него стали совершенно невозможны дежурные признания; его страстность и эмоциональность задали поэтическую высоту признаниям других лириков двадцатого века.

РУСЬ

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почишь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные разговоры
Под заревом горящих сел.

<...>

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины...

Так — я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу...

24 сентября 1906 г.

Блок и тут остается романтиком: его Русь, даже «в зареве горящих сел» (а к сентябрю 1906 года такие зарева зловеще пылали по всей крестьянской России), окутана небесной дымкой, озвучена песнями старины, населена ведунами и ворожеями — сказочная любимая родина не потеряла своей загадочной прелести, неизъяснимой красоты. В но-

вых стихах Блока она будет обретать дорогие черты матери или жены – и каждое его слово будет становиться ближе и значительней, родней и понятней для нас, потомков поэта:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы – ночной и зарубежной –
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарит кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

7 июня 1908 г.

Почему именно в предреволюционное десятилетие Блок написал свой поэтический цикл «Родина»? Вероятно, потому, что неблагополучие страны, страшное обнищание народа не давали покоя художникам, тревожили их обостренную совесть. Блок, судя по записям в дневнике, переживал эти невзгоды как личную трагедию. А в стихах он всегда был точен и верен своему чувству:

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909 г.

Как у истинно национального поэта у Блока лирическое начало в стихах о родине постоянно сочетается с глубоким историческим, общественным содержанием. Художник нового века, он словно подхватил мысль Пушкина об исторической заслуге России в спасении цивилизации и культуры Европы. Наш гений подчеркивал: «Долго Россия была отделена от судьбы Европы. Ее широкие равнины поглотили бесчисленные толпы монголов и остановили их разрушительное нашествие. Варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились в степи своего Востока. Христианское просвещение было спасено истерзанной и издыхающей Россией, а не Польшей, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагоприятна». Блок, создавая стихотворный цикл «Родина», полемически

заострил эту пушкинскую мысль. Ему кажется, что и в последующие после средневековья столетия над русскими степями «идут, идут испуганные тучи, закат в крови», что отчизне нашей «покоя нет, степная кобылица несется вскачь». Все поэтические образы Блока в стихах о родине навеяны разрушительной «азиатской тучей»; и сама Русь, испытав «полон», на долгие времена приобрела «разбойную красу», окунулась в «острожную тоску». Далеко позади остались кровавые сечи русичей с кочевниками, а дым давних пожарищ до сих пор «выедаёт глаза», растерзанные города и селенья прошлого лишают покоя:

Опять над полем Куликовом
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. Молись!

23 декабря 1908 г.

В блоковских строках остро чувствуется грозовой воздух начала двадцатого века. Действительно, «недаром тучи собрались»: за спиной стояла Цусима – жестокое поражение России на Дальнем Востоке, а впереди уже виднелись зловещие всполохи великой мировой бойни. Десятилетие спустя, уже в разоренной долгой войной и революцией стране, Александр Блок продолжит этот свой поэтический монолог, опять по-пушкински оценивая взаимоотношения России и Европы. Пушкин, как известно, в приведенных выше словах вовсе не выставлял исторический счет России Европе; он просто констатировал то, что было. Сам же поэт с огромным уважением относился к народам Запада и их культуре. Страстный поклонник и глубокий ценитель Шекспира и Данте, Байрона и Гете, европейски образованный человек, Пушкин видел в освоении богатейшей культуры Запада прививку отечественному искусству от обособленности и застоя. Тот же широкий взгляд на место России в семье европейских народов имел и Александр Блок. Его понимание самобытности жизни и культуры родины не заслоняло тысячелетнего животворного влияния Европы на Россию. Но любовь должна быть взаимной; неблагодарность одной из сторон уже привела к мировой катастрофе. Блоковская поэма «Скифы», резкая и зовущая к любви и примирению одновременно, стала не только выражением русского достоинства, дружелюбия и спокойной силы, но и фактом мировой поэзии, всегда гуманистической, примиряющей по духу. Это произведение бессмертно, как поэтическое воплощение нашего национального самосознания:

Милльоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас – века, для нас – единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома, лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот – срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет – не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим все – и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё – парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

<...>

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно – старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем – братья!

30 января 1918 г.

И все же во всех стихах Блока о родине есть дымка таинственности, словно его поэтический характер и тут не мог лишиться своей романтической сущности. Это чудная песнь: в ней вроде бы поется о доме, о темной туче над головой, о маячащих на горизонте далеких селах, то есть о том, чему никогда не удивится сыновний взгляд; и в то же время пронзительная нежность, испытанный в детстве восторг, возмужавшая память, знающая о прошлом этой земли, — все это подымается в человеке, и хмельная любовь диктует счастливые, перебивающие друг друга, восторженные слова:

В густой траве пропадёшь с головой.
В тихий дом войдёшь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетёт косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых роз.
Вот здесь вчера — повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

12 июля 1907 г.

Нет, так никто не писал о нашей русской земле!

* * *

И еще одну поэтическую страсть сохранял Александр Блок всю свою жизнь — он был человеком общественным. События российской жизни, несчастья людей, особенные, из ряда вон выходящие происшествия — все оставляло след в его душе. Может быть, ни один поэт, как Блок, начиная с молодых лет, не запечатлел в своих стихах столько подробностей текущей, будничной жизни большого города, жизни крестьянской страны.

Напомню только названия некоторых стихотворений поэта: «Сытые», «Повесть» («В окнах занавешенных ...»), «В кабаках, в переулках, в извивах...», «Поднимались из тьмы погребов...», «Балаган» («Над черной слякотью дороги...»), «Из газет», «Незнакомка» («По вечерам над ресторанами...»), «Там дамы щеголяют модами...», «Окна во двор», «На железной дороге» («Под насыпью, во рву некошеном...»). К. Чуковский вспоминал, какое впечатление производила на него улица в фабрично-заводском районе Петербурга, где одно время жил Блок; Чуковский постоянно соотносил ее со стихами поэта: «Тогда она кипела беднотой. Стоило мне войти в эту улицу, и в памяти всегда возникали стихи, которые эта улица как бы продиктовала поэту...» При этом симпатии Блока никогда не менялись; возможно, духовный опыт русской классики, для которой не было «низких» тем и которая неизменно разделяла народное отношение к добру и злу, правде и кривде, помог Блоку с самого начала творчества выбрать верную нравственную и общественную позицию:

ФАБРИКА

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене – а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

24 ноября 1903 г.

Блок всем существом чувствовал живое дыхание окружающего мира. Он не был ни затворником, ни погруженным в себя человеком. Он любил «плоть» жизни, ее обычные и неожиданные проявления. Поэтому так много у Блока лирических стихов, толчком для которых стали будничные наблюдения:

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг, –
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. –
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916 г.

* * *

Особенно много копий сломано вокруг поэмы «Двенадцать». На другой день после ее публикации иные из бывших знакомых и даже друзей поэта «не стали подавать ему руки» – эту фразу так часто повторяли литературоведы, что лучше взять ее в кавычки.

До девяностого года прошлого века о поэме говорили чуть ли не со священным трепетом; называли ее «октябрьской», «первым произведением зарождавшейся советской литературы». После этого рубежа оценки резко изменились. Заговорили о том, что уже вскоре после ее создания поэт стал раскаиваться, вроде бы даже отрекся от нее. Убеждали читателей, что время наказало поэта, потому что-де революция, которой он посвятил свое творение, – это преступление и проч., проч.

Флюгеров хватало всегда. Единственное, что может сделать любитель литературы в таком случае – это обратиться к первоисточнику, к другим произведениям автора, к его письмам и дневникам, к свидетельствам современников, заслуживающим доверия, и составить собственное мнение о поэме.

В пояснении к ней Блок писал:

...Во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг – шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, – будь они враги или друзья моей поэмы.

Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике. Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях – природы, жизни и искусства... Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над ними. Я смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать»; оттого в поэме осталась капля политики.

Мы уже говорили, перечитывая стихи Блока – от юношеских до последних, – что это был поэт, которому за любыми событиями земной жизни виделись их небесные отзвуки; для которого то, что начиналось рядом, в суе жизни, имело продолжение в звездной дали.

«Двенадцать» – это не эпическая поэма, не рассказ современника об Октябрьской революции, это эмоциональные всплески лирического поэта, родившиеся в грозном воздухе семнадцатого года. Не случайно Блок начал свое пояснение к «Двенадцати» такими словами:

...В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией...

Напомню, что в январе 1907 года и в марте 1914-го поэта настигли, как удары электрического тока, два увлечения – Н. Волоховой и В. Андреевой-Дельмас. Другой автор никогда не поставил бы рядом внешне несравнимое: революцию и любовь к женщинам. Другой, но не Блок. Для него то и другое было поразившей душу стихией, в согласии с которой он написал дорогие ему произведения.

Причем обратите внимание на слова поэта о том, что «революционный циклон произвел бурю во всех морях – природы, жизни и искусства». Для Блока революция оказалась бурей, потрясением не только в социальной жизни, но и в природе, и в искусстве. Тот «слитный, большой шум», огласивший земную и небесную твердь, а также привычный мир искусства, был похож на стихию, потрясшую его зимой 1907-го и весной 1914-го годов; в гуле этой стихии и пришла к Блоку его оригинальная поэма.

Читая «Двенадцать», можно задавать себе удивленные вопросы. Например, почему идущие по метельному, взвихренному городу красногвардейцы стреляют в гулену Ваньку и его легкую подружку Катьку, несущихся вскачь на лихаче, а убив блудницу, говорят себе:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Какой враг не дремлет? И против кого нужно держать «революционный шаг»? Неужели против таких, как Катька с Ванькой? Далее. Когда один из двенадцати, Петруха, закручинился из-за гибели своей вчерашней зазнобы Катьки, его товарищи урезонируют парня:

Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?

– Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

Кажется, тут не к месту это «вперед, рабочий народ!» Вперед – куда, против кого? И не странно ли под «рабочим народом» подразумевать и этих «двенадцать», каждому из которых «на спину б надо бубновый туз», как у каторжников, этих, которые шутя убивают, грозят грабежами («Запирайте этажи, нынче будут грабежи!»), «идут без имени святого», «ко всему готовы, ничего не жаль»?

На эти вопросы, однако, ответил сам Блок – и всем предыдущим творчеством, и статьей «Интеллигенция и революция», опубликованной в том же январе 1918 года. В этом страстном обращении к своим коллегам поэт говорил:

Что же вы думали? Что революция – идиллия? ...Что народ – паинька? Что сотни жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит? И наконец, что так «бескровно» и так «безболезненно» и разрешится вековая распря между «черной» и «белой» костью, между «образованными» и «необразованными», между интеллигенцией и народом?

И еще:

Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она легко калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но – это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда – о великом.

Поэма «Двенадцать» – это вихрь и гул революционной улицы, это мешанина взбаламученной жизни. В самих ритмах, виртуозно разнообразных и точно соответствующих содержанию каждой главки, живет неуправляемый, жестокий, неудержимый характер народной революции. А «летучие», мелькающие персонажи поэмы («старушонка, как курица», «буржуй на перекрестке», «вития» из интеллигенции, «поп», даже «пес безродный») – это словно бы застигнутые на взвихренной дороге существа. Почему же должны быть другие, а не эти? И почему среди идущих с ружьями двенадцати не может быть самых отпетых?

Среди них, – уточнял свою мысль поэт, – есть такие, которые сходят с ума от самосудов, не могут выдержать крови, которую пролили в темноте своей; такие, которые бьют себя кулаками по несчастной голове: мы – глупые, мы понять не можем; а есть и такие, в которых еще спят творческие силы; они могут в будущем сказать такие слова, каких давно не говорила наша усталая, несвежая и книжная литература.

Много удивленных вопросов задавали Блоку по поводу концовки поэмы. Почему впереди «двенадцати» появляется Христос? Поэт ответил с обескураживающей искренностью:

Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И я тогда же записал у себя: «К сожалению, Христос».

Этому безусловно веришь. Пусть участниками социального потрясения оказались натуры не ангельские, даже ущербные. Но к ним ведь тоже приложимы слова:

Каждый из них, как весь народ... скрежетал зубами во мраке, отчаянье, часто злобе. Но они знали, что рано или поздно *все будет по-новому*.

Они верили в свет и надежду впереди. Так почему же перед ними не может замаячить Христос?

Надо вот сейчас понять, — убеждал интеллигенцию Блок, — что народ русский, как Иванушка-дурачок, только что с кровати схватился и что в его мыслях, для старших братьев если не враждебных, то дурацких, есть великая творческая сила.

Вера в эту творческую силу и подсказала Блоку последние строки его поэмы. Он и в статье «Интеллигенция и революция» с убежденностью говорил:

России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому — великой.

Эта уверенность Блока и поддерживает нас ныне.

* * *

В середине своего короткого пути Александр Александрович написал «Возмездие» — поэтическую хронику жизни своей семьи и России с конца девятнадцатого века. Поэма осталась неоконченной, но последние набросанные автором строки можно назвать его заветом, сердечным, ободряющим посланием потомку:

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Все, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней,
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь ухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг...
<...>
Ты все благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем *quantum satis** Бранда воли,
А мир — прекрасен, как всегда.

1911 г.

Неизменный романтик в жизни и поэзии, Александр Блок и не мог пожелать иного.

* В полную меру (*лат.*) — лозунг Бранда, героя одноименной драмы Г. Ибсена.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Родилась в 1960 году в Свердловске. Окончила Уральский электромеханический техникум в Свердловске, курсы сурдопереводчиков, филологический факультет Горьковского госуниверситета имени Н.И. Лобачевского, Высшие литературные курсы в Москве. Работала воспитателем, сурдопереводчиком на Горьковском автомобильном заводе, Нижегородском телевидении.

Публиковалась в ведущих литературных журналах. Автор многих стихотворных сборников.

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

МЫСЛИТЬ ПО-РУССКИ, ЧИТАТЬ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

После тридцати лет жизни на каторге, на самой настоящей каторге – с кандалами и чахоткой, с рудниками и холодом, в Сибири – в приснопамятном 1857 году по амнистии граф Иван Александрович Анненков был восстановлен в правах. Он получил чин титулярного советника и был милостиво назначен находиться в отделе для особых поручений при нижегородском губернаторе – декабристе А.Н. Муравьеве, формулировка была сия: «Состоять сверх штата». А жить семья Анненковых в провинции поселилась, ибо в столице, где балы и вся оставалась недвижимостью семейства, им не позволялась указом. Санкт-Петербург – Северная Пальмира – тоже была в запретительном акте. Нижний Новгород – здесь столетие, что год! Здесь время тягучее, что варенье в вазочке. А служба Анненкова заключалась в возглавлении комитета по особым поручениям при губернаторе для улучшения жизни и быта помещичьих крестьян, в подготовке реформ 1861 года, где Иван Александрович неоднократно избирался в почетное звание мирового судьи, а ещё был награждён серебряной медалью «За труды по освобождению крестьян».

* * *

Милый, милый мой!

Моя жизнь.

Моё дыхание.

Моё блаженство. Моя молитва. Моя русская молитва на французском языке...Моё всё! Моя нежность. Поцелуи. Моя радость. И горе моё...

Ой, опять порезала палец, готова тебе борщ.

Каторжанка...какое тяжёлое слово. Но оно лёгкое, если я рядом с тобой, Иван! Ваня! Ванечка!

Да, да, Полина моя! Моя нежная девочка! Моя песня. Моя тяжёлая доля с тобой приобретает воздушность, она наполняется воздухом. Летим...

* * *

Полина Егоровна с годами постарела, располнела. Но муж не замечал в ней перемен. Для него она была всё та же молоденькая модистка, которую он встретил случайно, когда с маман зашли в ателье....

А было это так:

Он родился! О, нет, если вы думаете, что это произошло пятого марта 1802 года в семье Анненковых в Москве, то по факту это верно, но по сути Иван Александрович родился, увидев в первый раз Полину! И все его годы жизни 1802–1878, это она – Полина! А цель – свержение императора Николая I. Имя Ивана Александровича в честь дедушки Якоби. Состоял ли Иван Александрович во главе заговора декабристов? Был ли он певцом общества? Отчего стоял на Сенатской площади по другую сторону от декабристов с войсками, которые имели честь подавить восстание? Но не отрёкся от заговорщиков, хотя мог сделать это? Сие называется – честь и отвага, дружба и верность!

О, Жанетта-Полина Гебль, в замужестве Прасковья Егоровна Анненкова, чьи годы жизни 1800–1876. О, её нежные пальчики! О, её стан! Голос! О, её родина – Франция! О, равнина и дом старый родительский! О, стада овец! О, мама! Братья!

И вот юная Жанетта, освоившая профессию модистки, мастерицы по изготовлению шляпок, женского платья и белья, едет сначала в Париж, бывший «столицей мира», а затем отправляется в Москву, на так называемый, известный в мире Кузнецкий мост, славившийся светочем роскоши и моды. А всего-то через квартал жил её будущий муж. Квартал размером в вечность.

И размером в один миг!

Мама Ивана Анненкова неожиданно разбогатела, получив наследство. Дом их был переполнен прислугой и приживалками, там находилось более полутора сотен человек! По утрам, а утро – это почти полдень! – Анну Ивановну ожидали с полдюжины дворовых девок, наряженных в её юбки, платья, чулки! Это целый ворох человеческого тепла! Они грели ей место за столом, грели диваны, карету, ибо Анна Ивановна любила садиться на самое тёпленькое!

Сына Анна Ивановна любила и чрезмерно баловала. Игрушки. Медведики. Плюшевые зайцы... Далее, благодаря учителям заграничным, Анненков поступает в Московский университет, а после – на службу в самый престижный гвардейский Кавалергардский полк. Кавалергарды – это тяжёлая конница и личная охрана российских императоров. Если смотреть со стороны, то видишь блестящие медные доспехи (кирасы), а на голове у всех красовались высокие медные каски. Кавалергарды – это неперемненные участники самых торжественных церемоний, от коронации до императорских балов. Брали в кавалергарды рослых светлоглазых блондинов, плечистых, с хорошей выправкой.

Ванечка...

Поручик Анненков...

В июне 1825 года поручик-кавалергард был командирован в Пензу ремонтёром на начинавшуюся 29 июня Петропавловскую ярмарку (в наше время таких называют снабженцами).

Здесь Анненков произвёл закупку для полка строевых лошадей. Честный и верный присяге, он не прикарманивал деньги из казны, не слыл перекупщиком, не опускался до воровства.

* * *

И вот оно – дыхание перехватывает.
И вот оно – жизнь моя!
И вот оно – счастье... лёгкость бытия... крылья...
1825 год...

Полина Гебль также приехала на ярмарку. Они были знакомы ещё по Москве, случайно, когда маман пришла с Иваном на Кузнецком мосту в лавку...

Иван Александрович делал вид тогда, что скучал, он лишь мельком смотрел на Полину. Она щебетала как птичка. Милая и откровенно добрая. И щебет был похож на пение. И весна была почти летом. И Москва была торжественная и летящая.

О, Пенза! О, ярмарка! О, мезальянс! Поворот судьбы!

Молодые люди стали встречаться. И даже тайно попытались обвенчаться. Но в последний момент Полина прямо-таки сбежала из-под венца. Хотя на самом деле не сбежала, а поворотила коней обратно. Она испугалась – а вдруг? О, а ежели нечто произойдёт такое, ой, ой, непредвиденное... и стало страшно ей. И жарко!

Но до этого они гостили долго в Пятине – в имении пензенском и симбирском Анненковых. Тогда-то Иван и поведал Полине, что состоит в тайном обществе.

О, молодость!
О, сладость тайны!
О, любовь!

* * *

14 декабря 1825 года декабрист Иван Анненков был на Сенатской площади.

Кавалергарды налетали дважды – и оба раза были отбиты с потерями: «витринные» войска слабогодились для реального боя.

Анненковым двигало полковое братство, не мог оставить тех, с кем служил в одном месте, шёл в одном строю.

С другой стороны, тайное общество, в коем он действительно состоял.

Ночью 19 декабря 1825 года Анненков был арестован, его допросил лично император Николай I.

– Отчего вы, Иван Александрович, не донесли заранее на тайное общество?

– Я не мог... это дело чести, вы же царь. Вы должны понимать...

– Вы ошибаетесь... я знаю, что такое честь. Поэтому вам не будет расстрела. Вам каторга. Там вы и сгинете...

И начался отсчёт 28 каторжных лет с 14 декабря 1825 года. Стрелки времени текли медленно...

К этому времени Полина уже родила дочь. Пензенское приключение не прошло даром. Она поехала на последние деньги к своей свекрови...

Дочь называли Александрой. Фамилия её была Гебль.

Дорога была трудной, кроме этого Полину одолела послеродовая горячка. Но Питер, Питер, помоги! Ведь сегодня апрель – 11 число. 1826 год.

Но Питер не помог – свекровь отвернулась. Не приняла. Любимый на каторге. Денег в обрез. Полина обратилась к императору. А тот возьми да смиростивься!

...письмо было на французском языке. Хотя Полина молилась на русском.

«Я не могу жить без него. Я не могу дышать...»

Николай I был воодушевлён своим милосердием. Он не только разрешил Полине Гебль ехать в Сибирь, но и распорядился, чтобы московский генерал-губернатор выделил ей на это путешествие 3000 рублей – а это, право, хорошие деньги по тому времени. Мать жениха тоже жалилась. Она приютила внучку у себя в доме.

Сашенька? Такая хорошенькая! Личико, как у Ванечки маленького...

А Ванечка слыл красавцем и молодцом!

О, икона Иоанна! О, русская церковь! Молись, молись, Полина о здравии...

Мужа твоего. Детей твоих! Всех, семерых. Анненковых!

* * *

Острог в Чите...

Снег, несмотря на то, что уже было 8 апреля. Именно в этот день в 1828 году Иван Александрович Анненков и Прасковья Егоровна Гебль – так стали звать её по-русски – обвенчались в Михайло-Архангельской церкви в остроге Читы. На время церемонии с Ивана Анненкова сняли кандалы. Вечером новобрачным предоставили получасовое свидание.

И эти полчаса – были самыми роковыми для четы Анненковых. Они поклялись в вечной любви.

Я не могу жить без тебя.

Не могу дышать...

До самой смерти Полина Анненкова не снимала с руки браслета, отлитого Николаем Бестужевым из кандалов её мужа.

И вот он, Нижегородский Крестовоздвиженский монастырь. А там, при монастыре, кладбище в Нижнем Новгороде. Входишь – а надвратность тебя обволакивает. Где-то наверху птицы щебечут. И поют тоже.

Это птицы – птенцы тех, что щебетали в прошлых веках.

Ибо не меняют гнездовый пернатые наши.

Не меняют мест.

Не меняют песен.

О чём они, песни эти?

А о том, что мать Ивана Анненкова была первой богачкой Москвы, слыла дамой с характером и содержала в своём московском доме штат прислуги, по численности превышающий население целой деревни...

О том, что в 1824 году старший брат Григорий Анненков был убит на дуэли.

О том, что кавалергард Генерального штаба Иван Александрович летом знакомится с Полиной Гебль – дочерью наполеоновского офицера, приехавшей в Москву модисткой на работу в торговой фирме «Дюманси».

О том, что Полина родилась во Франции в знатной семье, но ее родственники потеряли все имеющиеся ранее привилегии. Отец девочки погиб, когда она была еще ребенком. Жаннет-Полине пришлось с ранних лет трудиться: шить, кроить ткани...

О том, что Полина переехала в Россию и поступила на работу в модный салон, где нередко бывала графиня Анна Анненкова, которую часто сопровождал сын – Иван Анненков. Это семейство являлось одним из наиболее родовитых и обеспеченных в Москве.

Но женился Иван на Полине!

А ещё – карты, модные развлечения, игра, пасьянс...

А ещё – звёзды. Снег. Молодость.

И... 14 декабря 1825 года, и перевернутые мечты...

И воплощение идеалов.

1826–1846 годы... каторга... изнуряющий труд.

Читинский острог – один из самых тяжёлых, смертных мест.

Подземелье, по стенам коего течёт вода. Бесконечное журчание тьмы...

И стареющая мать Ивана...

Которая поседела за одну ночь.

* * *

А может, может, организовать побег Ивану за границу? Может, удастся избежать каторги?

Нет.

А может, может, отречься от причастности к тайному обществу?

Нет.

А может, может, пожалеть мать свою?

Мамочка, мне тебя жалко.

Но нет.

Не смогу!

Ибо светит звезда... тяжёлая звезда... но она светит.

Никто не заставляет. Но ты идёшь сам на подвиг. Такова тайная светящаяся звезда эта! Она же не на небе. Она в душе.

Я жить не могу без тебя. Дышать не могу.

...в канцелярии царской множество народу

...подали бумагу, писанную по-русски...

в ней было сказано: разрешено ехать в Сибирь...

Читать Полина не могла по-русски.

Она могла лишь говорить и молиться на русском!

Дочери Полины, рождённой вне брака, всё-таки дали разрешение носить фамилию Анненкова и наследовать состояние своей бабушки. Александра оставалась в Москве при Анне Ивановне вплоть до её смерти.

* * *

Полина приняла православие и стала Пелагеей Егоровной Анненковой.

И с тех пор она стала жить обычной каторжанкой.

18 беременностей.

6 детей только выжили.

В 1839 году – Боже, Боже! – прошло с 1825 года 14 лет – каторгу сменили на ссылку. А это значит, что Тобольск, – барак, печь, хотя и небольшая. Но уже своя комнатуха, на нарах матрасы, одеяла. Каторжники и их супруги проживали, как вы понимаете, в самых неблагоприятных условиях, а женщины-аристократки выполняли здесь самые неприятные, тяжелые и совершенно ранее несвойственные, незнакомые им работы... Полина Анненкова слыла женщиной уникальной, с её редким качеством оптимизма, а также не покидающим ее трудолюбием, стойкостью; она сносила все перипетии судьбы. Не обязательно быть каким-то сверхсуществом, достаточно просто любить мужа. И тем прославишься в веках. Полина умела шить, стирать, готовить обеды и смогла по-настоящему облегчить суровый быт заключённых в Сибири; она наставляла женщин в их суровых испытаниях. Имя Прасковьи Егоровны Анненковой остается одним из наиболее почитаемых! Ибо попробуй-ка раздели с мужем все тяготы его судьбы. Его каторгу, что как в математике, уменьшенную вполтину.

И.И. Пущин характеризует Полину Анненкову высоко. Говорит – спасибо ей. И вправду, не пропадёт скорбный труд.

А самое главное – дум высокое стремление. Как сказал Пушкин.

В письмах и воспоминаниях многие декабристы упоминали черты безволия, нерешительности, капризности, себялюбия у И.А. Анненкова, но всё это компенсировалось наилучшими качествами характера Полины.

Она дополняла его.

Вносила героизм.

Стойкость.

Вот что значит истинная любовь.

* * *

Густой свет восходил над городом Нижним Новгородом. Молочные звёзды тускнели, обволакиваясь медовыми красками утра.

1858 год. Александр Дюма отправился в путешествие по Волге. Как он пишет, какой-то голос ему нашёптывал – заезжай, заплыви, побывай в Нижнем Новгороде. Встреча с бывшим ссылкой, а ныне помощником губернатора, с декабристом Иваном Александровичем Анненковым, а также с его женой Пелагеей Егоровной (Полиной Гебль) была необычайно трогательной и радостной. Она состоялась в доме военного губернатора в самом Нижегородском кремле.

* * *

Одно не смогла сделать Полина – это умереть со своим Иваном Александровичем в один день. Болен уже был её супруг тяжёлым душевным и психическим расстройством. Никакие травки не помогали, ни отвары мятные! Ни припарки из душицы и хмеля. Ни настойки из облепихи и липы.

Ни сидение в тени.

Ни отдых под ледяным панцирем зимы на мягком диванчике во дворе дома на Большой Печёрской... Ни пенье птиц, ни карканье ворон. Ни синички, что прилетали поклевать калину на снежных ветках, покрытых коркой инея.

Ни характер Полины, которая до старости сохранила жизнестойкость и оптимизм, которая всё сносила от Ивана своего – и упрёки, и обиды, и конфузы разные.

Друг ты мой...

Я же без тебя жить не могу.

Дышать не могу...

Моя любовь больше всех любовей на свете, даже больше тебя. Моя любовь меня переросла...

Жду я тебя там...

Как ты меня ждал в Чите. В Сибири. В рудниках. В пыли и грязи, в кандалах. В рванье и зипунишке. А заплатки – так это от моих рубашек посконных, чтобы не дуло тебе...

А ждать было недолго. Иван Александрович пережил Полину на два года и отправился на тот свет к ней в объятья. Красавец. Гусар. Молодец.

Каким жена его знала доселе.

И хорошо им там!

Вместе. В объятьях.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Родился в 1954 году в городе Легница Польской народной республики в семье советского офицера. Окончил Воронежский политехнический институт и Литературный институт им. А.М. Горького (семинар критики), учился в аспирантуре. Служил в армии, работал радиоинженером, звукооператором театра драмы, заведующим московской редакцией журнала «Континент», инкассатором, менеджером коммерческого банка. В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Подъём».

Литературный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Публиковался в ведущих литературных журналах России и других изданиях. Автор книг о современной литературе «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014). Лауреат общероссийской премии по литературной критике «Русское эхо», премии Союза писателей России «Слово-2017» и ряда других. Награжден медалями им. В. Шукшина, Ф. Тютчева.

Председатель Совета по литературной критике Союза писателей РФ. Живёт в Воронеже.

СОГЛЯДАТАЙ БЫТИЯ

Поэтический голос Александра Орлова

Современная русская поэзия в интонационном отношении, как правило, изъясняется вежливо, выстраивая свою речь с оглядкой на выбор слов и их письменное размещение. Тут сказывается привычка, передаваемая из поколения в поколение отечественной лирикой. Даже авангардистские строки иных авторов почти всегда выглядят так, будто их главное назначение – присутствовать на листе бумаги, а вовсе не проникать в слух читателя, соединяя написанное (прочитанное) со сказанным (услышанным).

Есть неуловимые приметы, подчеркивающие очевидную разность устной поэтической речи и письменной. Одними из главных черт звучащей поэзии сегодня стоит назвать бескомпромиссность суждений, беспощадную резкость словесного изображения событий и некоторую жесткость в оценке – и текущих событий, и минувшего. Причем стоит иметь в виду, что многое, изложенное письменно, в случае осознанного стремления автора к резкости линий и контрасту, часто соскальзывает в сферу брутальной риторики и теряет глубину художественного высказывания.

Единичны случаи, когда поэт, говоря житейски просто и эмоционально, не теряет своего лица. А за словами и образами проявляются

его характер, психологические и нравственные предпочтения, особенности памяти и способность быть последовательным в своих убеждениях, которые порой могут показаться со стороны категоричными, лишенными привычной интеллигентской рассудительности.

Я сын громадных, вековых трущоб,
Рождённый под «Прощание славянки»,
И методом ошибок, горьких проб,
Я собираю ветхие останки

Страны, которой больше не вернуть –
Господь навек детей её оставил,
И разъяснит грехопадений суть
В своём послании апостол Павел.

Всё, что прошло, останется со мной,
К тому, что не исчезло, нет возврата,
Но только слышу оклик за спиной
Сражённого за Родину солдата.

И снятся Магадан, Смоленск и Ржев,
Могильник, затаённый в снежной чаще...
Под утро просыпаюсь, ошалев,
И понимаю, сон мой – настоящий.

Это строки московского поэта и прозаика Александра Орлова. В них неизъяснимо чувствуется некая окончательность очертаний мира, в котором оказывается герой, отсутствие полутонов. Причем даже не в изображении, а в осознании, когда нет и не может быть мягкости и постепенного перехода от одной подробности к другой, а все грани и детали присутствуют сразу – как непререкаемая данность, внутри которой нужно жить.

Александр Орлов – не только литератор, но также историк. Очевидно, первоначальное устройство его ума и души сказывается на его лирическом голосе, на выборе слов, на стремлении нарисовать предметы, людей и события в высшей степени отчетливо. В какой-то степени подобная психофизика приводит к сухости поэтического голоса, его сдержанности – о чем бы автор ни писал: о русской древности, о православных устоях, о родной природе, о странах, в которые он был занесен судьбой.

При этом практически каждая строка в его стихотворениях являет собой полное в синтаксическом плане предложение: подлежащее, сказуемое, дополнение или обстоятельство. В итоге взгляд героя не обводит оком, но дискретно включается, двигаясь по реальному пространству, по историческому, по пространству понятий и смыслов – по принципу стробоскопа. Одновременно пропадают или съеживаются до минимума свойства небольшие, частные, призванные воспроизвести лирическую картину – драматическую или радостную, биографическую или рассказанную, увиденную или осмысленную. Герой оказывается один на один с историей, с социальным укладом, с чувством долга, со своей тоской по существованию естественному, непрерывному. И если противостоящий мир он может охватить умом, взглядом и определить его краской или словом, пусть даже и субъективно, то в отношении себя все сложнее: он постоянно должен задаваться вопросом «кто я такой?» и, суммируя отдельные ответы, так и не приходить к окончательному определению собственной потаенной личности.

По существу, перед нами лирическая поверка самого себя событиями и обстоятельствами – большими и малыми, внешними и внутренними, нескончаемое соизмерение с ними и непреодолимое отсутствие какого-то мало-мальски ясного и четкого ответа. В такой предельной по выразительности форме русское экзистенциальное вопрошание в лирике, как будто, еще не воплощалось.

Называя большую книгу стихотворений «Священные миры», автор, прошедший через разные этапы в своей биографии и созерцающий как историк отечественное бытие на максимально большом отрезке времени, каждому периоду, которого касается его мысль и поэтическое перо, дает именно такую титульную характеристику:

- священный мир дохристианского уклада, православные подвижники и духовный подвиг;
- священный мир Великой Отечественной войны, самопожертвование русского солдата;
- священные миры культуры Малой Азии, Кавказа и Европы;
- священный мир семьи, далеких и близких предков;
- священный мир *любви, доверия и ответственности*.

Последняя триада пронизывает всю книгу Александра Орлова, порой напоминая о себе иносказательно, исподволь, показываясь фоном, а иногда заявляя о себе властно – почти как о мировом законе, которому важно следовать неукоснительно.

Переходя от одного авторского сюжета к другому, часто удивляешься, как много души вложил поэт в лирические истории подчас мимолетные. Наверное, здесь действовало внутреннее правило: осознать произошедшее, понять себя и уловить, в чем изъян случившейся истории или ее драгоценная жемчужина.

Говорю тебе всё без утайки,
Мы расстаться не можем никак,
Мы с тобой, словно парные чайки,
Пролетевшие архипелаг.

Что под нами: вода или горы —
Не имеет значенья уже.
Посмотрите, прощаясь, поморы,
Я душой прижимаюсь к душе.

Пусть нас двое, но только едины
Мы в полёте на множество лет.
День и ночь из еловой лощины
За нас молится анахорет.

Он помянет в молитвах, что было,
И, что будет, сокроет от нас.
Вся земля для влюблённых – могила
Под присмотром Всевидящих глаз.

У Орлова есть два противоречивых тематических сближения: дохристианская Русь – Православная святость; подвиг русского человека в Великой Отечественной войне – трагедия репрессий и лагерей в довоенном советском государстве.

В книге не найти привычного противопоставления дохристианского Русского мира (который часто называют языческим, добавляя в это определение зримую долю оценочной характеристики явления) – пра-

вославному укладу. Взгляд поэта погружается в обиход стародавнего прошлого, в его картинах и мизансценах присутствует пристальное внимание к растениям, животным, к календарю, который столетиями казался священным распорядком существования всего живого, к редким старым словам и понятиям. Житейские коллизии накладываются на изображения природы, а сам сюжет исподволь сдвигается к православным именам и праздникам. И становится ясно, что перед нами – русский «шов времени», когда прежнее еще сильно и душевно значимо, но уже звучат новые истории и кажутся безусловными духовная стойкость и облик вчера еще неизвестных подвижников и страстотерпцев.

Точно так же Александр Орлов сближает стояние в Православной вере с реальными поступками своих героев, которые совсем не считали себя Христовыми воинами, а действовали так, как диктовало им сердце. И здесь досоветская Россия обретает связь с новыми людьми, поздними поколениями, по видимости атеистическими.

Давно её халат был на износе,
Она боялась только сквозняка.
Ходить на ощупь помогала Фросе
С опорной ручкой чёрная клюка.

Со мной одним она играла в прядки,
И не было прабабки веселей,
Обнявшись, мы сидели на кровати,
Она мне протянула пять рублей.

Я уходил, надеялся, что скоро
Почувствую тепло любимых рук
И по забавам лучшего партнёра
Шагов неспешных донесётся звук.

Наутро угощая класс в буфете,
Я сладости не чувствовал халвы,
Как будто знал, что при морозном свете
Ушла к святым защитница Москвы.

Главные фигуры лагерных сюжетов автора – люди старой закалки и сокровенного духовного устройства. В стихотворениях подобной тематики конфликт между страдальцем и «казенными людьми» не выносится на уровень плоского и ложного обобщения, когда советская страна безоговорочно именуется пространством террора. Страдание и стоицизм русского человека здесь предстают как скорбная часть бытийных обстоятельств, вышнее взыскание за многократное горестное отступление народа от истины. Это – горнило, в котором испытывается душа и сохраняется самое лучшее, что только можно найти в том трагическом многолетии. Хотя внешне судьбы и жизни ломались и стирались шестеренками идеологически мотивированной бюрократической системы...

«Священные миры» культуры Запада и Востока под пером поэта обретают свои яркие и самобытные оттенки. Однако само проникновение героя в эти теснины – природные и урбанистические – похоже на путь кометы по ночному небу. Детали чужих миров, кажется, остаются рядом с лирическим рассказчиком, он не сливается с принципиально иным социальным и ментальным распорядком и всякий раз видится отдельным русским человеком, внимательно изучающим облик

внешнего мира и будто примеряющим его на себя – как примеряют странное и тесное облачение. Тогда как в себе самом он продолжает бережно и ответственно хранить священный мир верности и любви, памяти и долга перед минувшим и будущим.

Стихотворения и проза Александра Орлова оставляют в памяти жанровое впечатление «жестокого рассказа». Обнажая до предела скрытые пружины и внешнюю картину происходящего, он старается найти ответы на самые простые и в мистическом отношении значимые вопросы:

- почему все так происходит?
- кто виноват в случившемся?
- есть ли сила, способная преодолеть злую чужую волю?
- какова твоя роль в событиях?
- и, уже поэтому, какова твоя судьба?

Но притом на фоне таких, по существу, страшных вопрошаний в его строках живет грусть по еще не утраченному окончательно Божьему миру, который изрядно порушен человеком. Этой печалью и почти интуитивно присутствующим в каждом истинно русском сердце образом Горнего Царства смягчаются беспощадные строки автора, и он становится в какой-то степени посланцем читателя – и соглядатаем Бытия.

Ты не знаешь, как лучше, как хуже,
Волю Бога познать не дано,
Светит солнце, зажатое в луже,
За тебя уже всё решено,

Заполняешь мирские пустоты,
Изнываешь от бросовых бед,
С кем-то сводишь вчерашние счёты,
Причиняя надуманный вред,

Занимаешь свободную нишу,
Где уже до тебя кто-то жил,
Словно поступь я вижу и слышу –
Скрип ступеней, изломы перил.

Эта лестница в ясную бездну...
Ты решил, так иди же, вперёд...
Даже если во тьме я исчезну,
Он услышит, простит и спасёт.

Татьяна КРИНИЦКАЯ

Родилась в Красноярске. Окончила Горьковский государственный пединститут (историко-филологический факультет, выпуск 1980 года). Работала в СМИ – корректор, корреспондент и обозреватель в газетах «Саров», «Саровская пустынь», «Городской курьер», «Новый город» и «Вести города», редактор Центра развития Саровского инновационного кластера.

Лауреат ряда всероссийских журналистских конкурсов, дипломант межрегионального литературного конкурса «За далью – даль» и международного литературного конкурса «Русский Гофман».

Живет в Сарове.

ОКАЯННЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

Владимир О. Дэс «Русский клуб» (М., АСТ, 2025)

«Русский клуб» – ещё одна книга о «лихих девяностых». Их за тридцать прошедших лет появилось немало. Разных по жанру – боевики, детективы, триллеры, семейные саги и даже нечто с элементами мистики. Разных по тональности повествования – от шаловливых «ироничных» дамских детективов с обязательным благополучным финалом до суровых брутальных книг о грязных и кровавых разборках, подковерных играх и т. д. От голимого натурализма до фэнтези и прочих измышлений «на тему».

Итак, девяностые. Что ж в них такого, что никак не отпускает? На мой взгляд, неослабевающий интерес к тем событиям происходит оттого, что поколение бывших в ту пору 25–35-летними, которые жили, работали, бились как рыба об лёд, крутились и выкручивались, поднимались или терпели поражения, выживали или не выживали, это поколение сейчас стало зрелым и подошло к тому, чтобы осмыслить время, «когда мы были молодыми». Подвести итоги и реально, без романтического флёра оценить и свои вершины, и – увы! – свои косяки.

* * *

Хорошая книга – это всегда история, язык и, конечно, люди.

История, рассказанная Владимиром О. Дэсом, – о жизни. И, как жизнь, повествование движется поступательно, неспешно, извивисто, но – только вперёд и вперёд. Может быть, именно тем и напоминает главную реку города Нижнеокска из «Русского клуба» – Волгу. Реку спокойную, плавную. А какие уж под ровной поверхностью скрываются омуты, течения и камни, бог весть. Ведь все вроде идёт как должно,

своим чередом, гладенько, но – ап! – и вдруг выворачивается неожиданно драматичной стороной. С невидимыми миру слезами. И, как в течении великой реки, не предусмотрено здесь ни второй попытки, ни возможности отыграть назад, что-то подправить. Есть только это самое необоримое течение времени и событий.

И язык «Русского клуба» напоминает Волгу – без всплесков и красотей, спокойно и размеренно, считай, непритязательно, но понятно, что река мощная, потому нырнуть вглубь – страшно: под обманчивым этим спокойствием может такое открыться!..

* * *

Героев «Русского клуба» автор не обеляет и не обмазывает сплошь дёгтем. Владимир О. Дэс показывает их в разных ситуациях, и понятно становится, что люди-то – все со всеми своими тараканами и в головах, и по жизни. Они – нормальные. Неоднозначные. Живые.

Мне ещё интереснее было читать «Русский клуб» потому, что с прототипами самых ярких и узнаваемых персонажей в силу профессиональной деятельности доводилось сталкиваться.

Кинорежиссёр Сергей Сергеевич Паратов, снимавший в Нижнеокске фильм, друг главного героя «Русского клуба» Глеба. Я в журналистскую бытность мимоходом пообщалась с его прототипом перед празднованиями столетия канонизации преподобного Серафима Саровского.

В день Серафимовских торжеств в город съезжалось православное священство со всего мира (и это не преувеличение), руководство России, губернии, да кого только тогда у нас не было, потому меры безопасности были приняты просто сумасшедшие. Стояла на въезде в город на отчаянной жаре и соображала: кого бы ещё успеть «взять»... Внимание привлёк знаменитый режиссёр, который как-то одиноко стоял, терпеливо чего-то ждал. Видно было, что уже устал, что этот государственно-безопасный формализм ему не по душе, но... в чужой монастырь – и далее по тексту. Подошла, представилась, задала вопросы. Получила ответы. Ни тебе столичного чванства, ни высокомерия, присущего немалому числу деятелей его уровня. «Сергей Сергеевич Паратов» написал в моём блокноте добрые пожелания горожанам.

Майор. Друг Глеба рекомендовал ему на должность начальника своего сослуживца майора Малышева Юрия Валентиновича, тот как раз попал под сокращение. Майор – сухощавый, всегда чисто и аккуратно одетый (костюм, галстук, белая рубашка, ботинки, начищенные до блеска) – производил впечатление человека спокойного, уравновешенного, знающего себе цену. В милиции он работал в отделе по незаконному обороту драгметаллов... Шло время. Взятки Майор не брал, деньги в фирме не «щипал», повышения зарплаты не просил, но у него были очень странные взгляды на жизнь вообще и её устройство в частности. Он считал человека самым обыкновенным сгустком биоматериала. И полагал, что по законам биологии можно легко просчитать действия любого человека. Как и всё живое, любой человек и тысячу лет назад, и сейчас ест, пьёт, размножается, спит, боится смерти и не боится дня, хотя боится ночи. Поэтому для хищника, например, волка, он не что иное, как пища, а не существо, созданное для каких-то высших целей по образу и подобию самого Бога. Хотя лишних людей нет: каждый человек – это частица великого Замысла. Как, например, для огромного количества микробов внутри человека он – оболочка, такой уютный домик для микроорганизмов. Глеб с «Русским клубом» тоже является частью этого мира, и это означает, что Майор честно и тщательно будет охранять тот мир, в котором они существуют вместе.

Майор – человек системы и – ничего парадоксального! – этой же системой выдвинут из неё. Но такие, как он, на любой работе или службе максимально честно тянут лямку и живут, как мне представляется, по принципу: «делай что должен, и будь что будет». Именно такие трудяги и защитники и есть основа страны, народа. Именно они несгибаемостью своей и приверженностью долгу оттащили страну от пропасти, в которую её старательно сталкивали корыстолюбцы или просто... усердные не по разуму.

Впечатляет сцена, в которой Майор появляется в книге в последний раз. Он сообщает Глебу, что увольняется из «Русского клуба» – в Нижнеокске его больше ничего не держит, умерла любимая жена – и отправляется на Северный Кавказ. Военные действия там в то время ещё не называли контртеррористической операцией... Он шёл на смерть.

С такими, как Майор, тоже довелось поработать в бытность мою газетчиком. И не важно, меньше звёзд на погонах или больше, – «Майоров» на самом-то деле среди силовиков и законников очень и очень немало. Профессиональных, умных, хитрых. Неудобных и несгибаемых. Часто – циничных. Но вызывающих безусловное уважение. Почтение даже.

«Красные директора» Владимира О. Дэса в романе «Русский клуб» – ещё одна когорта профессионалов, трудяг и защитников Отечества:

Директор вдруг встал из-за стола, повернулся спиной к Глебу и молча стал смотреть на пустой двор завода, где две собаки гоняли ком не то бумаги, не то ветоши.

– Так, значит, всё закрыть, сломать, всех разогнать, – вдруг отрывисто заговорил он, продолжая глядеть в окно. – А вы знаете, что я на этом заводе сорок лет? Пришёл простым инженером ковать надёжный щит Родины. Здесь трудятся двадцать династий, сорок орденосцев, два лауреата Ленинской премии. И вот приходите вы и говорите: «Всё, теперь вы все не нужны и защищать страну не надо, пусть пропадает. А мы, новые русские, будем здесь самогон гнать, а вместо столовой, где вы обедали, многоэтажный торговый центр построим, чтобы торговать шмотьём для богатых.

Он вдруг резко повернулся к Глебу и, переместившись за свой стол и опять став грозным и солидным, закричал:

– Нет, господин, так не пойдёт! Передайте это и вашему дружку губернатору! Мы подождём: не может быть такого, чтобы это безобразие продолжалось долго. Не может! Мы не дадим вам Россию продать! – захлебнулся он в крике. Лицо его налилось кровью.

«Красные директора» в жизни пытались по своему разумению адаптировать советские производства к условиям «эпохи первоначального накопления капитала по-русски» (но, правду сказать, больше-то было тех, кто хищнически отгрызал куски госсобственности для себя любимых или целенаправленно гробил российскую промышленность, сливая её зарубежным «инвесторам»). «Красным директорам» Владимира О. Дэса не всё удалось сохранить в Нижнеокске. Да что там, не всем им посчастливилось выжить... Как и во всей России.

И, наконец, губернатор Певцов. С прототипом персонажа довелось сделать несколько интервью и наблюдать его во время губернаторских визитов в наш город, затем – уже в Москве. Во всей красе он проявил себя сразу, ещё в начале 90-х. Читая «Русский клуб», постоянно отмечала, насколько выпуклый, цельный образ Певцова создал автор романа.

Прототипа Певцова в районах, и особенно в глубинке, не жаловали. Ну да, красавчик, говорун... Но маловато для государственного деятеля, не правда ли? Не принимали его всерьёз. Уважение к должности, как ни крути, – протокольная обязательность, а в остальном – «мальчик, а что,

взрослых дома нет?» И очень радовались в области, когда «Борис большой» его в Москву подтащил. А дальнейшая «карьер» и её финал...

Главный герой романа Глеб присутствует в каждой фразе, даже если отсутствует. В аннотации о Глебе говорится: «Смелый парень в начале перестройки создает собственную компанию, и его бизнес развивается очень быстро. Но на каждом шагу будущий крупный деятель провинциального региона сталкивается с проблемами. Как избежать бандитских наездов? Кому из завистливого окружения можно доверять? Как уберечь близких? Чего ждать от власти? И как сохранить не только компанию, но и самого себя в эпоху перемен?».

В какой-то степени автор подсказывает читателю, по какому пути Глеб-предприниматель будет развиваться:

Как-то в разговоре с Аркадием Моисеевичем, отцом Саши, Глеб спросил:

- Сколько надо заработать денег, чтобы стать настоящим бизнесменом?
- Столько, – ответил Аркадий Моисеевич, – сколько нет у других.
- А конкретно? Тысячу? Миллион? Миллиард? Есть ли предел допустимого богатства?

– Этого предела нет, – сказал Аркадий Моисеевич. – И быть не может. У человека слишком много фантазий, желаний, и богатеть он хочет до бесконечности. А бесконечность не имеет границ. Я вижу ваши потуги разбогатеть и хочу напомнить, что основной закон капитализма – это создание прибавочной стоимости. А прибавочная стоимость создаётся только в товаре. И если вы хотите получать серьёзную прибыль, то вначале наладьте своё производство.

Что герой романа и сделал.

Герои «Русского клуба», будь то дед Яков, похожий на песенного Кудеяра и некрасовского крестьянина Савелия, «сказочное создание», светлый ангел Ида, уличные сапожники, мелкие и крупные жулики, бандиты, трусы и предатели, да просто прохожие с улиц Нижнеокска – все они прекрасно выписаны. И сам губернский город Нижнеокск – со студенческих моих времен любимый Горький – Нижний, тоже по праву может считаться значимым героем романа «Русский клуб», а отнюдь не декорацией.

* * *

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают два эпизода, в которых автор обращает внимание не на людей, а на... собак. Горький эпизод смерти кавказской овчарки, которую Глеб погубил неосторожным словом, и ироничный фрагмент о дворняге деда Якова.

Глеб, конечно, не знал, что его дед, при всей своей мудрости и правильности, имел грешок, известный всему селу. После Великой Отечественной войны в Миловке остались одни вдовы. К ним и стал заглядывать Яков. Похаживал и думал, что никто об этом не ведаёт и видеть не видит. Вроде умный мужик, но «не разведчик».

Частенько в сумерках задами отправлялся он к очередной кумушке, а его собака у всей деревни на виду порядком шла к дому, куда дед пробирался тайно. Собака ложилась перед крыльцом счастливой бабёнки и ждала. Яков под утро опять задами, не замеченный никем, как ему казалось, пробирался к своему дому, а его собака через всю деревню весело бежала домой и там уже, радостно виляя хвостом, встречала своего хозяина на родном крыльце.

Псы – вообще зеркало своих боготворимых хозяев. Первая производная.

* * *

Весьма болезненная тема 90-х, поднятая в романе «Русский клуб», – отношения «народ – власть». Описываемое в «Русском клубе» время – по сути безвременье. Беззаконное, разухабистое, злое и... растерянное. Прежние законодательства – СССР и РСФСР – не работают, новые законы ещё не написаны. Вот и лавировали – кто как умел, кто как мог. Или не лавировали – шли напролом.

Взаимодействие народа с властями – на разных уровнях – прописано в книге безжалостно. С печальным осознанием подоплёки происходящего. Это и противостояние деда Якова с неверующим председателем колхоза, и грабительская павловская реформа, и кустарь-сапожник у Мытного рынка, которого согнали-таки с прикормленного места, и конфликт «красных директоров» с губернатором Певцовым. Да, пожалуй, весь роман – именно об этом (хотя обозначены и попытки наладить диалог, но они не слишком убедительны, неуклюжи). Резче всего взаимодействие народа и власти высвечено в противостоянии Певцова и Глеба.

Подтягивание предпринимателя к «обойме» происходит постепенно; несмотря на брезгливость, увязает Глеб в этих болезненных связях прочно, как муха в меду (или в чём там ещё?). Пик нездоровых отношений наступает, когда Певцов, мстя за проигрыш в казино, втянул Глеба в преступную авантюру с иностранным займом, отвечать за который пришлось бы герою романа. Отвечать всем, что имел: благополучием родных и работников холдинга, собственными предприятиями, капиталом, честным именем. Жизнью. Этого капкана Глеб чудом избежал, но принять принцип «с волками жить – по-волчьи выть» не пожелал. Герой постепенно осознает: будучи при власти, как ни старайся сохранить себя – не получится. Либо встраиваешься, либо тебя вычёркивают из жизни. И в дальнейшем не помогли ему ни министерский пост, ни изящное перенаправление взяток на благие дела. Ибо механизм власти заточивает людей под себя, превращая в шестерёнки. И сбой не потерпит – исторгнет. Потому финал детища Глеба – «Русского клуба» – был, увы, предсказуем.

* * *

Тех, какими мы были в девяностые, уже нет. И не будет. Такие книги, как «Русский клуб», нам, нынешним, помогают трезво взглянуть на жизнь и увидеть те аспекты её, которые в суете, в текучке проходят мимо. Такие книги – это переоценка и прожитого, и себя. У всех эти самые «лихие девяностые» – свои. Читая «Русский клуб», мы увидели девяностые Владимира О. Дэса и его города Нижнеокска.

И роман «Русский клуб» – не только и не столько ностальгия по юности. Он – осмысление: получили ли мы то, чего ждали, жаждали, к чему рвались в молодости? Изменили бы свою жизнь, как именно, если бы знали, какими станем?

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Наталия Петрищева

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Басинский (Москва)

Владимир Безденежных

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Диана Кан (Оренбург)

Елена Крюкова

Александр Орлов (Москва)

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Санкт-Петербург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Олег Беркович

Елена Гаврюшова

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Владимир Седов

Наталья Суханова

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ

ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru

Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и библиографической справкой.

Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

Подписано к печати 28.11.2025.
Выпущено в свет 26.12.2025.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 21.
Тираж 800 экз. Заказ
Свободная цена.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13